

Ерофей Трофимов

ОДИНОЧКА

Одиночка

Горные тропы

Школа пластунов

Военная фантастика
коллекция

Ерофей Трофимов
Одиночка: Одиночка. Горные
тропы. Школа пластунов
Серия «Коллекция. Военная
фантастика (АСТ)»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68656549

*Ерофей Трофимов. Одиночка: Одиночка. Горные тропы. Школа
пластунов (сборник): Издательство АСТ; Издательский дом
«Ленинград»; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-152810-2*

Аннотация

Жизнь – странная штука. Вроде выживаешь как можешь. Никого не трогаешь. А однажды вмешиваешься не в свое дело и оказываешься непонятно где, да еще не в своем теле. Так случилось и с Матвеем. Очнувшись в новом теле, он вдруг понял, что оказался совсем в другом времени. На Кавказе, да еще и в период русско-турецкой войны. А самое главное, что теперь он родовой казак...

Хотел укрыться от внимания власть предержащих, а оказался в самой гуще событий. Тут и осада крепости, и стычки с горцами, близкое знакомство с контрразведкой, в общем, что

ни день, то новые приключения и, как результат, наживаешь себе высокопоставленных врагов. А значит, опять будут погони, поиски и кровавые схватки, выжить в которых совсем непросто...

Содержание

Одиночка	6
Конец ознакомительного фрагмента.	293

Ерофей Трофимов

Одиночка: Одиночка.

Горные тропы. Школа пластунов (сборник)

© Ерофей Трофимов, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

Одиночка

– Да когда ж ты уймешься? – еле слышно проворчал Матвей, мрачно оглядывая пузырящиеся от дождя лужи.

В такую погоду дома нужно сидеть, с книжкой и чашкой свежего кофе, но пришлось выползать на улицу. В холодильникемышь повесилась, а никого другого, кто мог бы решить этот вопрос, у него не было. Вот и пришлось натягивать на себя старую куртку и, проклиная все на свете, устраивать очередной аттракцион по спуску инвалидной коляски по узкому лестничному пролету. Благо жил он в старой родительской однушке на втором этаже. Жена, узнав, что он стал инвалидом, быстренько собрала манатки и, сообщив, что еще молодая и желает жить полной жизнью, исчезла.

Хорошо хоть детей с ней не прижили. Родители ушли тихо, словно не хотели его беспокоить. Обоих не стало во сне. Так и остался он один, в старой родительской квартире. Спиритизированный со службы безногий инвалид. И только характер и привычка драться до последнего не дали ему опустить руки и спиться. Наоборот. На свою скудную пенсию он умудрился сделать в квартире ремонт. Пусть косметический, но хоть что-то. И даже со временем приобрести старенький компьютер.

Сослуживцы не забывали, грех жаловаться, но и у них было все не так радужно и весело, так что визиты становились

все короче, а звонки все реже. Но Матвей их понимал. У всех семьи, дети, а на дворе бушующий девяносто пятый год. Кто работает, кто бандитствует, а кто вообще за кордон подался в поисках лучшей доли. Ему же ехать было некуда. Родился в Питере, окончил тут военное училище и сюда же вернулся после выписки из госпиталя.

Так и жил. День-ночь, сутки прочь. По привычке поднимался в шесть утра, умывался, тягал гантели и гирю до пота, а потом решал свой вечный вопрос – чем заняться. Найти работу на дому инвалиду в нынешних условиях задача невыполнимая. Тут и здоровому-то устроиться некуда, а уж безногому... Ладно хоть пенсию, хоть и крошечную, но платят, даже почти регулярно. Еще бы цены на коммуналку не росли словно грибы, и вообще хорошо.

С этой мыслью Матвей решительно взялся за дуги на колесах кресла и выкатился из магазина. Пакет с покупками был заботливо завернут и сунут под бок. Не хотелось потом есть все мокрым. Натянув капюшон поглубже, он выкатился на тротуар и направил коляску к светофору. Дождь, словно услышав его мысли, начал стихать. Остановившись на переходе, Матвей нашел взглядом светофор, дожидаясь зеленого сигнала, когда к тротуару стремительно подлетела роскошная иномарка.

У перехода, на проезжей части, скопилась большая лужа, так что ездоки, видимо, решили не портить свою роскошную обувь. Вставшая на «зебре» иномарка разбрызгала лужу,

и пешеходы с руганью подались в стороны. Дверца машины распахнулась, и выбравшийся из салона молодой парень, с презрительной усмешкой оглядев угрюмо ворчавший народ, громко высказался, оглядываясь на выходящих из машины друзей:

– Быдло совсем обнаглело. Простой воды боится.

– Машину с перехода уберите, – не удержавшись, потребовал Матвей.

– Чего?! – развернулся к нему парень. – Ты на кого пасть открыл, обрубок?

– Я сказал, машину с перехода убери, мажор тупой, – рыкнул в ответ бывший капитан, командир разведроты, участник афганской войны, чувствуя, как от гнева и ненависти кровь ударила в голову.

– Да я тебя сейчас с дерьмом смешаю, шваль подзаборная! – завопил мажор, бросаясь на Матвея с кулаками.

В ответ Матвей только презрительно усмехнулся, глядя на его ужимки. В следующее мгновение, дождавшись, когда противник нанесет удар, он резко пригнул голову и, толкнув коляску вперед, нанес резкий, без замаха, удар в ему в пах. Следующим движением зажав шею парня в локтевом сгибе, он напряг руки, с удовольствием слушая, как хрустят его недоразвитые шейные позвонки.

– Сейчас дерну руками и оторву тебе голову, мразь, – прошипел он в ухо парню, усиливая нажим.

Подбежавшие друзья мажора только и успели, что размах-

нуться, когда Матвей одним сильным движением корпуса отбросил парня им под ноги и, стремительно развернув коляску, зло усмехнулся, разминая жилистые кулаки с набитыми костяшками пальцев:

– Ну, кто первый, твари? Я таких, как вы, давил и давить буду.

Не ожидавшие такого отпора мажоры растерянно затоптались на месте, не понимая, что делать дальше. Да еще и прохожие начали шуметь, что, мол, на инвалида напали. Помятый Матвеем мажор кое-как поднялся с земли и, со злостью осмотревшись, скомандовал:

– Поехали отсюда. Потом разберемся.

Его приятели, недоуменно переглянувшись, покорно полезли обратно в машину. Взревел мотор, покрышки взвизгнули на мокром асфальте, и машина скрылась за поворотом.

– Чтоб ты столб нашел, сволочь, – проворчал ему вслед Матвей, провожая иномарку взглядом.

Заметив, что светофор давно уже зеленый, он быстро развернул коляску и, с силой проворачивая колеса, пересек проезжую часть. Въехав на тротуар, Матвей свернул к дому, попутно прокручивая в голове всю сцену стычки. Это и дракой-то назвать нельзя было. Так, пискометрия. Эти болваны даже драться толком не умеют. Гонору много, а умений ноль. Завяжись все серьезно, и Матвею пришлось бы тяжело. Но не смертельно. Уж что-что, а рукопашке их учили серьезно. Как и стрельбе. Впрочем, как и всему остальному, что имеет

хоть какое-то отношение к уничтожению себе подобных.

Получив направление в Афган, он неожиданно вдруг понял, что теперь его жизнь зависит только от его умений, и постарался вспомнить все, чему его когда-то учили. Уже там, за речкой, он сошелся с парнями из спецназа ГРУ и напросился к ним на тренировки. Опытные бойцы, отлично понимая, что именно руководит молодым старлеем, согласились. И только сойдясь в спарринге с одним из них в первый раз, Матвей понял, как мало знает и умеет.

Его почти двухметровую тушку весом за центнер швыряли по площадке, словно мешок. После первой тренировки он до своего расположения еле ноги донес, но уже на следующий день снова пришел. Так и пошло. Если парни были не на выходе, а его рота не получила очередной задачи, он тренировался с ними словно проклятый. В общем, чтобы справиться с ним, тройки мажоров, которые ничего тяжелее ложки в руках не держали, было маловато.

Погрузившись в собственные воспоминания, Матвей свернул в подворотню, не обратив внимания, как из-за куста, тихо урча мотором, выкатилась иномарка. Прокатившись через двор, Матвей объехал детскую площадку, от которой давно уже остались одни воспоминания и перевернутые местной гопотой качели, и направил коляску к своему подъезду. Рев мотора за спиной заставил его чуть вздрогнуть и резко рвануть руки в разные стороны, разворачивая коляску.

Теперь сильно крутануть колеса вперед и загнать ее на высокий поребрик, но мощный удар в бок отбросил его в сторону. Уже катясь по мокрому асфальту, Матвей краем глаза заметил знакомый автомобиль и, прикрывая голову руками, успел подумать: «Зря расслабился».

Дальше последовал еще один удар, и навалилась темнота.

* * *

Было душно, страшно хотелось пить, а еще почему-то жутко болело все. Даже то, что давно уже болеть не может. Матвей попытался вздохнуть, но грудь словно обручем сдавило. Попробовал подать голос, но из глотки донесся только еле слышный, хриплый сип. Решил пошевелиться, преодолевая боль, уж к ней-то ему было не привыкать, но руки отказывались повиноваться. И вот тут ему стало действительно страшно. Страшно по-настоящему. До дрожи, до икоты, до истерики. Страшно так, что все его сознание, точнее, его остатки, сжалось до одной маленькой точки.

Потом снова навалилось беспамятство. Матвей не знал, как долго оно продлилось. В следующий раз очнулся он от чьих-то осторожных прикосновений. Не открывая глаз он попытался понять, что происходит, и снова появилась боль. Тупая, ноющая, та, которая выматывает нервы и доводит до иступления. А еще дико хотелось пить. Во рту было сухо, словно он опять оказался там, за речкой, под палящим

ужным солнцем. Содрогнувшись от воспоминаний, Матвей принялся прикусывать кончик языка.

Этому приему его когда-то научили парни из спецназа. В обычной обстановке этот прием работал, но в этот раз все пошло не так. Да и язык казался не давно знакомым органом тела, а чем-то чужеродным. Словно во рту вместо него находился кусок старой подошвы сапога. Сквозь тихий звон в ушах Матвей расслышал какие-то звуки, а потом ему в губы осторожно ткнулся какой-то предмет. Вслед за тычком в раздвинутые губы тонкой струйкой полилась вода.

Захрипев пересохшим горлом, он принялся жадно глотать эту прохладную, восхитительно вкусную жидкость, мечтая только об одном – чтобы воду не отобрали. Впитав все, что дали, буквально всем своим существом, он попытался пошевелиться, но снова ничего не получилось. Ко всему прочему в животе появилась какая-то противная нутряная дрожь. Стало зябко, словно он из пустыни в одно мгновение перенесся на север. И почему-то снова усилилась боль.

Сознание отключилось разом, как будто кто-то повернул рубильник. Что было дальше, Матвей даже не пытался вспоминать. Бесполезно. Он раз за разом приходил в себя и, едва успев глотнуть воды, которую ему кто-то подавал, снова отключался. А потом случилось что-то вообще непонятное. В один из таких моментов, когда он снова отключился, его сознание вдруг начало работать само по себе. Как объяснить это точнее, Матвей не понимал. Знал только, что какая-то

часть его мозга, отключившись от всего внешнего мира, принялась что-то делать.

Анализировать, обдумывать, лечить, что называется, выбирай на свой вкус, но это часть сознания работала. А вот потом начался вообще какой-то кошмар. Все его существо, его «Я», его эго, черт знает, как оно там правильно называется, начало тянуть, разрывать, разбивать на кусочки, а потом снова сшивать и скреплять в каком-то другом порядке. И это снова было очень больно.

Больнее даже, чем в тот момент, когда он попал под разрыв минометной мины и, придя в себя, понял, что ног у него больше нет. И тут Матвею стало страшно по-настоящему. Страх, который он испытывал до этого, казался теперь чем-то недостойным внимания. Где-то в глубине души он вдруг понял, что вот-вот потеряет себя самого. То, что делало его человеком, мужчиной. И в Матвее разгорелась злость.

Прошедший огонь и воду боевой офицер каким-то неизведанным доселе чувством понял, что если не начнет бороться, то исчезнет. Навсегда. Так, словно его никогда и не было. Обретя силы именно в этом гневе, он заставил себя собраться и принялся восстанавливать свое сознание, самого себя в обратном порядке. Как? Если бы он сам понимал. Он просто каким-то чутьем угадывал, что вот эти фрагменты нужно соединить вот с этими, а вот этот кусочек мозаики уложить вот сюда.

Сколько это продолжалось, он не знал. Да и не интере-

совался. Сосредоточившись на этой борьбе, он забыл обо всем. В какой-то момент, когда все кусочки разорванного сознания вдруг сложились, где-то в мозгу полыхнула яркая вспышка, и он снова отключился. Последнее, что отложилось в памяти, сплошная серая дымка, в которой где-то далеко мерцает теплый оранжевый огонек. Словно костер в тумане.

Очередное пробуждение оказалось почти нормальным. Сначала появились какие-то звуки. Потом сквозь сжатые веки пробился свет. А еще через какое-то время он вдруг понял, что чувствует свое тело. С огромным трудом разлепив непослушные, словно резиновые губы, Матвей попытался облизать их языком, но понял, что это будет бесполезным телодвижением. Во рту снова было сухо, словно в пустыне.

Послышался какой-то новый звук, и рядом с ним кто-то тихо охнул. Потом в рот снова полилась вода. На этот раз все прошло гораздо приятнее, а главное, спокойнее. Он не захлебнулся и не облился, как это уже бывало. Сообразив, что чувствует себя намного лучше, чем в прошлые свои пробуждения, Матвей осторожно вздохнул и попробовал открыть глаза. Дрогнув, веки медленно раздвинулись. Сначала ничего, кроме слез и рези, он не получил.

Свет ударил по зрению, словно тренированный кулак. Даже голова закружилась. Но потом глаза адаптировались, и что-то начало проясняться. Первое, что он увидел, стена. Шершавая, беленная известью. Такие он видел в деревнях на

Кавказе. Еще не понимая, что видит, он скосил глаза в сторону и едва не вскрикнул от удивления. Окошко. Распахнутое. С широким подоконником. Небольшое, в четыре куска стекла размером примерно тридцать на тридцать сантиметров.

А самое главное, ставни за ними. Вот тут ему снова стало не по себе. Ведь Матвей точно помнил, что катил домой, когда на него налетела иномарка мажора. А тут вдруг деревенская изба. Точнее, хата. Да еще и из тех, что в горных селах на Кавказе строят. Взяв себя в руки, Матвей перевел взгляд на другую сторону и, увидев шерстяной ковер у места, где лежал, окончательно впал в ступор. У него такого ковра точно никогда не было.

Между тем надоедливый звон в ушах начал стихать, и он сумел различить звуки обычной домашней деятельности. Где-то там, за стеной, кто-то гремел посудой и постукивал ножом по деревяшке, явно что-то нарезаая.

«Мать твою! Где я?» – охнул про себя Матвей, окончательно запутавшись.

Словно в ответ на его вопрос к его лежищу подошла пожилая женщина в платке, повязанном так, чтобы открытым оставалось только лицо, и, осторожно погладив его по голове, тихо спросила:

– Водички еще дать, Елисеюшка?

– Угм, – только и смог кивнуть Матвей, не зная, как на это реагировать.

Женщина принесла глиняную кружку и, напоив его, тяжело вздохнула, поднимаясь.

– Скорей бы уж отмучился, болезный, – тихо прошептала женщина, истово перекрестившись. – За что ж дитяти муки такие?

«Кто отмучился? Я отмучился? – возмутился про себя Матвей. – Да я еще тебя переживу, ворона старая! И кстати, почему Елисей? И почему дитяти? Блин, что тут вообще происходит?!»

Додумать свою мысль он не успел. Глаза сами собой закрылись, и он просто уснул. Спокойно и без всяких сновидений. Первое, что Матвей понял, проснувшись, снова был день. Прислушавшись к себе, он вдруг сообразил, что начинает оживать. На этот раз он проснулся без болей, резей и звонов. Сам. Спокойно. Да, была дикая слабость. Да, при каждом вздохе в груди что-то хрипело и клокотало, а глаза в глазницах двигались словно со скрипом. Но он был все еще жив, даже чувствовал себя лучше, чем прежде. Даже мысли в голове были ясными.

«Неплохо бы попить», – подумал Матвей, пытаясь повернуть голову, чтобы рассмотреть давешнюю старушку.

О ее присутствии где-то неподалеку он догадался по уже знакомым звукам. Негромкие шаркающие шаги подсказали, что она вошла в его закуток. Подойдя к лежанке, женщина развернулась всем телом и, склонившись, удивленно улыбнулась.

– Живой! – перекрестилась она. – Царица небесная, неужто выходила кровиночку! Елисеюшка, чего тебе при- несть? Водички, али поснидать чего хочешь? – спросила она, снова наклонившись к нему.

– Пить, – собравшись с силами, просипел Матвей.

– Ох ты ж господи, сей момент спроворю, милый, – засу- етилась женщина, выскакивая из дома.

Спустя минуту она поила его восхитительно вкусной, хо- лодной водой из все той же глиняной кружки. Напившись и почувствовав, что стало еще лучше, Матвей отдышался и, сфокусировав взгляд на старушке, еле слышно спросил:

– Где я?

– Ох ты ж господи, никак не признал меня, внучок? – ох- нула женщина.

– Нет, – набравшись наглости, признался Матвей.

– Ой, горюшко, – всхлипнула старушка. – Так в дому ты моем, Елисеюшка. А я бабка твоя единокровная. Степанида. Неужто не помнишь ничего?

– Не помню, – выдавил из себя Матвей, только усилием воли заставив себя не завопить во весь голос, что никакой бабки у него уже двадцать лет как нет.

– И то сказать, тебя ж сюда без памяти привезли, – сокру- шенно вздохнула старушка. – Думала, уж не выхожу. И ба- тюшку приводила. Он тебя и соборовал, и молитву прочел. Думали, со дня на день преставишься.

– Кто привез? – нашел в себе силы поинтересоваться Мат-

вей.

– Так солдаты с дохтуром. В станице энтот, как его, кагрантин ввели.

– Карантин? – насторожился Матвей. – С чего?

– Так тиф был, Елисеюшка. Почитай вся станица вымерла. Моя-то хата у околицы стоит, а ваш дом в середине станицы. Вот они тебя там и нашли, когда померших собирали. Одни мы с тобой остались, внучок. От всего рода одни, – всхлипнула старушка.

– Кто? – прохрипел Матвей, не понимая, с чего вдруг в горле щипало, а в глазах все начало плыть.

– Так все, Елисеюшка, – снова всхлипнула женщина. – И батька с матерью, и брат твой, и сестры. Один ты теперь в роду. Господи, отчего ж ты меня не прибрал вместо кого из детушек?! – глухо взывала она, крестясь и глядя куда-то в сторону.

– Бабушка, – кое-как справившись с собой, позвал Матвей.

– Ась, – встрепенулась старушка, моментально утерев слезы и подобравшись, словно кошка перед прыжком. – Хочешь чего, внучок?

– Дай еще попить, да посплю потом, – выдавил из себя Матвей.

Ему нужно было остаться одному и обдумать услышанное. Информации было очень мало, но расспрашивать женщину подробно он не рискнул. И так ум за разум заходил даже от

той малости, что уже услышал. Степанида ловко напоила его и, протерев лицо чистой влажной тряпицей, снова куда-то ушла. А Матвей, прикрыв глаза, принялся размышлять.

«Так, это что ж получается? Меня дома убили, и я оказался где-то на Кавказе, или еще где-то, где строят такие же дома, в чужом теле? Да ну нафиг! Бред. Ненаучная фантастика. Так не бывает. Или бывает? А ведь я что-то подобное где-то слышал. Кажется, по зомбоящику нечто подобное несли. Да ну. Очередная утка. Но бабка-то меня другим именем называет. И даже не сомневается. Не станет же она чужому человеку попа звать. Им платить надо, а у меня с деньгами не особо было. Я ж из магазина катил. Мне до пенсии еще две недели жить.

Нет. Тут что-то не так. И обстановка. И погода за окном. А главное, тиф. Ну откуда в конце двадцатого века в городе тиф возьмется? Стоп. Она сказала, в станице. Так, какой еще на хрен станице? Ничего не понимаю. Еще раз сначала. Я катил из магазина домой. Уже в свой двор свернул, когда меня тот мажор на своей иномарке нагнал. В драку не полезли. Решили одним махом все закончить. Блин, они же мне коляску сломали! И как я теперь без нее буду? Или не буду? Так, Матвей, соберись. Для начала собственный организм проверь», – приказал он и, сосредоточившись, попытался пошевелить руками.

Пальцы начало покалывать, а потом они медленно сжались в кулаки. Несколько раз сжав их, Матвей приказал се-

бе согнуть руки в локтях и ощутил, как конечности, скрипя в суставах, рывками, словно у испорченного робота, начали сгибаться. От напряжения в глазах потемнело и забухало в ушах. Отдышавшись, Матвей решил проверить ноги. Пусть там только обрубки, но даже их еще можно хоть как-то использовать. Особенно находясь дома.

Но, к его недоумению, колоть начало сначала пальцы, а потом и все ноги сразу. Недоуменно опустив глаза туда, где они по его ощущениям должны быть, Матвей вдруг понял, что ноги имеются. Какие-то странные, тонкие, но целые. И даже кое-как шевелятся, подчиняясь его приказу.

– Выходит, это правда? – прохрипел в голос Матвей, икнув от удивления.

– Тихо! Без паники! – мысленно осадил он себя. – Теперь становится понятно, почему бабка меня чужим именем назвала. Получается, что я действительно оказался в чужом теле. И это тело ее внука. Логично. Но блин, бред же собачий! – мысленно завопил он, едва не скатываясь в истерику. – Так не бывает! Не бы-ва-ет! – по слогам повторил он, судорожно сжимая слабые кулаки, чтобы не заорать на весь дом. – Так, спокойно, Матвей. Спокойно. Всякое бывает. Проснешься в луже, и пить охота. Главное, держи себя в руках. Ну чужое тело, делов-то? Люди вон миллиарды воруют, а тут всего лишь тело. Да и не крал ты его. Сам бы хотел понимать, как до жизни такой докатился.

Кое-как успокоив себя таким образом, Матвей открыл

глаза и, осторожно оглядевшись, снова затих, все еще не веря тому, что видит вокруг.

– М-да, не похоже это на бред. Совсем. Слишком уж все реально. Даже одеяло это лоскутное. Такие если где еще и остались, так только в деревнях глухих. А бабка сказала, что мы в станице. Интересно, это глухая деревня или уже нет? Блин, что-то меня не туда понесло. Да мать твою, соберись, тряпка! – отвесил он себе мысленного пинка. – Что еще заметил? Говорит бабка странно. Так даже в деревнях уже не разговаривают. Да еще и набожная она. Может, скит какой староверский? Так они вроде посторонних особо не жалуют. В доме уж точно не положат. Если только в сарае или в бане. Да и ту потом отмывать да отмаливать будут месяц. Итак. Что мы имеем с гуся? – задал он себе вопрос, возвращаясь ко всему увиденному и услышанному.

«Хватит паниковать. Теперь только то, что реально. У бабки вся одежда из натуральных тканей. Никакой синтетики. Поила она меня из глиняной кружки. Вокруг тоже все естественное. Даже стены известью побелены. Называет чужим именем, но твердит, что я ее внук, который собирался помирать от тифа. Да и, похоже, я теперь сирота. Бабка сказала, что у меня вся семья погибла. Точнее, у этого тела. Или это теперь мое тело? Блин, опять не туда. Что еще? Меня уже отпеть успели, но я выжил. Как? А хрен его маму знает. Нет, ну не верю я, что оказался в чужом теле, – снова завелся Матвей. – Поверю, когда своими глазами увижу», – успел

подумать он, неожиданно для себя действительно засыпая.

* * *

Следующие трое суток Матвей только и делал, что спал и ел. Точнее, пил. Бабка Степанида сварила роскошный куриный бульон, которым его и потчевала каждый раз, стоило только ему открыть глаза. На четвертые сутки, после очередной чашки бульона, Матвей вдруг понял, что не хочет спать. Дождавшись, когда бабка выйдет, он осторожно потянулся и ощутил, что состояние организма значительно улучшилось.

Удивленно хмыкнув, Матвей сделал несколько глубоких вдохов и, собравшись с духом, попытался сесть. От напряжения тут же закружилась голова, и потемнело в глазах. Отдышавшись, он мрачно усмехнулся и, нащупав рукой край своей лежанки, сделал еще одну попытку. В итоге, переждав следующий приступ головокружения, Матвей, оказался в сидячем положении. Чувствуя, что вот-вот свалится с лежанки, он поспешил прислониться плечом к стене.

– Так, главное теперь никуда не свалиться, – проворчал Матвей про себя, прикрывая глаза, чтобы унять пляску обстановки перед глазами. – Так. И что мы имеем с гуся? – добавил он, стаскивая с себя одеяло. – А имеем мы тело. С ногами. Только оно какое-то... Твою мать!!! Это ж подросток! – хрипло выдохнул Матвей, рассмотрев теперь уже собственные конечности и то, что располагалось выше.

Очевидно, напряжение от физических усилий и навалившийся стресс оказались для него слишком сильными. В итоге очнулся он спустя какое-то время все на той же лежанке, едва прикрытый одеялом, и снова в положении лежа на спине. Открыв глаза, Матвей несколько минут бездумно пялился в потолок. Потом, очнувшись и вздохнув, он поднес ладони к лицу и принялся рассматривать их.

С виду обычные кисти подростка лет тринадцати-четырнадцати. Цыпки, царапины, уже зажившие. Несколько старых шрамов. Криво обрезанные ногти. В общем, ничего особенного. Из задумчивости его вывели шаркающие шаги бабушки.

– Не спишь, внучок? – устало присаживаясь на край лежанки, спросила она.

– Не хочется пока, бабушка, – осторожно признался Матвей.

– Может, принести чего? – подобралась женщина.

– Благодарствую, не надо ничего, – качнул Матвей головой. – Бабушка, а сколько мне лет? – подумав, осторожно поинтересовался он.

– Так четырнадцать в августе стукнет. Да ты никак забыл всё? – всполошилась бабушка.

– Сам не пойму, – медленно, словно нехотя признался Матвей. – Вроде мелькает в голове всякое, а что, к чему, не соображу никак.

– Ох ты ж господи, царица небесная! – негромко запричитала старушка. – Только одно горюшко пережили, так другое навалилось. Да как же так-то, Елисеюшка?!

– Сама говорила, что уж хоронить меня собралась. Вот, видать, от болезни в голове все и стерлось, – нашелся Матвей, про себя лихорадочно ища хоть какой-то способ успокоить ее.

– Тоже верно. Ить и вправду думала, сама весь род схорону, – кивнула старушка, разом прекратив причитать. – Вон оно как вышло-то. Одни мы с тобой остались, Елисей. Одни. Ну да ничего. Даст бог, выживем. И похуже бывало. А ты отдыхай, внучок. Отдыхай. Поправляйся, – добавила она, погладив его мозолистой ладонью по плечу. – Пойду я. Нужно курей покормить да во дворе прибрать.

– Бабушка. А какой теперь год на дворе? – решившись, уточнил Матвей.

– Так тыща восемьсот семьдесят шестой от Рождества Христова. А шо?

– Да так. Все вспомнить пытаюсь, как долго болею, – выкрутился Матвей.

– Так пятый месяц пошел, как мор начался. Станицу разом всю почитай скосило. Хорошо казаки успели скотину всю за околицу выгнать. А не то так просто бы не обошлось.

– А зачем выгнали? – не понял Матвей.

– Да как же, внучок. Как иначе-то? Скотинка, она за собой ухода требует. И корму ей задай, и обиходь, а когда мор

в станице, какой уж тогда уход. Самим бы выжить. Вот и выгоняют скотину всю за околицу, чтоб, значит, животное не мучилось. Там и травку пощиплет, и водички из ручья попьет, глядишь, и переживет годину лихую. А уж коль хозяева выживут, так сами ее найдут. А иначе погибнет скотина без пригляду, а потом с нее еще мор начнется. Кто ж туши из станицы прибирать станет. Ох, болезный ты мой, – всхлипнула бабка. – Совсем от болезни обеспамятовал. Простых вещей не помнишь.

Удрученно махнув рукой, она вышла из дома, а Матвей, закрыв лицо ладонями, глухо взвыл, краем сознания пытаюсь удержать себя на краю истерики. Тысяча восемьсот семьдесят шестой год. Конец девятнадцатого века. Закусив край одеяла, он тихо выл, давая отчаянную и растерянность вылиться вместе с этим отчаянным воем. В такой растерянности он не был еще никогда. Даже став инвалидом, Матвей всегда твердо знал, что сумеет справиться с ситуацией. Но теперь впереди была одна сплошная безнадега.

Кое-как успокоившись, он глотнул воды из стоявшей у лежанки кружки и, немного придя в себя, принялся проигрывать варианты своего дальнейшего поведения.

«Итак. Конец девятнадцатого века. Чем может заниматься сирота из казачьей станицы, если вдруг решит уйти в город? – думал он. – Общество тут сословное, и за то, что не снял перед каким-нибудь павлином шапку, запросто можно в околоток угодить. Развитие оружия и техники на уровне

каменного века. Оружие сплошь дульнозарядное. Возможно, уже капсюльное. Воюют в основном белым оружием. В смысле режут друг дружку почем зря. Что еще?

Автомобили еще толком не придумали, паровозы тоже в зачаточном состоянии. Тонкая механика в виде часов уже начала появляться. В общем, все весьма печально. Остается только землю пахать. Ну да. Пахарь из меня еще тот. Осталось узнать, с какой стороны к сохе подходить и в какую борону коня запрягают. Кстати о конях. Казаки – это, прежде всего, кавалеристы, а из меня наездник, как из свиньи балерина. Нет, в седле, конечно, удержусь. Спасибо деревенскому детству. Но не более того».

Сообразив, что впереди маячит куча всяческих проблем, Матвей схватился за голову.

«Господи! Ну за что мне все это? – мысленно взвыл он, затыкая себе рот кулаком. – Ну чем я тебя так прогневил? Ведь служил всегда честно, ни за чью спину не прятался. Так нет. Убили. А тут оказался, и снова все не слава богу. Ну что мне здесь делать? Как жить?»

Этот полустон-полумолитва немного успокоил его, и Матвей, немного успокоившись, снова вернулся к своим мыслям.

«Так. Повыл. Постонал. Теперь начинай думать продуктивно. Итак, первое. Привести себя в порядок. Тело мне досталось юное, похоже, крепкое. Сейчас, правда, отошал так, что ребра бренчат, но это дело поправимое. Постепенно баб-

ка откормит. Уж для внука она ничего не пожалеет. Цинично, зато правда. Второе. Знаний у меня много, но все в этом времени бесполезные. Если только втихую для себя что-то делать. Хотя, что тут сделаешь, если еще даже станочный парк толком не придуман. Значит, придется кое-какой инструмент сделать самостоятельно. Пригодится. Стоп. Бабка сказала, что сейчас восемьсот семьдесят шестой год. Это выходит, через год война на Балканах с Турцией начнется.

Через год мне в этом теле будет пятнадцать. Можно в армию записаться. Или нет? Я ж из казаков, а у них свои подразделения. Выходит, тоже мимо. Впрочем, возможно, это и к лучшему. Не стоит забывать, что у меня отношение ко всяким сословиям примерно такое же, как в прошлом ко всяким мажорам и бандитам. А за такое тут можно и до каторги допрыгаться. Нет. В большие города мне лучше не лезть. Точно чего-нибудь такого отчебучу, что или в кандалах, или в местной дурке окажусь».

Тут Матвей вспомнил всяческие романы о попаданцах в прошлое и горько усмехнулся. Сюда бы всех этих фантазеров, у которых герои запросто вламываются ко всяким правителям и с ходу начинают им умные советы давать. Ну-ну. Посмотрел бы он сейчас на парочку таких умников. Матвей снова усмехнулся и вернулся к своим размышлениям. Что ни говори, а вариантов у него немного. И самый простой – оставаться в станице до того момента, пока бабка жива, а потом перебраться куда-то к людям, но держаться обособлен-

но. В общем, статья одиночкой.

«Ни пахать, ни сеять я не умею. Любым ремеслом владею на уровне ученика. Остается только одно. Начать жить с того, что умею делать лучше всего. Воевать. Год у меня есть. Потом война на Балканах, и там можно будет попробовать себя проявить. А кстати, где эта самая станица находится территориально? Ухохочусь, если на Кавказе. Получится, с одной войны на другую. А может, это не так и плохо. Тут война никогда не заканчивалась. Турки с желтоухими в этих местах вечно воду мутили. Вот, кстати, и еще одна точка приложения моих умений».

Нащупав подходящую ниточку, Матвей принялся вспоминать все, что когда-либо читал или слышал о действиях Российской империи на Кавказе. Но как назло, ничего толкового в голову не приходило. Только виски разболелись. Удрученно вздохнув, он глотнул воды и, откинувшись на подушку, еле слышно проворчал:

– Говорила мама дураку, учи уроки. Так нет, филонил. Вот теперь мучайся, дубина. Ладно. Какая-то канва начала вырисовываться. Линия поведения – одиночка. Точка приложения сил – военные действия. Из умений... Стрельба, ножевой бой, рукопашный бой, маскировка, разведывательно-диверсионные действия. Место действия – или Кавказ, или Балканы. Там видно будет. Если я правильно помню, горцы людьми в это время торговали только так. Особенно с турками. Воровали людей и ради выкупа. Вот и сфера де-

тельности. Нужно только будет как следует подготовиться, а главное, привести себя в порядок. А то этот доходяга под весом местного карамульки пополам сложится.

Решение было принято, и на душе слегка посветлело. Чуть улыбнувшись, Матвей еще раз приложился к кружке и, услышав шаркающие шаги бабки, негромко окликнул:

– Бабушка!

– Ась! Шо, внучок? – суетливо спросила женщина, быстро подходя к лежанке.

– Мне б поесть, – смущенно попросил Матвей. Словно в поддержку его просьбы, живот парня издал длинную громкую руладу.

– Ох ты, господи! – засуетилась бабка. – Сей же час принесу, Елисеюшка. Сей же час все будет. Оголодал, болезный. Оголодал, кровиночка, – негромко причитала она, гремя чем-то в летней кухне во дворе.

Спустя минут десять Матвей наслаждался ароматным куриным супчиком с кусками куриного мяса и какой-то крупой. Какой именно, он даже рассматривать не стал. Не до того было. Умяв миску варева с толстым куском пахучего ржаного хлеба, он отдал посуду бабке и, сыто отдуваясь, улыбнулся:

– Благодарствую, бабушка.

– На здоровье, внучок, – радостно улыbnулась она в ответ. – Может, еще чего хочешь?

– Спросить хотел, – воспользовался Матвей моментом. –

Батино оружие где теперь?

– Ох ты ж, господи! – охнула бабка. – Едва говорить начал, и туда же. Ну куда тебе сейчас оружие? На ноги встань сначала.

– Так ведь не просто так спрашиваю, – нашелся Матвей. – Сама говорила, в станице народу и не осталось почти. А ну как вздумает кто по домам пошарить? Как тогда быть? Нет, бабушка. Ты как хочешь, а оружие батино мне сюда принеси. Пусть рядом, под рукой будет. Заодно и проверю, может, чего чистки или заточки требует.

– Так бы и сказал, что скучно просто так лежать, – усмехнулась женщина. – Добре. Принесу сейчас. Уж этого добра у нас скопилось столько, что эскадрон вооружить можно. И батяшка твой такой же был. С малолетства самого, – грустно улыбнулась она. – И дед. Сразу родную кровь видно. Другие серебро да украшения везли, а они оружие всякое, – махнула она рукой и, развернувшись, вышла.

Спустя некоторое время бабка вернулась, неся в охапке сразу несколько шашек, следом появились пояса с кинжалами, потом ремни с кобурами под пистолеты и сами пистолеты, ну и под конец сразу три ружья. К ним она приволокла жестяную масленку, охапку старой ветоши и пороховые рога. Глядя на этот арсенал, Матвей только растерянно глазами хлопал. Все оружие было тщательно вычищено и ухожено. А главное, что это были не простые, так называемые рядовые экземпляры.

Два из трех ружей были кремневыми. Тяжелые, с шестигранными стволами. Калибр такой, что в ствол запросто можно было большой палец сунуть. С усилием отложив их в сторону, Матвей потянул к себе оставшееся ружье и, едва заглянув в ствол, чуть не завопил от восторга. Это был настоящий штуцер. Канал ствола с нарезками. Капсюльный. Сам ствол опять-таки шестигранный, но калибр несколько меньше предыдущих. Приклад и ложе вырезаны так, что оружие просто хотелось приложить к плечу.

«Вот с него и начнем», – улыбнулся про себя Матвей, поглаживая пальцами приклад.

* * *

Спустя две недели Матвей уже начал потихоньку подниматься с лежанки. Не сказать, что это получалось легко, но до «скворечника» во дворе он уже добирался. С двумя остановками и черепашьим шагом, но сам. За это время он успел довести все принесенное бабкой оружие до идеального состояния и даже отремонтировать одно ружье. Заменял кремнь. Дело нехитрое, но делать это нужно было умеючи. Так что разбирался он с этой доисторической механикой не спеша. Осматривая, ощупывая и едва ли не обнюхивая механизм.

Бабка Степанида, увидев его за этим делом, только головой удивленно покачала, тихо проворчав:

– Видать, недаром вечно рядом с дедом крутился.

– А я крутился? – отреагировал Матвей и тут же выругал себя за торопливость.

– Еще как, – кивнула женщина, посмотрев на него с жалостью. – Едва дед ружжо в руки, и ты тут как тут.

Вспоминая тот разговор, Матвей в очередной раз прокручивал в памяти свои ощущения, когда услышал, что станция находится ни много ни мало в предгорьях Кавказа и считается частью Терского казачьего воинства. Вот тут ему стало действительно плохо. Мало того что перекинулся во времени, так еще и в пространстве. Механику этого переноса он так и не смог осознать. Парню (мужчине?) все время казалось, что он спит и видит очень странный и очень реалистичный сон. И больше всего ему хотелось проснуться.

Воспоминания снова всколыхнули что-то у него в душе, и на глаза навернулись слезы.

«Твою мать! – выругался Матвей про себя, утирая рукавом лицо. – Хрен знает, что со мной происходит. Каким-то плаксой стал. Про родителей этого тела услышал, заплакал, про деда, опять слезы, про себя самого думаю, и снова глаза на мокром месте. Хрень какая-то. Или реакция на стресс, или со мной действительно что-то не так».

Ответ на этот вопрос он получил утром, проснувшись с такой эрекцией, что даже немного больно было. Только тогда, сообразив, что происходит, Матвей растерянно усмехнулся про себя: «Твою ж дивизию! У парня же гормональ-

ный взрыв начинался, когда болезнь скосила. И, похоже, все эти радости достанутся теперь мне. Ладно. Главное, чтобы совсем башню не снесло. А то, если себя самого в том возрасте вспомнить, то мама не горюй. Думал чем угодно, но только не головой».

С этой минуты Матвей принялся тщательно контролировать каждое свое слово и каждый жест. Делать это действительно стоило. Достаточно было только слегка ослабить контроль, как настроение тут же начинало меняться, словно погода осенью, а в голову лезли всякие странные мысли. В общем, забот с новым телом у Матвея было более чем достаточно. Он уже молился, чтобы побыстрее встать на ноги и заняться собой как следует. А приводить это тело в порядок действительно было необходимо.

К тому же так сложилось, что убили его осенью, а очнулся он весной. А это означает, что к местной осени ему нужно быть в форме, чтобы начать решать элементарные бытовые проблемы. Из разговоров он выяснил, что в станице осталось три старухи, один старик и он сам. А это значит, что зима будет голодной. Помогать выжившим попросту некому. Все, у кого были родственники в других поселениях, отправились туда. В станице оставались только те, кому некуда было переезжать. Поля были не засеяны, а озимые уже начали осыпаться. Бабка Степанида каждый божий день уходила в поле и собирала колосья, чтобы, кое-как обмоловив их, натереть муки.

Ручная мельничка в ее сарае то и дело скрежетала жерновыми, когда бабка молола на ней собранное зерно. Так же поступали и остальные старики. Матвей, глядя на осунувшееся от усталости лицо бабки, тихо проклинал собственное бессилие, но помочь ей ничем не мог. Однажды, разглядев свое отражение в ведре с водой, он мрачно усмехнулся:

– Бухенвальдский крепыш. На морде одни глаза торчат.

Впрочем, особо можно было и не стараться, разглядывая себя в ведре. Достаточно было опустить взгляд и полюбоваться на собственный торс. Живот к спине прилип и ребра торчат. Хотя, если вспомнить, что во время болезни он питался только водой, да и то, когда бабка умудрялась немного влить ему в рот, то вопросы отпадали сами собой. Но, несмотря на все трудности, Матвей старался заставлять себя двигаться.

Медленно, с одышкой и приступами головокружения, с тошнотой от слабости и кровавой пеленой перед глазами, но он двигался. В один из таких походов он добрался от колодца до скамейки у входа в дом и, тяжело опустившись на нее, устало прикрыл глаза, пережидая очередной приступ слабости. Скрип песка у тына заставил его насторожиться и открыть глаза. За плетнем стоял сухой, седой, словно лунь, старик в потертом, но чистом чекмене, подпоясанном узким кавказским пояском, и в вытертой каракулевой папахе-кубанке.

– Живой, значит, – грустно усмехнувшись, проскрипел

старик. – Ну и слава богу. А мои вот все ушли. Один я остался. А говорил ведь сынам, что Кречетово семя крепкое. Не поверили. . . а-а, – махнув рукой, он развернулся и, постукивая палкой, но которую опирался, отправился куда-то в глубь вымершей станицы.

Передав этот странный разговор бабке, Матвей с удивлением услышал от нее ироничный и достаточно циничный ответ.

– Сами виноваты, – фыркнула женщина, презрительно усмехнувшись. – Дед хотел за батю твоего дочку их сватать, а они уперлись. Мол, не ровня мы им. И то сказать, в их семье пятеро сынов было. Все ратаи справные. Да и вои неплохие. Хотя батя твой в потешной схватке сразу двух ихних за раз укладывал. Недаром пращура твоего Кречетом прозвали. С той поры и пошло. Вся семья Кречеты. И ты – Елисей Кречет. Мы с войны жили, а они все больше с земли. Вот Никандр и хотел семя укрепить. Дочку батю твоему отдать. А сыны его уперлись. Ну да господь им судья.

– Выходит, он просто завидует? – удивился Матвей.

– Нет там зависти, – качнула бабка головой. – Жалеет, что не настоял. Да и то сказать. Один он остался. Скоро станица совсем вымрет. Марфа, вон, вчера прямо в поле преставилась. Нагнулась с серпом колосья срезать, да так в землю и посунулась. Подбежали, а она уж и не дышит. Благо казаки успели на погосте заранее могил накопать. Так и схоронили, не отпетую. Батюшки-то тоже нет. Помер, – тяжело вздох-

нув, закончила Степанида. – Ты вот что, внучок, – помолчав, решительно заявила она. – Как на ноги встанешь, уходи отсюда.

– Как это уходи? – не понял Матвей. – А ты?

– А мне недолго уж осталось, – грустно улыбнулась женщина. – И то сказать, седьмой десяток лет небо копчу. Пора и честь знать. Ты главное, сам выживи. Род казачий сгинуть не должен. Помни это, Елисеюшка.

– Запомню, – коротко кивнул Матвей. – Но только не уйду я. Одну тебя не оставлю. И не спорь, – чуть надавив голосом, не дал он ей возразить. – Что я за казак буду, ежели родную кровь без пригляда брошу? Нет. Ты меня выходила, значит, как встану, мой черед за тобой смотреть придет.

– Храни тебя Христос, внучок, – перекрестила его Степанида. – Вырос, казачок. Весь в батьку. Такой же упрямый.

Еле слышно всхлипнув, она вышла из дома, и вскоре Матвей услышал, как она принялась доить козу, что-то приговаривая. Хозяйство у бабки было скромное. Полтора десятка кур да коза. Даже собаки во дворе не было. Зато была старая трехцветная разноглазая кошка. И именно она, тяжело запрыгнув на лавку, подошла к парню и, потершись головой о его локоть, хрипло мяукнула.

– Что, Мурка, и тебе тоскливо? – тихо спросил Матвей, почесывая ее за ухом.

Кошка аккуратно перебралась ему на колени и, свернувшись клубочком, заурчала неожиданно громко.

– Как моторчик тарактит, – тихо вздохнул Матвей, откидываясь на стену дома и поглаживая животинку.

Ему и вправду было тоскливо. Хотя и шли дела на поправку, а выхода из создавшейся ситуации он так и не видел. Из задумчивости его вывело появление старого Никандра. На этот раз останавливаться за плетнем старик не стал. Тяжело перебравшись через высокий тын, он с кряхтением выпрямился и решительно направился напрямик к сидевшему на лавке парню. Только тут Матвей разглядел, что помимо ключи, с собой у него было и оружие.

Вышедшая из сарая Степанида, увидев его, удивленно остановилась и, отставив в сторону подойник, спросила, упирая кулаки в бедра:

– Ты чего это удумал, старый? Чего сюда железо это приволок?

– Не шуми, Степанида. По делу я, – строго цыкнул на нее старик. – И не к тебе, а к внуку твоему.

– Да ты в своем ли уме, старый? – не осталась бабка в долгу. – Мальчонка еле ноги таскает. Еще от болячки не отошел, он к нему с делами.

– Сказал же, помолчи, – скривился Никандр. – Помолчи да послушай. Потом голосить станешь.

Развернувшись, он поковылял до скамейки и принялся осторожно снимать с себя все принесенное. Капсюльное ружье, пара кинжалов бебутов в роскошных ножнах и две пары капсюльных же пистолетов. Последней он снял с пояса во-

сточную саблю в простых ножнах. Ко всему этому пять пороховых рогов, металлически брякнувший узелок, явно тяжелый, и жестяная коробка из-под чая. Уложив все это на лавке рядом с парнем, старик сдернул с головы папаху и, перекрестившись, церемонно поклонился.

– Не побрезгуй, Елисей. Оружье это, что мной самим, что сынами моими с бою взято. Не хочу, чтобы пропало или в чужие руки ушло. Тебе род казачий продолжать, тебе его и носить.

Услышав его слова, Степанида тихо охнула и уставилась на сидящего Матвея широко распахнутыми глазами. Недоуменно покосившись на нее, парень осторожно снял с колен недовольно мявкнувшую кошку и, тяжело поднявшись, осторожно поклонился, держась левой рукой за жердь, поддерживавшую навес над крыльцом.

– Благодарствую, дядька Никандр, – прохрипел он внезапно осипшим горлом. – За честь да за веру твою.

– Спаси Христос, Елисей, – перекрестил его старик со слезами на глазах и, надев папаху, заковылял со двора.

– Чего это он, бабушка? – повернулся Матвей к Степаниде.

– Неужто не помнишь? – удивилась та, но потом, что-то сообразив, пояснила: – Лучшее он тебе отдал. Наследник ты ему теперь. Других-то не осталось. Никандр справным казак был. Саблю эту он в Ширванский поход взял. Сам с эмира какого-то снял. Не смотри, что ножны простые. Там

клинок булата настоящего. Да и остальное оружие доброе. А ты все правильно сделал, – вдруг одобрила она. – Не должна память рода впусте пропасть.

– Выходит, он специально все это отобрал, чтобы мне принести? – подумав, уточнил Матвей.

– Угу. Дома небось что поплоче заряженным держит. А это твое теперь. Ладно, внучок. Вечерять пора, – вздохнула женщина и, подхватив пододеяник, отправилась в дом.

Не удержавшись, Матвей поднял ружье и, быстро осмотрев его, с довольным видом усмехнулся. Это тоже был штуцер. Не так богато отделанный, как тот, что остался от отца, но судя по состоянию, тоже совсем не барахло. Припомнив, что подобное оружие в это время было очень редким и стоило больших денег, парень аккуратно отставил его в сторону и потянулся за саблей.

Если уж бабка знала об этой сабле так много, то значит, она того стоила. Плавнов вытянув клинок из ножен, Матвей залюбовался игрой узора. Смазанный салом, он блестел в лучах вечернего солнца, отбрасывая веселые отблески. Кинжалы были под стать сабле. Все та же дамаскская сталь с муаровым узором на клинках. Последними Матвей осмотрел пистолеты.

– Кубачинских мастеров работа, – негромко пояснила бабка, выйдя на крыльцо и увидев, чем он занят. – Тоже с боя взяты. То уже сынов его добыча. С турками на перевале резались. Там и добыли.

– А разве турки и сюда доходят? – удивился Матвей.

– Бывало, – вздохнула Степанида. – Сейчас-то редко забегают. А раньше их башибузуки частенько сюда за рабами хаживали. Я и сама едва им в лапы однажды не попала, – усмехнулась она. – Батюшка мой, царствие ему небесное, мне с собой пистоль дал, когда я по орехи в лес собралась. А уж стрелять он меня научил, едва я тот пистоль в руках удержать смогла. Так и спаслась. Пальнула в турку и бегом оттуда. Даже пистоль с перепугу бросила. А казаки в патруле были да услышали. Они тех турок и порубили.

– А ты говоришь, я казачьей крови. Сама-то по молодости любому казаку, небось, могла нос набок свернуть, – усмехнулся Матвей, собирая оружие и с удовольствием слушая довольный смех бабки.

* * *

Спустя еще две недели Матвей уже уверенно бродил по двору и даже пытался колоть дрова. Правда, после каждого пятого удара приходилось останавливаться и делать передышку, пережидая очередной приступ головокружения и слабости. Именно эти симптомы прошедшей болезни его и бесили сильнее всего. Ну не привык он чувствовать себя слабым. А тут еще разгулявшиеся гормоны добавляли проблем, сделав его раздражительным и вспыльчивым.

И только железная воля, воспитанная годами инвалидно-

сти, позволяла парню держать себя в руках и рамках приличий. Тем более что местные нравы были ему совсем непонятны. Взять отношения с той же бабкой. С одной стороны, кремень женщина, способная коня остановить и танку дуло в узел завязать. Но ее покорность и готовность слушаться каждого его решения частенько ставили Матвея в тупик. Наконец, не удержавшись, он решил внести в этот вопрос окончательную ясность, трезво рассудив, что на его вопросы бабка ответит спокойно, помня, что он едва оправился после болезни. Этот разговор случился сразу после ужина, когда Матвей, сыто отдуваясь, откинулся на лавке и, прихлебывая горячий чай, негромко спросил:

– Бабушка, а ты меня малого часто ругала?

– Это за что же? – удивилась Степанида, проворно собирая посуду со стола.

– А за что обычно малых ругают? – пожал парень плечами. – Не слушался или озоровал сильно.

– Не было такого, – решительно тряхнула бабка головой. – Упрямым ты всегда был. Еще в пеленках. А вот озорства глупого за тобой никогда не было. Да и то сказать, тебя всегда к оружию тянуло. Как батька из патруля вернется, так ты первым делом у него пистоль тянешь и за пояс его. А сам от горшка два вершка. Тот пистоль тебе, как мне ружжо. Едва не самого больше, – тепло улыбнулась она. – А ты с чего вдруг вспомнил за то?

– Да я вот тут подумал, мы с тобой в твоём доме живём.

А я чего решу, так ты и не споришь. Сразу соглашаешься. С чего бы?

— А чего удивляться, — спокойно пожала Степанида плечами. — Глупого ты ничего не сказал. Так чего спорить понапрасну? Да повелось так от веку. Казак в доме голова. Бабе его слушаться надобно. А то, что молод еще, так то не долго. Оглянуться не успеешь, как и юность пролетит. Да и проще мне так.

— Чем это? — не понял Матвей.

— Помру, тебе своим умом жить придется. Вот и учись, пока есть, кому доброе подсказать, — лукаво усмехнулась женщина.

«Да уж. Умеет бабка озадачить, — подумал Матвей, рассеянно наблюдая, как ловко она управляет по хозяйству. — Это выходит, у нее воспитательный процесс такой. А по сути, мели, Емеля, твоя неделя. А сама делает только то, с чем согласна».

Между тем бабка быстро навела порядок и, затеплив лампадку под иконами в красном углу, принялась молиться на ночь. Ее тихий шепот навевал на Матвея дремоту. Покосившись в окно, он убедился, что на улице уже стемнело, и, от души зевнув, не спеша направился в свой закуток, попутно перекрестившись. Так, чтобы это заметила бабка. Что поделать, если времена тут такие и любой, кто не посещает церковь, сразу становится объектом стороннего внимания.

Сам Матвей точно знал, что крещен. Бабушка еще в дет-

стве втихаря от родителей отвела к попу и окрестила его. Уже в Афганистане он, не обращая внимания на замполита, носил на шее крестик, который до того носил во внутреннем кармане кителя. В общем, ничего против веры он не имел, хотя сам большой тяги к ней не испытывал. Попросту он решил придерживаться местных правил поведения, хотя иногда и забывал некоторые нюансы.

Пробежав взглядом по лежащему у лежанки оружию, уже заряженному и готовому к бою, он улегся и, накрывшись одеялом, прикрыл глаза. Уставший за день организм отключился почти сразу. Проснулся Матвей от давно забытого, но от этого не менее острого ощущения опасности. Эта чуйка уже не раз спасала ему жизнь, так что доверять своим инстинктам он привык. То, что он не почувствовал опасности в столкновении с мажорами, виноват был сам. Слишком сильно погрузился в собственные раздумья. Не сообразил вовремя очнуться, хотя чуйка в тот день ныла с самого утра.

Осторожно поднявшись на лежанке, Матвей выглянул в окно и в тусклом свете половинчатой луны рассмотрел за околицей пять конных фигур. В том, что ничего хорошего ночные гости не принесут, сомнений не было. Не ездят тут по ночам. Поднявшись, он быстро оделся, чтобы не светить белым исподним и голой кожей, и, подхватив весь свой огнестрел, бесшумно двинулся к двери. Уже на выходе он оглянулся и прислушался. Бабка спала на своей половине, тихо похрапывая.

Выбравшись на крыльцо, Матвей, стараясь держаться в тени, осторожно двинулся в сторону улицы, ища подходящее укрытие. Вступать в рукопашную в нынешнем состоянии было верхом глупости. С такой слабостью его любой мальчишка в бараний рог скрутит. Не пристрелянное оружие ему тоже особого доверия не внушало, но выхода не было. Тут или сразу жестко отваживать любых любителей поживиться чужим добром, или самому бежать куда глаза глядят.

К тому же вооружился он серьезно. Винтовка и четыре пистолета. К ним два кинжала бебута и отцовский прямой кинжал. Еле дотащил свой арсенал до стены сарая, сложенного из самана. Оглядевшись, Матвей в очередной раз пожалел, что казаки не ставили заборов, как горцы, из камня. Обходились обычным плетнем. Что это было, лень или бравада, он не понимал, но такое положение дел его удивляло. Жить, готовясь в любой момент отбить нападение врага, и не устраивать укреплений. Абсурд.

С этими мыслями он пристроил винтовку на плетень и, проверив капсюль, осторожно взвел курок. Тем временем пятеро всадников, о чем-то темпераментно поспорив, решительно двинулись к станице. Ехали неизвестные открыто, даже не пытаясь скрываться. Дождавшись, когда они окажутся рядом с их двором, Матвей услышал тихий гортанный разговор и, хищно усмехнувшись, проворчал про себя: «Не ошибся. Точно за поживой пришли».

В момент, когда горцы проехали их двор и уже начали

углубляться в станицу, из какого-то двора раздался выстрел. Ехавший первым горец схватился за грудь и мешком вывалился из седла. Вздвогнув от нежданности, Матвей тихо выругался и перевел прицел на ехавшего последним всадника, когда один из оставшейся четверки выстрелил в сторону, откуда стреляли в них. Два выстрела слились, и еще один всадник рухнул в пыль.

– Не промазал, – порадовался Матвей. – Хотя на таком расстоянии это было бы уже позорищем. Тут же доплюнуть можно, – ворчал он, отставляя ружье и выхватывая пистолеты.

Оставшиеся трое ловко развернули коней и попытались вырваться из получившейся засады. Введя курок, Матвей поднял двумя руками пистолет и с силой нажал на спуск. У кубачинского оружия была особенность. Если спускать курок плавно, то может случиться осечка. Эту фишку он запомнил еще в юности, узнав ее из книг. Пистолет грохнул, и очередного всадника вынесло из седла. В ответ прогремели сразу два выстрела, и тяжелые пули с сердитым жужжанием щелкнули о стену сарая.

– А стрелки вы так себе, мальчики, – зло усмехнулся Матвей, бросая разряженный пистолет и подхватывая следующий.

Не спеша, словно на стрельбище, выцелив еще одного противника, Матвей выстрелил и с удовольствием услышал жалобный вскрик. Выпускать неизвестных он не собирал-

ся. Мстители ему были не нужны. Не в том он был состоянии, чтобы ввязываться в вендетту. Последний выстрел он сделал, когда оставшийся в одиночестве всадник уже достиг околицы. Расстояние почти максимальной удаленности для его пистолета, но он не промахнулся.

Последний бандит выпал из седла, и Матвей, отложив разряженное оружие, поспешил завершить начатое. Выскочив на улицу, он быстрым шагом прошел к первому убитому и, не раздумывая, провел контроль кинжалом. Купить порох ему было негде, так что запас требовалось экономить. Пройдясь по всем мародерам, он убедился, что раненых за спиной не осталось, и принялся собирать почему-то не разбежавшихся коней.

За этим занятием его и застала бабка, вышедшая на улицу с ружьем в руках и в накинутой на плечи шали. Глядя на ее наряд, Матвей только усмехнулся. Ночная рубашка до пят, шаль на плечах, мягкие кожаные чуваки и тяжеленное ружье в руках. Валькирия, право слово. С этой мыслью он подвел собранных коней к своему плетню и, устало оперевшись на столбик, проворчал:

– Всё, бабушка. Закончились тати. Оставь ружье. Не с кем больше воевать.

– Неужто всего пятеро их было? – удивилась Степанида.

– Пятеро, – устало кивнул Матвей.

Азарт боя схлынул, и навалилась усталость. Что ни говори, а оправиться он так еще толком и не смог.

– Ой, горюшко! – вдруг раздалось там, откуда прозвучал первый выстрел. – Ой, беда!

– Кто это там? – удивился Матвей.

– Параша чегой-то голосит. Не иначе с Никандром что, – всполошилась бабка и, сунув ружье внуку, поспешила на голос.

Проводив ее взглядом, Матвей тяжело вздохнул и, привязав коней к коновязи, тяжело заковылял домой, прихватив по дороге разряженное оружие. Свалив свой арсенал у лежанки, он затеплил лучину и, усевшись на лавку, принялся ждать бабку. Отходить от дома далеко он пока не рисковал. Степанида вернулась минут через сорок. Войдя в дом, она зачерпнула воды из ведра, которое стояло у печки, и, напившись, тяжело опустилась на лавку рядом с внуком.

– Убили Никандра, – глухо выдохнула она. – Пуля в грудь вошла. Сразу помер, – женщина перекрестилась и чуть слышно всхлипнула.

– Поторопился он стрелять, – вздохнул Матвей, обнимая ее за плечи. – Нужно было проехать дать и в спину бить. Много их было для нас двоих. Не знал я, что он их тоже видит. Договориться не успели.

– Тебя-то хоть не зацепило? – опомнилась Степанида и тут же принялась осматривать его.

– Промазали, – успокоил ее Матвей. – Они-то с коней стреляли, а я стоял спокойно. Вот и вышло как вышло.

– Добре вышло, – успокоившись, довольно усмехнулась

женщина. — Так вышло, как и должно. Пусть знают, что станица еще жива.

— Что с телами делать станем? — вздохнул Матвей, уже представляя, сколько трудностей предстоит с захоронением.

— Утром посмотришь их, а дальше, как бог даст. Может, родичи приедут выкупить, — отмахнулась бабка. — Спать ложись. Бледный, краше в гроб кладут. Утром решать станем, как дальше быть.

— Чего тут теперь решать. Трое нас всего осталось, — скривился парень. — А самое плохое, что пороху купить негде. Того, что есть, на бой не хватит. Был бы порох, я бы всяким незванным гостям подарочков наделал, — добавил он, мысленно прикидывая, как можно устроить пусть и примитивные, но от этого не менее смертоносные сюрпризы.

— Вон, в сундуке дедовом посмотри. Он там свой огненный припас хранил. Да и Никандр тебя наследником назвал. Завтра сам к нему в хату сходишь да заберешь, что осталось. Да и по остальным домам пройтись надо.

Произнеся последние слова, женщина тяжело вздохнула, словно делая над собой какое-то усилие.

— Что не так, бабушка? — насторожился Матвей.

— Не положено так. Не по-божески, — нехотя пояснила Степанида. — В станице отродясь дверей не запирали. Чужой без спросу никогда в дом не войдет, пока хозяин не позволит. Да где теперь искать тех хозяев. Померли все. А кто не помер, уехали.

– Неужто не вернется никто? – осторожно уточнил парень.

– Немногие уехать успели. Ежели и вернется кто, то не скоро. Мора люди боятся.

– Ну, раз так, то и греха в том нет, – помолчав, сделал Матвей вывод. – Умершим то добро ни к чему, а живым выжить поможет. Да и не надо мне богатства. Мне порох да свинец нужны. Оружия и своего хватает.

– Вот и я так думаю, – решительно кивнула бабка. – Завтра и возьмемся. Ты по зелью огненному да свинцу, а я в подполах посмотрю. Зима впереди, а с тебя работник пока никакой. Как бы с голоду зимой ноги не протянуть.

– А бабка Параша как же? – на всякий случай поинтересовался парень.

– А что Параша? – не поняла Степанида. – Что-то ей отдадим, а что-то себе возьмем. Да ей много и не надо. Старая она уже совсем. Еле ноги таскает. Меня на десяток лет старше. Да и чего ей спорить, коли тебе и ее защищать теперь придется.

– Да уж, защитничек, – скривившись, фыркнул Матвей. – Как отдачей не снесло, до сих пор сам не понял.

* * *

Гости появились к вечеру. Конское ржание заставило Матвея вздрогнуть и схватиться за оружие. На околице стоял десяток всадников, за которыми виднелась старая арба,

запряженная ослом.

– Явились, – мрачно выдохнула Степанида, приложив ко лбу ладонь козырьком и рассматривая незваных гостей.

– Быстро они, – удивленно буркнул парень.

– Так знали, куда их молодые пошли. Вот и приехали, как обратно не явились. Ты это, Елисей, оружие под рукой держи, но не доставай. А как увидишь, что кто из них яриться начал, так сразу беги, а я стрелять стану, – быстро начала советовать бабка.

– Так, может, сама с ними поговоришь? – невольно огрызнулся Матвей.

– Нельзя мне. С мужчиной только мужчина говорить должен. Иначе обида будет. А кровников нам сейчас наживать нельзя.

– А то они нам теперь кровниками не станут, – фыркнул Матвей.

– Сдурел? – возмутилась женщина. – Их пятеро против вас двоих было. Не будет тут кровников. Бой был. Честный бой.

– Ладно. Тогда пошел я, – вздохнул парень, попутно проверяя пистолеты.

Из-за длины стволов их пришлось повесить на бедра. Понизже. Примерно так, как носят оружие ковбои. Даже еще ниже. Работать, держа эти громадины за поясом, было невозможно, вот парень и придумал себе такую разгрузку. Не спеша выйдя на край станицы, он остановился у воротины, кото-

рая означала границу поселения, и окинул приехавших горцев мрачным взглядом. Стоявший первым всадник чуть шевельнул поводом, и вышколенный жеребец танцующим шагом двинулся вперед.

«Роскошный конь», – оценил про себя Матвей роскошного зверя.

– Что, нравится? – гортанно спросил горец, заметив его взгляд.

– Хороший конь, – не чинясь, кивнул Матвей.

– Чистый аргамак, – гордо сообщил всадник. – Двести рублей золотом за него платил.

– Если ваш род такой богатый, зачем тогда твои люди ночью сюда пришли? – тут же отозвался парень. – Знаете ведь, мор тут был. Разве есть честь в том, чтобы из пустого дома что-то украсть?

– Сами пошли, – тихо зашипев сквозь сжатые зубы, ответил горец. – Случайно узнал, когда их семьи ко мне пришли. Где эти бараны?

– Бой был, – пожал плечами парень.

– Бой? Разве здесь еще кто-то остался? – удивился горец. – Почему тогда старший не пришел? Почему мальчишка вышел?

– Убили старшего, – быстро ответил парень, не давая ему разозлиться. – Старик один еще был. В бою убили. Только я и две женщины остались. Или ты хочешь, чтобы с тобой женщина говорила? – пустил он в ход самый весомый аргу-

мент.

– Двое? – заметно растерялся горец. – Молодец, урус. Джигит, – неожиданно усмехнулся он. – Не боишься. Я тебе по десять рублей серебра за их тела дам. Скажи, где забрать.

– Скажи, пусть арбу прямо по улице гонят. Там покажут, – ответил Матвей, с усилием отодвигая воротину в сторону.

Горец жестом указал вознице направление, и тот ткнул ослика палкой. Скрипнув, арба вкатилась в станицу. Следом за ней двое молодых парней, спешившись, двинулись по улице, держа руки на рукоятках кинжалов. Проводив их взглядом, Матвей встал так, чтобы между ним и горцами оказался столб ворот. Пусть не высокий и не очень толстый, но хоть какое-то укрытие от первого выстрела.

– Умный джигит, – одобрительно усмехнулся горец, заметив его маневр. – Сколько за их коней хочешь?

Матвей замер, не понимая, о чем речь. И только спустя минуту сообразил, что речь идет о выкупе коней, на которых приехали убитые.

– Давай по двадцать рублей серебром за каждого коня, а тела я тебе так отдам, – решившись, предложил он.

– Почему? – удивился горец.

– Неправильно это, за мертвых деньги брать, – помолчав, высказался парень. – Не по-божески. Вы люди книги. Мы тоже. И нигде в книге не сказано, что так делать можно. У вас горе. У нас тоже горе. Неправильно это, – закончил он, запустившись в собственных мыслях. Риторика никогда не была

его сильной стороной.

– Молодец, джигит, – хлопнув себя ладонью по колену, одобрил горец. – Хорошо сказал. Так будет, – с этими словами он вытащил из-за пазухи увесистый кожаный мешочек и, коротко размахнувшись, перебросил его парню. – Сто монет, как сказал. Приведи коней.

– Арба проедет, приведу, – кивнул Матвей, то и дело оглядываясь на станицу и в любой момент ожидая выстрела.

Встретить горцев должна была Параша. Парень зарядил ей кремневое ружье, с которым старушка управлялась на удивление ловко.

– Не бойся, – понимающе усмехнулся горец. – Они только тела возьмут. Я не воевать приехал. Мое слово – закон.

Словно в ответ на его высказывание в конце улицы появилась арба, за которой спешили двое грузчиков. Дождавшись, когда они покинут территорию станицы, Матвей наполовину прикрыл воротину и отправился на двор к Никандру, куда увел добытых коней. Быстро отвязав животных от коновязи, он порадовался про себя, что не стал снимать с них седла, и повел всю пятерку к околице.

– Забирай, – протянул он поводья горцу, так и стоявшему у ворот.

– Джигит, урус, – скупно улыбнулся тот, забирая поводья коней. – Меня зовут Махмад-ходжа.

– Елисей, – представился парень местным именем. – Ты правда ходил в Мекку пешком? – не удержавшись, спросил

он.

– Знаешь наши обычаи? – удивился горец.

– Я здесь родился, – пожал Матвей плечами.

– Да. Пешком ходил, – кивнул Махмад.

– Хорошее дело, – нашелся парень. – Нам в Иерусалим так просто не пройти. Турки не пускают. Много паломников наших у них рабами стало. Не думают турки, что против воли Бога идут.

– Все в руках Аллаха. Если сильно веришь, дойдешь, джигит, – улыбнулся в ответ горец и, разворачивая коня, громко, так, чтобы слышали его попутчики, добавил: – Живи спокойно, Елисей. Мой род в твой дом не придет больше. Это тебе я, Мах-мад-ходжа, обещаю.

– Ас-салам, – только и нашел, что ответить Матвей.

– Джигит, урус! – расхохотался горец и прищиприл коня.

– Чего это он такой радостный уехал? – раздался спустя несколько минут вопрос, и Матвей, провожавший гостей задумчивым взглядом, развернулся к бабке.

– Получилось с ним правильно поговорить, – устало вздохнул парень. – Зато слово дал, что из его рода к нам больше никто не придет.

– Да ты никак ему его бандитов бесплатно отдал, – вдруг вскинулась бабка.

– За коней сто рублей взял, а тела отдал, – кивнул Матвей.

– Ай да внучок, ай да хитрюга! – рассмеялась Степанида. –

И честь свою показал, и внакладе не остался.

– Откуда чести взяться, ежели мертвыми врагами торговать? – не понял Матвей и, почувствовав слабость, прислонился плечом к воротине.

– Ты чего, внучок? – всполошилась бабка, заметив его состояние. – Неужто поплохело?

– Немного, – нехотя признался парень. – Я домой пойду, бабушка, – отдышавшись, сообщил он. – Тяжело еще мне.

– Ступай, милый, ступай, – закивала Степанида, пытаясь подхватить его под руку.

– Я сам, бабушка. Ты лучше скажи, как Никандра хоронить будем?

– Да как обычно. Домовину ему сыны давно уже сколотили. Вот мы с Парашей его и обмоем, и закопаем, и молитву прочтем, как умеем. Что ж поделать, ежели попа в станице нет. Добрый казак Никандр был. Так что сделаем все, как полагается, – заверила бабка, помогая ему перебраться через тын.

– Спасибо, бабушка. Ты иди, я тут посижу малость, – вздохнул Матвей, тяжело опускаясь на лавку.

Очередной приступ слабости оказался весьма не кстати, но организм после болезни все никак не мог вернуться в нормальное состояние. Степанида, убедившись, что с ним все будет нормально, поставила свое ружье к стене и моментально куда-то унеслась. Вообще, Матвея иногда поражала сила и работоспособность этой пожилой женщины. По ее собственному признанию, бабке было уже около семидесяти, а

она умудрялась крутиться по дому и перемещаться по двору со скоростью электровеника.

– Да уж. «Были люди в наше время, не то что нынешнее племя: богатыри – не вы», – припомнил он строки из поэмы. – Тут бабка старая шустрит как заведенная, а ты словно развалина кряхтишь, – укорил он себя. – Ладно, что дальше делать станем? – задал он вопрос самому себе и, помолчав, ответил:

– Первым делом себя в порядок приводить. И попутно по всем хатам все полезное собирать. Неприятно, но надо. А еще нужно под себя хоть какой-то транспорт придумать. Если придется отсюда уходить. С голыми руками ты в дороге легкой добычей станешь. В общем, думай, Матвей-Елисей. Головой думай, а не остальными частями тела. И еще. Раз уж попал сюда, начинай привыкать к новым реалиям. Начни с собственного имени. Забудь, что ты Матвей. Теперь ты Елисей Кречет. Казацкий сирота, от болезни память потерявший. На том и стой.

Приняв решение, он облегченно усмехнулся и, откинувшись на стену, прикрыл глаза. В этом блаженном состоянии его и застала бабка, вернувшаяся часа через два. Присев рядом с ним на лавку, она устало потерла поясницу и, вздохнув, тихо пожаловалась:

– Едва управились вдвоем. В домовине тяжелый уж больно оказался. Едва не уронили. Ну да справились. А ты у меня как, внучок?

– Жить буду, – привычно отшутился Елисей и едва не выругался в голос за собственную глупость.

– Ну и слава богу, – улыбнулась уголками губ бабка, не обратив внимания на его слова. – Сейчас отдышусь и на стол накрою. Вечерять уж пора. Стемнеет скоро.

– Не спеши, бабушка. Посиди, передохни, – посоветовал парень. – Поесть и при лучине можно. Мимо рта ложку не пронесу. Ты уж прости, но сама видишь, помощник из меня еще тот. Кто бы самому помог, – извинился он, виновато усмехнувшись.

– Да господь с тобой, внучок. Где это видано, чтобы казак в доме хозяйничал, когда баба на ногах? – возмутилась Степанида.

– Так вроде говорят, что мужик все уметь должен, – попытался выкрутиться Елисей.

– Одно дело уметь, а другое – самому возиться. Нет, внучок. Дом – это бабье дело, – не уступила бабка.

– Что-то я запутался, – подумав, признался парень.

– А ты вон Домострой почитай, чтобы путаницы не было. Ты ж в грамоте у батюшки первым был. И церковный, и греческий текст читал легко. А Домострой на старом языке и писан, которым теперь только в церкви пишут. А книжку я тебе принесу, – пообещала бабка, поднимаясь.

– Грамотные тут казаки были, – буркнул про себя Матвей.

Степанида вернулась, неся в руках увесистый фолиант в деревянном переплете. Аккуратно положив его на колени,

парень расстегнул замок и, раскрыв книгу, удивленно хмыкнул. С первого взгляда было понятно, что написана она вручную, на старославянском, или церковно-славянском, как его стали называть в его время. С интересом перелистывая страницы, он неожиданно понял, что может разобрать написанное и понимает смысл прочитанного.

Это открытие Матвея обрадовало. Получается, что память бывшего владельца этого тела у него осталась. Это не могло не радовать. Ведь если постараться, то можно будет все это потихоньку вытянуть на поверхность и пользоваться, не особо опасаясь попасть впросак. Полное незнание местных реалий его напрягало больше всего. Если здесь, с бабкой еще можно было сослаться на болезнь, то в большом мире это может и не прокатить.

Увлечшись, он и сам не заметил, что на улице почти стемнело. От книги его оторвал только голос бабки, позвавший парня ужинать. Закрыв книгу, он прошел в дом и, аккуратно убрав книгу на полку, присел к столу. Быстро смолотив полную тарелку каши с кусочками сала, он напился чаю и, проплевав в свой закуток, рухнул на лежанку, уснув едва не раньше, чем успел улечься.

* * *

Утром Матвей проснулся удивительно бодрым. От вчерашней слабости и следа не осталось. От души потянувшись,

парень выбрался из постели и, сунув ноги в мягкие чужаки, отправился к колодцу. Вылив на себя ведро воды, он охнул от холода и, постукивая зубами, поспешил в дом. Растеревшись домотканым полотенцем, Матвей не спеша оделся и, разглядев на столе накрытую полотенцем посуду, обрадовался.

– Золотая бабка. Сама чуть свет умчалась, но про завтрак не забыла, – буркнул он, впиваясь зубами в широкую краюху хлеба.

Быстро уничтожив хлеб и крынку свежего молока, он выбрался во двор и задумчиво осмотрелся. Хворост, принесенный бабкой из лесу, требовал рубки. Прихватив топор, он взялся за дело. К обеду все три вязанки превратились в готовые к употреблению дрова. Вошедшая во двор Степанида, увидев его за делом, одобрительно улыбнулась и тут же, противореча сама себе, заявила:

– Что ж ты надрываешься, внучок? Едва вчера ноги таскал, а сегодня уже за работу ухватился. Полежал бы еще.

– Все в порядке, бабушка, – улыбнулся ее логике Матвей.

– Да где ж в порядке, – не унималась бабка. – Едва жив остался, и все не угомонишься.

– Некогда отдыхать, – помолчав, вздохнул парень. – Сама ж говорила, зима тяжелая будет.

– Это да, – насупившись, мрачно кивнула женщина.

– Ну так чего тогда голосить? – подвел итог Матвей, перерубая очередную хворостину. Одну из последних. – Нам

еще по домам пройтись надо. Мне порох нужен. И свинец.

– Ты словно на войну собираешься, – тихо проворчала Степанида.

– Не собираюсь, готовым к ней быть должен, – упрямо набычившись, ответил парень.

– Так я ж не спорю, – развела Степанида руками. – Ты лучше пока к Никандру в дом сходи. Наследник, чай. Не так соромно попервости будет, – вздохнула она.

Только теперь Матвей сообразил, что бабка морально не готова к такому действию. Для нее, всю жизнь прожившей по правде, войти в чужой дом и взять что-то без спроса, не просто запрет. Огромное табу, которое рушит все ее мировоззрение. Кивнув собственным мыслям, он отложил топор и, вымыв у колодца руки, решительно вышел со двора. Не спеша шагая по пыльной улице, Матвей задумчиво оглядывался, пытаясь запомнить, где что полезное лежит. Умершим это уже не нужно, а им с бабкой может и жизнь спасти.

Добравшись до нужного дома, он вошел во двор и, поднявшись на крыльцо, замер, собираясь с духом. Что ни говори, а переступить через собственные моральные принципы было непросто. Глубоко вздохнув, словно перед прыжком в воду, Матвей потянул широкую дверь на себя и, пригнув голову, переступил порог. Дом встретил гостя тишиной. Гулкой, безответной. Зябко передернув плечами, парень обвел комнату быстрым взглядом и, увидев иконы в красном углу, неожиданно для себя перекрестился.

Медленно пройдясь по всем комнатам, Матвей заставил себя заглянуть во все сундуки и, найдя искомое, с облегчением усмехнулся:

– А дед-то запасливый был. Пороху килограммов пять запас. Свинца почти пуд. И где взял только?

Там же, в комнате, где стоял сундук, нашелся и целый арсенал различного оружия. Подумав, Матвей собрал все найденное и, разложив на кровати, хмыкнул:

– Столько не всякая арба за раз увезет. Ладно. Забираем припасы, пороховницы, а про остальное потом подумаем.

Уже выходя, он снова оглянулся на красный угол и, покачав головой, вышел. Матвей и сам не понимал, что его так зацепило, но на мгновение ему вдруг показалось, что лики с икон смотрели на него с потаенной надеждой. Уже стоя на крыльце, Матвей неожиданно почувствовал, что зябнет. Вздвогнув, он тряхнул головой и поспешил на улицу.

Оттащив все найденное, он заглянул к бабке и, убедившись, что до обеда еще есть время, поспешил обратно. Пройдясь по дому Никандра, парень собрал все иконы и религиозные книги. Потом, выбрав один из сундуков, не самый большой, он вытряхнул из него все барахло и, закрыв крышку, попробовал его на вес.

– До церкви дотащить должен, – тихо проворчал Матвей и, вздохнув, поволок сундук к выходу.

На улице, взгромоздив сундук на спину и согнувшись в три погибели, он побрел к церкви. Дверь храма была не за-

перта. В станице вообще замками не заморачивались. Двери церкви были закрыты на обычный крюк. Отбросив его, Матвей внес сундук и, поставив его на пол, перекрестился. Он и сам не мог бы объяснить, с чего вдруг занялся этим делом, что-то в душе подталкивало его к этим действиям. Перенеся сундук к боковой стене, он вернулся в дом Никандра и, подхватив все, что собрал, снова вышел.

Уложив иконы и книги в сундук, Матвей осторожно закрыл крышку и вышел, аккуратно закрыв за собой дверь храма. Но стоило ему только развернуться, как парень замер, словно застигнутый за чем-то пред осудительным. Перед церковью стояли две оставшиеся в живых старушки.

– Ты чего это затеял, внучок? – задумчиво разглядывая его, спросила Степанида.

– Да вот подумал. Про порох вспомнили, про свинец тоже. Про запасы всякие тоже не забыли. А вот иконы, что в домах висят... Не должны они просто так пропасть. А для икон лучшее место храм божий, – собравшись с духом, пояснил Матвей, смущенно пожимая плечами. – Да и книги тоже не должны.

– Вона как, – удивленно протянула бабка Параша. – А ведь правду кажет малой. Про иконы-то мы и не подумали.

Потом, подойдя к парню, она решительно перекрестила его и, пригнув к себе его голову, троекратно расцеловала.

– Спаси тебя Христос, Елисей. Завтра сама по домам пойду, иконы собирать.

– Их не просто так собирать надо. Сундуки нужны, – принялся пояснять парень, но Степанида перебила его, решительно заявив:

– Елисей, уймись. Мы хоть и старые, но из ума еще не выжили. Поняли уж, как делать надо.

– Прости, бабушка, – тут же повинулся парень.

– Бог простит, – улыбнулась она. – Пошли домой. Обедать пора. Да и передохнуть тебе надо. Не оправился еще толком от болезни-то.

Ухватив Матвей за руку, словно неслуха малолетнего, она повела его домой. У колодца, велев умыться, старушка подала ему вышитый рушник и, усадив за стол, принялась кормить чуть ли не с ложечки. Такое внимание Матвея насторожило. Заметив его задумчивый взгляд, Степанида понимающе усмехнулась и, вздохнув, проворчала, неопределенно пожимая плечами:

– Вырос ты у меня, внучок. Совсем вырос. Вон как с иконами ловко придумал. А главное, правильно очень. Доброе дело придумал.

В ответ Матвей только вздохнул, не найдя, что ответить. Во всяком случае, на душе у него было спокойно. Впервые с того момента, как он оказался в этом времени. Невольно переведя взгляд в красный угол, он всмотрелся в писанные лики икон и, в очередной раз вздохнув, подумал: «Ну, хоть что-то у меня вроде правильно получилось».

После обеда Матвей уже более решительно двинулся в по-

иск по соседним домам. Брал только порох, свинец, иконы и, если находил, деньги. Иконы тут же относил в церковь, а все остальное должно было помочь им с бабкой выжить. Хотя бы до того момента, пока он не придет в себя и найдет себе занятие, которое будет их кормить. Съестными припасами занимались женщины. Матвей только помогал им вытаскивать горшки и ящики из подвалов.

На третий день этих поисков на подворье станичного плотника Матвей наткнулся на сарай, в котором тот хранил готовую доску. Обрадованно оглядев это богатство, парень тихо присвистнул и, покачав головой, проворчал:

– Вот и материал на толковый фургон. Осталось только придумать, из чего ему шасси сделать.

Словно в ответ на свои чаяния, уже на следующий день парень наткнулся на почти новую арбу и в том же дворе нашел тележные колеса. Новенькие.

– Блин, как ворожит кто, – бурчал Матвей, обходя арбу по кругу. – Эти колеса назад, а те маленькие, вперед, для поворота. Осталось все это в кучу собрать, да еще оси хорошие отыскать. Но с этим в кузню надо. Оси нужны железные. А то нагрузишь транспорт, а на первом же ухабе разгружать придется.

Говорить сам с собой он начал, когда принялся шарить по станице. Не так жутко было заходить в пустующие дома. Ведь еще недавно в них жили люди. Радовались, горевали, растили детей, да просто жили, а теперь они стоят пустые.

Собрав все нужное, Матвей старательно закрывал каждый дом. Прикрывал окна ставнями и подпирал двери, словно отсекая все прошлое от того, что происходит в станице теперь. Да и не казалось при закрытых ставнях, что пустые дома смотрят на него с укором безжизненными окнами.

Спустя полторы недели такого режима последние обитатели станицы вдруг поняли, что больше ходить по домам смысла нет. Все, что было можно, уже собрано. Сообразив это, Матвей взялся собирать фургон. Натаскав во двор нужной доски, он забрал плотницкий инструмент и взялся за дело. Сухая до звона доска прекрасно обрабатывалась. Матвей изначально собирался делать нечто похожее на те фуруны, что использовали переселенцы в Америку.

Крепкий ящик, который при необходимости можно использовать вместо плота. Но вместо брезентового верха парень решил собрать передвижной дом. Сделать фургон полностью деревянным. Три метра длины, два ширины, с округлой крышей, дверью в задней стене и небольшими окошками на боковинах. Но все упиралось в оси для колес. В кузне подходящего железа не нашлось. Зато все в том же сарае плотника нашлось два дубовых бруса. Для чего он их хранил, осталось загадкой, но Матвей, после долгих размышлений, решил делать оси из них.

Это была еще та работенка. Брус сечением примерно двадцать на двадцать сантиметров пришлось распустить вдоль на четыре части и только после этого начать вырезать саму

ось. Обточить высохший дуб самодельным инструментом задача не для слабонервных. А тут еще, вспомнив, как скрипели колеса у горской арбы, Матвей решил соорудить что-то вроде ступичного подшипника. Все из того же дуба. В общем, набив на руках кровавые мозоли и стерев мотом язык до самой задницы, он добился желаемого результата.

Смазанные дегтем колеса проворачивались на осях легко, словно по маслу. После долгих раздумий парень решил сначала собрать каркас на колесах и только потом установить на него сам кунг. Так он про себя называл свое сооружение. Но прежде надо было решить, как сделать переднюю ось поворотной. Это было самым сложным.

– Насколько все было бы проще, найдись тут подходящие железки, – ворчал про себя Матвей, ворочая куски древесины.

Ставить переднюю ось на один шкворень, чтобы вся нагрузка ложилась только на него, было глупо. Дерево плохо работает на смятие, и такая конструкция очень быстро сломается. Ось должна быть закреплена жестко. Поворачивать должны только колеса. С этой мыслью он и отправился снова в кузницу. Несколько стальных прутков толщиной примерно с его большой палец нашлись случайно. Осмотрев добычу, Матвей задумчиво хмыкнул и потащил добычу домой. Там, порывшись в сарае, куда снес все старое оружие, он нашел два старых пистолета и, вертя их в руках, проворчал:

– Пруты на шкворни, а стволы вместо петель. Замки

оставлю. Пригодятся еще.

Идея заминировать подходы к станице его не покидала. В сараях и тому подобных хозяйственных постройках парень отыскал почти два десятка узкогорлых глиняных кувшинов. Аккуратно отбить горлышко, засыпать вовнутрь порох и мелкую гальку, а вместо запала использовать вот такой кремневый замок. Главное, прикрыть запальную полку, чтобы затравочный порох не отсырел. Веревочку к УСМ, и элементарная растяжка готова. Да, радиус поражения будет не больше пяти метров, но и это уже немало.

В их положении не до жиру. Если один род горцев отказался от походов в станицу, это не значит, что кому-то еще не придет в голову пошарить по опустевшим домам. С этими мыслями Матвей и вернулся к работе. Бабка Степанида, едва сообразив, что он задумал, только удивленно головой покачала, лишь однажды спросив:

– Когда ехать-то собираешься?

– Потом. Просто хочу, чтобы под рукой было на чем уехать, – осторожно пожал парень плечами.

– И куда пойдешь? – последовал следующий вопрос.

– Пока не знаю. Не думал еще.

– В крепость езжай, – помолчав, посоветовала бабка. – По тракту верст двадцать отсель к горам будет. Там и нравы попроще, и народ все больше наш. Не дадут сироте пропасть. Парень ты вырос рукастый, думать умеешь. Найдется тебе там дело по душе.

Напильник с противным визгом елозил по стволу, заставляя Матвея, морщиться от этого звука. Но работы парень не бросал. Найденный в одном из домов еще один штуцер сначала его порадовал, а потом заставил крепко выругаться. Как выяснилось при детальном осмотре, оружие было весьма потрепано. Ствол от среза сантиметров на десять треснул, а приклад вообще топорщился щепой. Повертев винтовку в руках, Матвей пару раз приложил ее к плечу, ну, как получилось и, подумав, негромко хмыкнул:

– А ведь из тебя удобный карабин получится. Ствол малость обрезать, приклад новый вырезать, под себя, и очень даже оборотистая штука получится. А главное, заметно легче. В лесу ему цены не будет. Кстати, и калибр тут поменьше вроде, – добавил он, заглядывая в ствол.

Ореховое ложе с прикладом уже было готово и покрыто лаком, найденным все в том же плотницком сарае. Так что теперь Матвей старательно приводил в порядок саму винтовку. Первой его мыслью было сделать себе оружие под унитарный патрон, но вспомнив, что отлить или выточить гильзы ему просто не из чего, отказался от этой мысли. Без серьезного станочного парка это дело было не поднять.

Появившаяся рядом с его лавкой бабка несколько минут удивленно наблюдала за его работой, после чего, не удержав-

шись, удивленно проворчала:

– А чего это ты решил доброе оружие изуродовать. Сменил бы приклад, и всего делов.

– А ты глянь сюда, – усмехнулся Матвей, разворачивая ствол так, чтобы ей была видна трещина.

– Ох, ты ж беда, – охнула бабка. – Штуцер-то добрый.

– Ничего. Сейчас вот так его обрежу, новый приклад прикреплю, и будет толковое оружие, – усмехнулся парень.

– Да где ж толковое, ежели короткое такое будет. Едва длинней пистоля. Это куда ж с него стрелять.

– Ну, шагов на сорок он точно добьет. А в лесу больше и не надо, – пожал Матвей плечами. – Лес – не степь. Там далеко стрелять некуда. Да и легче он будет, а значит, управляться с ним ловчее.

– Ишь ты. Ловко удумал, – оценила его новаторство бабка. – И, правда, казаки в лес с собой только пистолы завсегда брали. Ружья это уж так, для большого боя.

– Вот и я так подумал, – кивнул парень, возвращаясь к работе.

Треугольный напильник снова визгливо зашкрябал по стали, а Степанида, присев на лавку, тихо вздохнула:

– Эх, рыбки бы сейчас жареной.

– Были бы снасти, я б на рыбалку сходил, – понимающе кивнул парень.

– Так есть снасти. У того же Никандра есть, – вспомнила бабка. – Он до рыбалки очень охочий был. Сходил бы к нему,

посмотрел.

– Схожу, – решительно кивнул Матвей. – К ужину схожу. А пока это доделать надо. Если найду снасти, на зорьку за рыбой пойду.

– В сенях посмотри. У него там целый ящик всякой снасти был. И готовые удочки тоже там стояли, – припомнила она.

– Посмотрю, – пообещал Матвей, про себя добавив: «Мне в дороге потом удочки тоже пригодятся. А вообще, к переезду нужно готовиться серьезно. Инструмент весь собрать. Оружие тоже. Брать только огнестрел буду. Белое оружие здесь обычно именное. Нарвешься на родственника, головняка будет мама не горюй».

– Ты потом еще раз по домам пройдишь, – вдруг тихо посоветовала бабка.

– Зачем? – не понял Матвей.

– Собирай все, что продать можно будет. Тебе выжить надо, внучок. А то добро уж не нужно никому. Что было нужно, уехавшие забрали. А бросишь, пропадет попусту, – грустно вздохнула женщина. – Я тебе потом черкеску новую пошью. Штаны. А сапоги потом сам себе стачаешь новые. Кожи у деда в сундуке заberi. Там их много, – всхлипнув, продолжила она.

– Ты чего, бабушка? – всполошился Матвей и обнял ее за плечи, прижимая к себе. – Я ж сказал, без тебя никуда не поеду. А дальше – как бог даст. Ты лучше скажи, у тебя холстины всякой много?

– А зачем тебе? – моментально насторожилась бабка.

– Одежку особую сделать себе хочу.

– Это какую? – удивилась Степанида.

– Таковую, в которой человека в лесу в двух шагах от себя не разглядишь, – принялся пояснять Матвей, вспомнив о такой полезной штуке, как маскхалат.

– Да ты никак воевать с кем собрался! – тут же вскинулась бабка.

– Нет, бабушка. Воевать я не хочу, но готовым ко всему нужно быть, – вздохнул Матвей, возвращаясь к работе.

– Добре. Найду тебе холстины, сколько скажешь, – подумав, кивнула женщина.

Поднявшись, она отправилась в дом. Матвей же, продолжая работать, вернулся к своим мыслям.

«Так. На чем я остановился? Так, инструмент, оружие собрать огнестрельное. Хотя из холодняка тоже можно кое-что прихватить. Нужно только смотреть, чтобы оружие не именное было и в неприметных ножнах. М-да, ситуация. С одной стороны, перед людьми неудобно, а с другой – права бабка. Кому нужно было, уже увезли. А если вся семья вымерла, то пропадет все просто. Вон, скотину всю с началом эпидемии выгнали за околицу, а птицы еще много осталось», – усмехнулся он про себя, припомнив пару эпизодов во время своих походов по станице.

В нескольких дворах обнаружили куры с цыплятами, несколько уток и даже пара гусей, которые встретили неиз-

вестного грозным шипением. Нашелся даже один индюк. Этого бабка с ходу отправила в печь. Благо птица было крупная, и им на троих хватило надолго. Тетку Парашу приходилось брать в расчет постоянно. Пожилая женщина с трудом передвигалась, хотя и старалась не отставать от Степаниды в хозяйственных делах.

За раздумьями Матвей и сам не заметил, как умудрился отпилить кусок ствола. Глухо брякнув, обрезок упал на землю. Обрадованно усмехнувшись, парень прижал ствол коленом к лавке и принялся обрабатывать срез. Заровняв край, он аккуратно снял заусенцы и, повертев получившийся обрезок в руках, прибрал его в сундук. Теперь можно было заняться рыболовными снастями. Выйдя на улицу, Матвей прошел в уже знакомый дом и, пошарив в сених, нашел сразу три удочки и широкий ящик с плотно прилегающей крышкой, в котором и нашлось все необходимое для толковой рыбалки.

Похоже, старый казак и вправду был большим любителем посидеть с удочкой. Снасти были сделаны тщательно, по-хозяйски. Одобрительно хмыкнув, парень аккуратно прикрыл за собой двери и отправился домой, успев по дороге как следует рассмотреть готовые удочки. Удилища были вырезаны из орешника, а леска сплетена из конского волоса. Кстати, в ящике лежал моток такой же лески.

Увидев его добычу, Степанида радостно улыбнулась и позвала внука ужинать, пообещав поднять с рассветом. Пони-

мая, что ей, как и ему самому, курятина уже поперек горла встала, Матвей покорно кивнул и, умывшись, уселся за стол. Разбудила его бабка и вправду, едва начало светать. Зевая и зябко поеживаясь, парень умылся и, быстро смолотив краюху свежего хлеба с еще теплым, парным молоком, отправился к речке, не забыв проверить состояние своего оружия.

Выходить из дома вооруженным уже стало для него такой же привычкой, как надевать утром штаны. Пройдя в дальний конец станицы, Матвей перемахнул через ограду и углубился в перелесок. Небольшая быстрая речка с прозрачной ледяной водой всегда изобиловала рыбой. Откуда у него это знание, Матвей так и не понял, так что попросту отнес его к тем, что остались от бывшего владельца тела. Найдя небольшую запруду, он уселся на берегу и, размотав удочки, принялся рыбачить. Червей парень накопал еще прошлым вечером.

К его удивлению, клевать начало почти сразу. Спустя полчаса на кукане висело три карася размером больше его ладони. Увлечшись, Матвей не сразу сообразил, что в соседних кустах что-то шуршит и тихо похрюкивает. Но когда откуда же раздался негромкий взвизг, парень выронил удочку и выхватил из кобуры пистолет. Из кустов прямо на него вывалился молодой подсвинок. Понимая, что в его нынешнем состоянии даже этот зверь может стать опасным противником, парень плавно сместился за дерево.

Благо зрение у кабана слабое. Зато нюх похлеще, чем у

собаки, напомнил себе Матвей, глядя, как животное вскинуло пяточок и принялось принюхиваться.

— Килограммов под восемьдесят зверь потянет, — оценивал парень потенциальную добычу. — Только бы развернулся малость. Мне шевелиться нельзя. Уйдет сразу.

Усилием воли сдерживая нервный тремор в руках, он медленно, буквально по миллиметру поднял ствол пистолета и навел его так, чтобы выстрелить сразу, как только кабан немного развернется. словно в ответ на его мольбы, зверь сделал пару шагов вперед, к тому месту, где парень недавно сидел с удочкой, и, как следует принюхавшись, начал медленно разворачиваться. Выбрав момент, Матвей нажал на спуск.

Пистолет грохнул, и кабан, громко взвизгнув, припал на передние колени. Бросив пистолет, Матвей выхватил второй ствол и, прицелившись в точку между глазом и ухом, снова спустил курок. На этот раз зверь медленно завалился на бок и забился в агонии, взрывая землю острыми копытами. Бросив разряженный пистолет, Матвей, выхватил бебут, который постоянно носил на поясе за спиной, и, обежав тушу, с размаху всадил кинжал кабану под лопатку, разрубая сердце.

Дернувшись еще пару раз, зверь затих. Старательно очищая кинжал от крови, Матвей только удивленно головой качал, не веря собственной удаче. Но теперь вставал вопрос, как дотащить тушу до дому. Припомнив, что в сарае лежит старое колесо от тачки, он огляделся и, заметив пару под-

ходящих деревьев, принялся сматывать удочки. Проверив, как держатся в кобурах перезаряженные пистолеты, парень поспешил домой. Отдав карасей бабке и рассказав ей о добыче, он прихватил колесо, веревку и поспешил обратно.

Срубив пару жердей, Матвей насадил колесо на ось и, привязав к ней жерди, принялся увязывать добычу. Последним куском веревки он увязал рукояти получившейся тачки и, накинув эту веревку себе на шею, взялся за рукояти. В станицу добычу он притащил, обливаясь потом и чувствуя, как от напряжения кровь гудит в ушах. Бабка, увидев, что он притащил, принялась охать и костерить парня за излишнее напряжение, при этом глаза ее лучились гордостью и одобрением.

Вдвоем они подвесили тушу за домом, и Степанида, отправив его снова рыбачить, принялась точить длинный нож.

– Бабушка, может, этим удобнее будет? – спросил Матвей, протягивая ей бебут.

– От дурень, – беззлобно выругала его женщина. – Это ж оружие. А мне нож по хозяйству нужен. Запомни, Елисей. Кинжалом такие вещи можно только в походе делать. Забыл, как батька тебя учил оружие уважать? – наставительно закончила она, ловко перерезая кабану горло.

– Ну, как скажешь, – не стал спорить Матвей и, прихватив удочки, отправился снова на речку.

– Ты только не долго, – напутствовала его бабка.

– В полдень буду, – пообещал Матвей, выходя на улицу.

То ли и вправду ему везло, а то ли рыба пошла на кабанью кровь, которая натекла в заводь, но рыбалка получилась на славу. Натаскав еще десяток карасей, дюжину красноперок, пару небольших щук и одного сомика, он вернулся домой, чувствуя себя победителем. Еще не дойдя до своего плетня, Матвей почуял умопомрачительный запах жарящейся с луком свинины. Женщины уже успели разделать и разрубить тушу, и теперь бабка Параша тщательно промывала требуху.

– Присядь, передохни, внучок, – скомандовала бабка, отбирая у него добычу. – Сейчас обедать станем. Я мяса нажарила. Параша вон пирогов с вареньем принесла. Сама с утра с тестом возится. Сейчас вон требуху промоет, и мы с ней колбаску затеем.

Удивленный ее многословием, Матвей настороженно покосился на бабку и только тут сообразил, что она просто гордится им. По сути, все было правильно. Ведь по местным меркам он еще недоросль. Подросток, который еще требует пригляда взрослых. А тут и сам по ремеслу всякому возится, и рыбки наловил, и кабана добыл. В общем, везде герой. Усмехнувшись собственным мыслям, Матвей присел на лавку у крыльца и, вытянув ноги, расслабился, чувствуя, как ноют натруженные с непривычки мышцы.

«Нужно срочно приводить эту тушку в порядок, – лениво подумал парень, прикрывая глаза. – Иначе потом беды не оберусь».

Несмотря на все свои ежедневные трудовые подвиги, тренировки Матвей начал, опираясь на свои предыдущие знания, постепенно увеличивая нагрузки. К его удивлению, тело, доставшееся ему, хоть и было жилистым, гибким, выносливым, но при этом ни о какой гимнастике и понятия не имевшим. А самое главное, парню никак не удавалось хоть немного набрать вес, чтобы перегнать его в мышечную массу. И это при том, что ел он уже за двоих. Без шуток. Такими порциями, что подавала ему бабка, можно было накормить двух здоровых мужиков. А тут не в коня корм.

Даже Степанида отметила этот факт, подивившись, что парень, несмотря на кормежку, остается все таким же тощим. Теперь Матвей повадился регулярно ходить на рыбалку, разнообразив их стол. Единственное, что радовало, так это состояние головы. Болеть она перестала, а приступы слабости накатывали все реже. А самое интересное, что в памяти начали всплывать многие местные словечки и названия. Сами по себе, без всяких усилий со стороны самого Матвея.

Вот к чему он никак не мог привыкнуть, так это к новому имени. Дошло до того, что Матвей начал даже в мысленных диалогах называть себя местным именем, регулярно повторяя себе, что однажды проколовшись, может нажить серьезные проблемы. В общем, в один прекрасный день он дал се-

бе слово, что отныне будет обращаться к самому себе только местным именем. Что удивительно, это принесло некоторое облегчение в восприятии окружающего. Словно прежний владелец тела до этого момента упорно сопротивлялся наличию нежданного соседа. А теперь, когда тот смирился с неизбежным, все встало на свои места.

Тренировки Елисей проводил в станице. Уходя со двора, он объявлял бабке, что отправился искать что-то, что может ему понадобиться в будущем, и, выбрав укромный уголок, принимался за издевательство над самим собой. Кусок жердины, брошенный между двумя деревьями, заменил перекладину. Лавка – скамейку для качания пресса, ну, а отжимания можно делать где угодно. Одновременно с этим он начал растягиваться и отрабатывать приемы рукопашного и ножевого боя.

В этом времени на огнестрел еще полагались не особо. Любая схватка часто сводилась к бою холодным оружием. И вот тут запросто можно было нарваться на настоящих виртуозов. Научить его владеть шашкой или саблей было некому, а вот на ножах или кинжалах он и сам мог кому угодно сюрприз преподнести. А раз так, то и надо сделать свои недостатки достоинствами. Плохой кавалерист? Значит, нужно стать хорошим разведчиком и следопытом. Они верхом ездят мало. Тут в основном все нужно ножками обходить.

Не умеешь орудовать шашкой, значит, в бою действуй сразу двумя кинжалами. Тем более что и выбор у тебя весь-

ма неплохой. Прямые кинжалы, изогнутые бебуты. Хочешь, используй обе пары отдельно, хочешь, комбинируй. Вдобавок к кинжалам Елисей принялся подбирать толковые клинки для изготовления нескольких метательных ножей. Благо выбор у него был. А кожи в домах нашлось столько, что роту в кожаную одежду одеть можно.

Пользуясь такой возможностью, парень попутно сшил себе подходящую разгрузку, портупею под пистолеты и начал подумывать об изготовлении гранат. Старых оружейных замков у него было много. Даже больше, чем стволов. В основном, правда, кремневые, но переделать их под капсюль было не сложно. Главное, инструмент толковый найти. Ну, или хотя бы кузницу с толковым кузнецом.

Спустя пару недель такого режима его усилия оказались замечены бабкой. Умываясь у колодца, Елисей растирался полотенцем, когда заметил ее удивленный взгляд. Быстро осмотрев себя, парень оглянулся через плечо и, сообразив, что Степанида рассматривает именно его, насторожился.

– Чего? – не понял парень, продолжая оглядывать себя.

– В плечах раздаваться начал, – покачала головой женщина. – Весь в отца. Тот тоже поначалу словно хвощ тощий был, а потом в одно лето так раздался, что я замучилась одежду перешивать. А все одно, кожа да кости. Никак не откормить тебя, – удрученно вздохнула она. – А чего ты там из кожи делать затеял? – неожиданно сменила она тему.

– Да под оружие разное сбрую. Чтоб всегда под рукой бы-

ло, – туманно пояснил Елисей, натягивая рубаху, которая и вправду уже трещала в плечах по швам.

– Внучок, а ты с косой-то теперь справишься? Хоть недолго? – снова сменила бабка вектор своих интересов.

– Ну, должен, – удивленно протянул парень.

– Вот и славно. Завтра с утра в поле пойдем. Нужно пшеницы накосить, пока вся не осыпалась. Сеять мы точно не сможем. А хлебушек нужен, – пояснила она свое решение.

– Конечно, – решительно закивал парень.

Утром, прихватив косу-литовку, они все втроем вышли к озимому полю. Окинув его задумчивым взглядом, Елисей тоскливо вздохнул про себя и, поплевав на ладони, взялся за дело. Пройдя одну полосу по краю, он двинулся в обратную сторону, когда Степанида остановила его, с улыбкой заявив:

– Внучок, ты не забывай, что с тобой не девки молодые, а бабки, с которых уже песок сыплется. Разошелся. Дай бог с тем, что накосил, управиться. Да и не унести нам столько зараз. Передохни пока. А еще лучше с Парашиного двора тачку прикати. И мешки прихвати.

– Во-во, – тяжело разгибаясь, поддержала ее старушка. – Они там, на лавке у крыльца сложены. Ой, маменька, грехи мои тяжкие. Спина уж совсем не гнется, – пожаловалась она и, противореча собственному заявлению, тут же принялась ловко вязать снопы.

Пока Елисей ходил в деревню и катали тачку, женщины успели собрать все скошенное в снопы и соскирдовать их ря-

дом с дорогой.

– Укладывай, а мы увязывать станем, – скомандовала Степанида, кивая на ближайшую скирду.

Чтобы вывезти все собранное, пришлось сделать три ходки. Конечно, основная часть груза это будущая солома, но и зерна с этого захода оказалось немало. Обмолотить снопы оказалось легче всего. Колосья уже перестояли в поле, и созревшее зерно легко осыпалось при любом резком движении. Пользуясь возможностью, Елисей превратил работу в очередную тренировку. Например, молотьбу он превратил в работу с цепом, как с оружием. Бабки только охали и головами качали, когда увидели это безобразие.

Но Елисей продолжал делать свое дело, совмещая сразу два занятия. К концу обработки парень чувствовал себя так, словно это не он молотил, а его использовали вместо макивары. Дождавшись окончания, женщины быстро провеяли зерно и, рассыпав его по ларям, объявили окончание работ.

– Внучок, а чего это тут было-то? – поинтересовалась Степанида, лениво обмахивая лицо косынкой. – Я ж сказала молотить, а ты колотил. Да еще так, словно не снопы оббивал, а дрался с кем.

– Да я тут подумал, что такой штукой, – тут парень кивнул на цеп, стоявший у стены, – ежели как следует вдарить, то никакая шашка не поможет. Главное, попасть.

– Нашел новость, – отмахнулась Параша, рассмеявшись. – Так еще батюшка мой, царствие ему небесное, от горцев в

поле отбивался, было дело. Один троих положил. Они с пиками да с саблями, а он с цепом. У толкового казака любая палка – оружие.

– Вот я так и подумал. Потому и решил попробовать, – тут же согласился Елисей и, чтобы сменить тему, спросил: – Может, вам водицы холодной принести?

– Посиди, внучок. Сейчас отдышимся, и все вместе к дому пойдем. Там и умоемся, и напьемся. Да и не нужно с жару ледяное пить. Только потом изойдешь.

– А чего ж тогда пить? – не понял парень.

– В жару чай горячий пить надо, – наставительно пояснила Параша. – Горцы завсегда так делают. А турки, те кофе пьют. Горячий, да шибко сладкий. И водой холодной его запивают.

«Ага. Значит, эти фишки тут хорошо известны, – отметил про себя парень. – И не только горцам и туркам, но и жителям предгорий. Хотя чему удивляться. Они тут веками бок о бок живут. Что называется, взаимная интеграция в действии».

Сразу после ужина Елисей завалился спать, чувствуя, как ноют натруженные за день мышцы. В подобном режиме они провели всю следующую неделю. Только спустя этот срок парень вдруг понял, что они втроем умудрились убрать целое поле. Зерно, ссыпанное в мешки и лари, растащили по амбарам и облегченно перевели дух. Им троим этого запаса хватит на пару лет регулярного использования. К удивлению Елисея, зерна было действительно много. Похоже, год ока-

зался урожайным.

Закончив с зерном, парень вернулся к своим делам. Точнее, подготовке к возможному будущему отъезду. Затянувшаяся история с изготовлением поворотного механизма для фургона подошла к своему логическому завершению. Промоленный и покрашенный фургон стоял во дворе, сверкая стеклами окон. Елисей постарался сделать так, чтобы запрячь в него можно было и одного коня и пару. Достаточно было переставить одну и убрать другую оглоблю.

Сбрую, хомуты, дугу, вожжи парень собрал по дворам, отобрав самое лучшее и на всякий случай натерев кожу жиром. Глядя на его подготовку, Степанида только одобрительно кивала, потихоньку горько вздыхая. Зная ее опаску, Елисей аккуратно прибрал все приготовленное в фургон. Затащил туда все, что не должно было потребоваться ему в ближайшее время, и, закрыв дверь, громко объявил:

– Всё! Теперь пускай стоит, до времени.

– А запрягать в него кого станешь? Кочета с гусем или нас с Парашей в оглобли загонишь? – тут же поддела его бабка.

– Придет время, и об этом подумаю, – отмахнулся парень.

– Не надо было всех коней горцам отдавать, – подумав, неожиданно заявила бабка. – Там пара меринов добрых была. Тебе в упряжку в самый раз были бы.

– А кормить их чем? Тут даже перековать их некому, – решительно возразил Елисей.

– А чего их ковать? – фыркнула женщина. – Горцы своих

коней подковывают, только когда в долины спускаются. А в горах на некованых ездят.

– Почему? – растерялся Елисей, который и понятия не имел о таких тонкостях.

– Так в горах от росы камни скользкие. Железо по ним как по льду скользит. А голое копыто у коня шершавое. Даже на мокром камне удержаться может, – пожалала плечами бабка. – Ты чего, внучок, неужто не все еще вспомнил? – насторожилась женщина.

– Не все, – скривился парень. – Я считай, ничего не вспомнил. Живу, словно по течению плыву, – нехотя пожаловался он.

– Ох ты ж горюшко! – всхлипнула бабка. – А я, дура старая, гляжу, ты с ремеслом ловко управляешься, штуцер вон переделал, да и решила, что ты вспомнил всё.

– Ремесло, бабушка, руки вспомнили, – принялся пояснять Елисей, обнимая ее за плечи. – Сама ж говорила, у бати все в руках спорилось. Вот я и решил, пусть оно само идет, как получится. Ну и получилось как получилось, – закончил он, уже жалея, что завел этот разговор.

– Ловко получилось, – всхлипнув, улыбнулась бабка.

– Ну, не так и плохо, – поскромничал парень.

– Не дури, Елисей. Штуцер у тебя получился – загляденье. Даже мне с ним управляться легко. А уж я хоть и умею с него стрелять, а все одно всегда пистоли больше любила. Ружья в отдаче уж больно тяжелы.

– Так я тебе самые легкие пистолеты и отобрал, – напомнил парень, мысленно возвращаясь к вопросу об оружии.

Местные дульнозарядные образцы его совсем не радовали. Их круглые пули, несмотря на нарезы, все равно летели не далеко и быстро теряли в скорости. По сути, их можно было приравнять к обычным охотничьим ружьям его времени. Но раз нельзя было решить вопрос с унитарным патроном, значит, надо искать и пробовать экспериментировать с пулями. Вспомнив, что видел в кузнице большой лист жести, Елисей хмыкнул про себя, вспомнив одну игру из собственного детства.

Обрезанная пробка от шампанского, кусочек пластилина и пара птичьих перьев. На стене рисовалась мишень, и подобные снаряды бросались в нее на меткость. Вот тебе и отправная точка. Что, если оперить обычную для этого времени круглую пулю? Да и вообще попробовать изменить ее форму. С этими мыслями он и отправился к столу. Степанида использовала любой повод, чтобы в очередной раз накормить парня до отвала. Похоже, его вес стал для нее очередной идеей фикс.

* * *

Очередной выстрел сбил с валуна деревяшку, и Елисей, довольно усмехнувшись, принялся прочищать ствол штуцера. Его пули оказались весьма занятной придумкой. Три же-

стяных пера, которые он вплавлял в тело пули во время отливки, придавали ей устойчивость в полете, что заметно прибавляло дальности. В итоге из своего укороченного карабина он запросто бил на расстояние, которое покрывала обычная пуля, грубо говоря, из стандартного оружия. То есть обычного штуцера.

Этот факт не мог не радовать. Короткое, оборотистое ружье, способное дотянуться на расстояние, доступное длинному стволу, это серьезный аргумент в лесу или горах. А воевать парень собирался именно в этих условиях. Почему воевать? Да просто потому, что умел делать лучше всего он именно это. Да и как объяснишь кому-то, что знания свои получил не у какого-то мастера, а в прежней жизни. А имя мастера, у которого учился, в этом времени значит многое. Вплоть до того, получишь ли ты заказ.

В общем, Елисей готовился к долгой жизни в попытках не привлекать к себе внимания. Это сейчас ему было весьма удобно. Чуть что не так, тут же скроил жалостливую физиономию и скорбно вздыхаешь – не помню. Благо бабка, выхаживавшая его, отлично знает, что парень едва удержался на краю могилы, и вопросов не задавала. Но это сейчас, а вот потом вопросы могут появиться у многих.

С этими мыслями Елисей снова зарядил карабин и, подойдя к валуну, принялся устанавливать очередную мишень. Но не успел он вернуться на рубеж открытия огня, как где-то в перелеске раздалось пронзительное конское ржание. Мет-

нувшись в сторону, парень укрылся за ближайшим деревом и всмотрелся в зеленку. Из кустов вылетел высокий каурый жеребец и сломя голову понесся к станице. Следом за ним выехали трое всадников и, увидев беглеца, с гиканьем понеслись следом, нахлестывая коней.

«Так, горцы кого-то гонят. А парень молодец, в седле как приклеенный сидит», – оценил Елисей, наблюдая за этой сценой.

Один из преследователей привстал в стремях и принялся выцеливать беглеца. Тот, словно почувствовав угрозу, припал к конской гриве, разом уменьшив свой силуэт.

– Похоже, придется класть всех троих, – мрачно проворчал Елисей, вскидывая карабин.

Его выстрел прозвучал за долю секунды до того, как преследователь спустил курок. Пуля Елисея вынесла стрелка из седла. Бросив карабин, парень выхватил пистолет и успел выстрелить до того, как ближний к нему всадник развернул на него ружье. Третий выстрел достал еще одного преследователя, который уже пытался развернуть коня. Подбежав к упавшим, Елисей кинжалом произвел контроль и, переведя дух, принялся обыскивать тела.

Отбежавшие от этого людского безобразия кони принялись щипать траву, и Елисей, присмотревшись, отметил про себя полные переметные сумы на них. Сложив все найденное оружие в стороне, парень отловил коней и задумчиво почесал в затылке. В прошлый раз за тела бандитов ему пред-

ложили хорошие деньги. Надеяться на это было бы глуповато. Кто знает, откуда они сюда примчались и где их родичи. Вполне возможно, что эти самые родичи объявят его кровником. Тогда им всем тут кисло придется.

Сняв с тел все, что имеет хоть какую-то ценность, Елисей загрузил добычу на коней и, вскочив в седло, отправился в станицу. За шанцевым инструментом. Бросать тела, пусть даже и бандитов, рядом со станицей было неправильно. В последнее время дикое зверье, осмелев, начало появляться на самой границе станицы. Так что, оставив падаль, запросто можно привлечь хищников. Не стоит забывать, что в местных лесах медведя встретить совсем небольшая проблема. А это зверь весьма серьезный.

Стрельбище Елисей себе устроил между станицей и перелеском, где протекала речка. Так что дорога у него не должна была занять много времени. Тем более верхом. Но уже за поворотом тропы парень натянул повод. Беглец, за которым и гнались горцы, лежал в траве, а каурый жеребец стоял над ним, тихо пофыркивая. Елисей соскочил с коня и, перекинув повод, бросил его на землю. Так собранные в цуг трофейные кони не уйдут. Подойдя к жеребцу, парень осторожно протянул ему левую ладонь, давая себя обнюхать, и только после этого присел над лежащим.

Беглец лежал лицом вниз, так что промокшую от крови бекешу Елисей увидел сразу. Взяв незнакомца за плечо, он аккуратно перевернул его на спину и приложил пальцы к

артерии на шее, попутно всматриваясь ему в лицо. Юное, с правильными, тонкими чертами лицо. Изящные, словно девичьи руки с тонкими музыкальными пальцами. Фигурка тонкая, словно тростинка.

«Похоже, совсем еще мальчишка», – подумал Елисей, старательно нащупывая пульс.

К его радости, сердце еще билось, но без экстренной помощи это продлится не долго. Распоров кинжалом одежду, парень кое-как рассмотрел рану на боку беглеца и удивленно покачал головой. Похоже, мальчишке крупно повезло. Пуля прошла через правый бок, чуть выше тазовой кости, не зацепив печень и почку. Судя по ране, проскользнула почти под кожей. Просто мальчишка потерял много крови. Оторвав от его же рубашки длинную полосу, Елисей туго перетянул рану, останавливая кровь, и осторожно поднял мальчишку на руки.

Голова беглеца откинулась, и из-под упавшей папахи соскользнули две тугие, иссиня-черные косы.

– Мать твою, ты ж девчонка! – охнул Елисей и, удивленно потряхнув готовой, решительно шагнул к каурому.

Жеребец стоял спокойно, позволяя ему уложить тело девчонки через седло, только недовольно фыркая от запаха крови. Привязав его повод к цугу, парень вскочил в седло и повел всю кавалькаду к станице. Его появление Степанида встретила с ружьем в руках. Хотя она и не любила их, но при любой опасности начинала именно с него. Увидев раненую

девочку, бабка заохала и тут же принялась командовать.

Занеся беглянку в баню, Елисей наносил воды и, поставив чугунок на огонь, отправился обратно к месту стычки, прихватив лопату и попутно передав бабке Параше, что Степаниде нужна ее помощь. Оттащив тела подальше в сторону, он принялся копать одну могилу на троих. Спустя три часа, углубившись почти на полтора метра, благо земля мягкая, он стащил в яму все три тела и, накрыв им лица папахами, принялся засыпать могилу. Заканчивал он уже в сумерках. Вернувшись в станицу, парень устало умылся у колодца и, забирая у бабки рушник, тихо спросил:

– Как она?

– Крови много потеряла, – вздохнула бабка. – Ежели антонов огонь не случится, выживет. Но рану мы, как сумели, вычистили и травами присыпали. Порохом прижигать не стали. Девчонка все-таки. Ее шрамы не украсят.

Слушая бабку, Елисей молча кивал, попутно вспоминая, что в этом времени и вправду была такая варварская операция в отсутствие рядом толкового медика и нормальных медикаментов. Открытую рану, чтобы избежать воспаления, посыпали порохом и поджигали. Сгорая, порох прижигал рану, но перенести подобное мог не каждый. Мысленно содрогнувшись, Елисей в очередной раз кивнул и, оглядевшись, удивленно спросил:

– А кони где?

– Так в конюшне уже, – рассмеялась Степанида. – Не пе-

реживай. И выводила, и напоила, и расседлала. Кони добрые. Особо каурый. Хороших кровей лошадь, – произнесла она так, что парень сразу понял, что в ее устах это высшая похвала.

– Каурый ее, – улыбнулся парень. – Я вот только не понял. Она же горянка, а в мужской одежде верхом носится. Как так? Да еще и с одним пистолетом. Я когда ее нашел, у нее на седле только одна кобура была, и пистолет в ней разряженный. Только кинжал еще небольшой. И куда родители смотрели?

– Есть у них в некоторых родах обычай такой, – помолчав, припомнила бабка. – Пока девочка в девичью пору не вошла, ее, как мальчишку, воевать учат. Сам видел, там от девицы только косы одни. Ни фигуры, ни стати еще нет. А вот как подрастет, да наливаясь станет, так всё. Дома на женской половине закроют и станут учить дом да хозяйство вести. Но зато и за дом свой эти девчонки дерутся не хуже мужчин.

– Странный обычай для мусульман, – проворчал Елисей, почесывая в затылке.

– Да они басурманами только называются да муллу в ауле имеют, – рассмеялась бабка. – А обычай этот у них остался еще с тех времен, когда они идолам поклонялись. Да и то сказать, обычай-то добрый. Женщины у них, как у нас казачки, завсегда мужей своих оружием поддержать готовы. Эх, женить бы тебя на ней, – вдруг лукаво улыбнулась она.

– Куда ей замуж? – едва не рухнув на месте, возмутился

Елисей. – Ребенок еще. Сама говорила.

– Ну, так сговориться и теперь можно, – пожала плечами Степанида.

– А жить где? Одним в пустой станице? Или мне, потомку рода казацкого, прикажешь в горский клан идти? – сделал вид, что возмутился, парень.

– А тут твоя правда, внучок, – грустно вздохнула женщина.

– Как думаешь, искать ее станут? – сменил парень тему.

– Так уже, небось, ищут. Раз гнались за ней, значит, где-то бой был. Подождать надо. Я так мыслю, родичи по следу пойдут.

– Много в горах следов найдешь, – фыркнул Елисей.

– Не скажи, внучок. Горцы след хорошо читают. Не все, конечно, но опытные воины знают, куда смотреть. Ты завтра сведи каурого на речку. Искупай. У него бок в ее крови, – посоветовала бабка.

– М-да, подкинул я тебе заботы, – повинулся парень.

– Господь с тобой, Елисей, – отмахнулась Степанида. – Даст господь, горцы за ней придут да за спасение тебя кунаком примут. Все потом тебе легче будет. Кунак у них – это почитай брат родной. Ни почто не предадут.

– До этого еще дожить надо. Как бы ее преследователи раньше не явились, – скривился Елисей, которому воевать с целым кланом не хотелось от слова совсем. Слишком силы будут неравны.

– Пойду, Парашу сменю, – подхватила бабка. – А ты ужинать ступай. Я тебе в твоём закутке накрыла. На лавке. Негоже парню рядом с болезной девчонкой быть.

– Ладно, – покорно согласился Елисей, не очень понимая, при чем тут ужин и раненая девчонка. Какая связь?

Несмотря на усталость, он до блеска вылизал миску каши и, запив ее парой чашек горячего чая и раздевшись, завалился спать. Проснувшись с первыми лучами солнца, парень первым делом, сразу после завтрака, отправился обихаживать коней. Выведя их из конюшни, он перевел всю пятёрку на соседний двор и, черпая воду из колодца, принялся отмывать и вычищать их. Приведя весь гужевой транспорт в порядок, он вычистил денники и, застелив полы свежей соломой, завел коней.

Выручали умения прежнего владельца тела. Похоже, до болезни юный казак и вправду всерьёз готовился пойти по стопам отца. Во всяком случае, с оружием и конями он управлялся вполне ловко. Теперь эти умения накладывались на знания Матвея, что привело к серьезным успехам. Особенно в том, что касается огнестрельного оружия. Управившись с конями, парень принялся крутиться по хозяйству. Дров нарубить, воды бабке наносить, сено для козы поворошить. В общем, забот хватало. Особенно теперь, когда в хозяйстве появилось аж пять коней.

Благо горские кони неприхотливы и способны обходиться одним сеном. Овес они получали только в походах. Но удив-

латься тут нечему. Попробуй вырастить что-нибудь на горном склоне, который сначала нужно элементарно очистить от камней перед вспашкой. Каторжный труд. Потому горцы и не занимаются земледелием почти. Просто негде. Есть, конечно, кланы, которым повезло и на их территории есть несколько плодородных клочков земли. А что остальным делать?

Вспомнив про коней, Елисей в очередной раз вздохнул и, подхватив косу, отправился на луг. Беда бедой, а кормить животину надо. Тем более что бабка была абсолютно права. Кони ему достались действительно хорошие. Молодые, здоровые. А главное, словно специально, две пары. Два жеребца и две кобылы. Хотя именно этот момент Елисея слегка настораживал. Обычно для нападения горцы использовали меринов.

Более сильные и спокойные, они не реагировали, если чуяли рядом кобыл, так что не раскрывали засаду раньше времени и не создавали своим седокам проблем. В общем, многое в этом деле было непонятным. Но больше всего Елисея удивляла погоня за девчонкой. Зачем было ее ловить, если она по их обычаям еще не считается невестой? Похищение ради выкупа, или в горах что-то затевается? В общем, как всегда, вопросов много, а ответов нет. Остается только ждать, когда беглянка придет в себя.

– Блин, а если она по-русски не говорит? – спохватился Елисей. – Вот это будет засада. Получится, ты ей про Ивана,

она тебе про болвана. Ладно, поживем – увидим. Надеюсь, бабулька моя и тут выход найдет. Вот уж у кого поучиться стоит. Кремень бабка, – с улыбкой похвалил он родственницу, ритмично взмахивая косой.

* * *

Следующие четыре дня прошли спокойно. Елисей занимался своими делами, попутно экспериментируя с оружием. Даже умудрился сделать в опустевшей кузнице новую пулелейку под свой карабин. Чего ему это стоило – отдельная баллада. Бабка, как-то проходя мимо, услышала его высказывания, и потом сутки сторонилась парня, каждый раз крестясь и укоризненно качая головой. С трудом помирились.

Сделал он и отливку для утяжеления рукоятей метательных ножей. Пустив на это дело старые кинжалы, которые нашел в сундуках в брошенных домах, Елисей сбил с них рукояти и, немного сточив лезвия клинков, обмотал черенки веревкой из конского волоса. Три аркана он взял с убитых им горцев. Потом эти веревки были обтянуты чехлом из мокрой кожи. Высохнув, она обтянула рукояти, делая их удобными в руке. В итоге парень получил десяток обоюдоострых ножей, с клинком примерно двенадцать сантиметров и рукоятью без гарды. Окончание рукояти было утяжелено двумя свинцовыми пластинами, которые держались за счет отверстия в черене под клепку.

Обычно рукояти на кавказских кинжалах держались на двух заклепках, и только позже, с развитием технологий, мастера стали применять резьбовые соединения. Но и то не всегда. Этим Елисей и воспользовался, переделывая их в метательные ножи. Бабка, увидев новшество в его арсенале, только охнула и руками развела. Сам же Елисей только многозначительно посмеивался. Впрочем, парень отлично понимал, что вдаваться в подробности при обсуждении таких новшеств означает выдать себя с головой.

Он и так то и дело косячил, путаясь в местных реалиях или выдавая на-гора знания, которых у подростка просто не могло быть. Чего только стоило его изобретение фургона. Здесь таким транспортом не пользовались. Поэтому пришлось врать, что вспомнил чей-то рассказ о цирке. Ведь подобные фургоны использовались именно там. И именно воспоминание о передвижных цирках навели парня на эту работу. Выслушав его, Степанида задумчиво хмыкнула и, неопределенно пожав плечами, махнула на это дело рукой.

Придумал и придумал. Тут других забот хватает. А на пятый день в себя пришла девчонка. Вернувшись с сенокоса, Елисей умывался у колодца, когда бабка выскочила из дома и, подскочив к нему, с заговорческим видом сообщила:

– Утирайся и со мной ступай. В себя пришла твоя красавица, – поддела она удивленного парня.

– Ну и хорошо, – проворчал парень с заметной растерянностью. – А я-то тебе зачем?

– Так она спрашивает, кто ее спас. Вот и хочу тебя ей показать.

– Бабуль, ты чего удумала? – подумав, осторожно поинтересовался Елисей.

– Удумаешь тут, – отмахнулась бабка. – Просто хочу, чтобы она лицо твое как следует запомнила. Она одна у отца дочка. А он в ней души не чаёт и балует. В общем, даст бог, будет у тебя потом клан, где завсегда укрыться можно.

– Чего-то я не понял, – помолчав, признался Елисей. – А зачем мне укрываться? И от кого?

– А на всякий случай, – буркнула в ответ бабка, волоча его за собой на буксире.

Они вошли в дом, и бабка, юркнув за занавеску на своей половине, спустя несколько секунд выскочила обратно и, жестом позвав парня за собой, слегка отодвинула занавеску.

– Ас-салам алейкум, – поздоровался Елисей, войдя.

– Алейкум ас-салам, – пискнули ему в ответ.

Присмотревшись, Елисей понял, что девчонка лежит, укутанная одеялом до самого подбородка с косынкой, повязанной так, что видно было только лицо.

– По-русски понимаешь? – негромко поинтересовался парень.

– Да.

– Хорошо. Как тебя зовут?

– Гюльназ.

– Цветок, значит, – кивнул Елисей. – Красивое имя. Рас-

скажи мне, Гюльназ, кто за тобой гнался и зачем? Только не рассказывай, что это кунаки твоего жениха тебя похитить хотели. Рано еще. Так что расскажи правду. А то я же не знаю, кто тебе друг, а кто враг. Начну со всеми подряд воевать, греха не оберемся.

Девчонка вздохнула, словно признавая его правоту, и, чуть скривившись, тихо поведала:

– Это были воины из клана кровников отца. Хотели схватить меня и заставить отца прийти туда, куда им надо. Мы с братьями в гости ездили и уже домой возвращались, когда они напали. Братья с ними драться стали, а мне велели уезжать. Мой Карагез сильный конь. Быстрый. Он долго бежать может. Они поняли, что не могут меня догнать, и стали стрелять.

– А почему ты в предгорья поскакала, а не к дому? – тут же спросил парень.

– Они на тропе засаду устроили. Не пройти было. Вот и пришлось бежать. Думала, ускочу от них, а потом кружным путем обратно вернусь. А они стрелять стали.

– Это твоего каурого Карагез зовут? – помолчав, уточнил Елисей.

– Да. Как он? В него не попали? – вскинулась девчонка.

– Цел он, – усмехнулся парень. – На конюшне стоит. Хороший конь, – сделал он приятное девочке.

– Да. Он на две трети крови аргатак. Отец его мне еще жеребенком подарил, – улыбнулась девчонка с заметной гор-

достью.

– Я понял, что он твой друг, – кивнул Елисей. – Когда ты упала, он не убежал, а стоял над тобой. Хорошо, что защищать тебя не кинулся. Иначе я бы не успел тебя сюда привезти.

– Отец учил его меня защищать, – задумчиво протянула девочка.

– Ну, кони звери умные. Значит, понял, что я тебе помочь хочу, – пожал Елисей плечами. – Ладно. Отдыхай, лечись. Только скажи, как отца твоего зовут. А то приедут люди, а я и не знаю, кому можно сказать, что ты жива, а кому нет.

– Отца зовут Арслан. А братьев Нурлан и Аслан.

– Хорошо. Я запомню, – кивнул парень. – А ты хорошо по-нашему говоришь. Где научилась? – спросил он, уже собираясь уходить.

– У отца кунак есть, из ваших, – улыбнулась девочка. – Я у них в гостях часто бываю. Вот у его жены и детей и научилась.

– А кунака как звать? – заинтересовался Елисей.

– Ефим Степанович Нагайкин. Он в станице Ручьевке живет.

– Это хорошо. Ежели что, можно будет ему весточку передать, – задумчиво проворчал парень и, попрощавшись, вышел.

– Бабушка, ты про таких Нагайкиных из Ручьевки слыша-

ла? – спросил он, найдя бабу в сарае.

– И Ручьевки, говоришь? – задумчиво переспросила бабка. – Помню таких. Добрые люди. Дед у них подъесаулом из реестра выписался. Нogu в бою потерял.

– А далеко до этой самой Ручьевки? – не унимался парень.

– Верст пятьдесят за Пятигорском будет.

– М-да, не ближний свет, – задумался парень.

– А ты чего это всполошился? – насторожилась бабка.

– Да девчонка сказала, что тот Нагайкин, Ефим Степанович, кунак ее отца. Вот и подумал, может, ему весточку подать, что жива она. А то родичи, небось, уже и похоронили дочку.

– Не спеши, внучок, – подумав, качнула бабка головой. – Ищут они ее. Просто времени еще мало прошло. А вот ежели через седмицу не появится никто из клана ее, тогда и можно будет съездить в ту Ручьевку.

«Хренасе, у них тут разбег по времени, – удивился про себя Елисей. – Так, блин, очоуришься где под кустом, а они только через месяц искать начнут. Хотя время тут другое. Неторопливое. Это даже у всех классиков описано было», – напомнил он сам себе.

– Да ты не забудь еще, что про мор в станице нашей вся округа знает. Потому никто и не едет в нашу сторону. Думают ведь, что вымерла станица. Что дома пустые стоят, – между тем продолжала бабка.

– Как же, не знают, – фыркнул Елисей. – Небось, уже в

каждом ауле знают, как мы тут с горцами сцепились. А то, что мора бояться, это да. Возможно.

– Ты лучше скажи, зачем тебе ножей столько? – вдруг сменила бабка тему, кивая на его перевязь, которую Елисей носил на себе постоянно, чтобы привыкнуть.

– Так из ружья или пистолета раз выстрелил, и все. А ежели врагов много? – принялся пояснять парень. – Тут они и пригодятся.

– И что делать станешь? – не поняла бабка.

– Бросать, – коротко пояснил Елисей.

– Что, неужто научился? – удивилась Степанида.

– Сама посмотри, – усмехнулся парень и, отступив к дальней стене сарая, принялся бросать ножи один за другим, выбрав мишенью грязное пятно на дальней стене.

Все десять клинков с глухим стуком вошли в пятно диаметром примерно в две ладони шириной.

– Ой, ловок, – восхищенно оценила бабка. – И когда только выучиться успел? Эх, жаль, отец не дожил, – вдруг всхлипнула она. – Порадовался бы, каким бойцом сын его стал.

– Знает он, бабушка, – вздохнул Елисей, вынимая ножи из стены. – Думаю, они там теперь все знают.

– И то верно, – кивнула бабка, утирая глаза краешком платка. – Пойдем, внучок. Я девочку покормлю, да и тебе поспидать надо. Никак не откормлю тебя. Тощий, кожа да кости.

– Ее Гюльназ зовут. Цветок, значит, – ответил парень, подхватывая подойник с надоенным молоком.

Они вернулись в дом, и Елисей, поставив подойник в указанное бабкой место, снова вышел, чтобы не мешать бабке ухаживать за раненой. Присев на лавку, он откинулся на стену, подставив лицо закатному солнышку и пытаясь понять, что и где упускает в своих действиях. На первый взгляд, все вроде идет нормально. Худо-бедно начал адаптироваться к местным реалиям. Даже косячить стал гораздо меньше. И речь начала меняться. Уже гораздо меньше проскакивает всяких выражений, которых в этом времени еще даже не придумали.

Но почему тогда ему все время кажется, что что-то не так? Или это последствие того, что он находится не в своем времени? Так вроде привык уже. Даже имя собственное упоминать перестал, даже про себя. Что не так? Конское ржание заставило его чуть вздрогнуть и вскочить на ноги. Машинально проверив наличие пистолетов в кобурах, он перемахнул через плетень и быстрым шагом двинулся к околице.

У ворот стоял всадник. Молодой парень из горцев. Окинув его настороженным взглядом, Елисей положил ладони на рукояти пистолетов и, подойдя к воротам, громко спросил:

– Кто ты, путник, и чего ищешь здесь?

– Людей ищу, – мрачно рассматривая парня, гортанно ответил горец. – Четырех всадников. Видел их?

– Ты не сказал, кто ты, – напомнил Елисей.

– Воин. Так ты видел их? – переспросил горец, явно начиная злиться.

– Не помню, – пожал парень плечами.

– Как не помнишь?! – подскочил горец в седле. – Ты что, совсем дурак? Не знаешь, что видел, а что нет?

– Я не сказал, что не знаю. Я сказал, что не помню, – рыкнул в ответ парень и тут же выругался про себя. Опять забыл, что в этом теле он выглядит подростком, и окружающие не воспринимают его всерьез. – Я не запоминаю тех, кто скрывает свое имя, – добавил он, намекая, что собеседник может рассчитывать хоть на какой-то ответ, только представившись.

– Я Салман, – нехотя назвался всадник. – Ищу своих четырех друзей. Они погнались за вором и не вернулись. Так ты видел их?

– В перелеске, за станицей, кони ржали. Но сколько их было, я не видел, – ответил Елисей, махнув рукой в нужную сторону.

В то, что кто-то сможет найти хоть какие-то следы, он сильно сомневался. Прошло много времени, и роса давно стерла любое свидетельство той стычки. В этом он сам убедился буквально вчера. Сам же еще и кровь на тропе песком присыпал.

– Давно было? – подобравшись, быстро уточнил горец.

– Четыре дня назад.

– Там дорога куда ведет? – подумав, задал горец следующий вопрос.

– К крепости, – пожал Елисей плечами.

– Ага! Хас-с, – обрадованно гаркнул всадник, посылая коня с места в галоп.

– Ну-ну. Лети, лети, голубок, – проворчал Елисей, глядя ему вслед, припомнив старый фильм из своей прошлой жизни. Чтобы найти место, где он закопал горцев, нужно было как следует обшарить перелесок у реки, а делать это там нет никаких причин. Ведь стычка произошла совсем в другом месте.

* * *

Первым делом, едва начав ходить, девчонка отправилась на конюшню, провести своего жеребца. Там ее Елисей и нашел, втащив на себе охапку сена, перевязанную веревкой. Увидев его, Гюльназ тихо ойкнула и попыталась спрятаться за конем. Разбросав сено по стойлам, парень удивленно посмотрел на нее и, чуть пожав плечами, отправился по своим делам. Бабка, наблюдавшая эту картину в открытые ворота, только усмехнулась и, с укоризной глянув на внука, тихо вздохнула.

«И чего я опять не так сделал?» – подумал парень, начиная отбивать косу.

Ожидание появления родственников девчонки затягива-

лось. Елисей и сам не понимал, почему его так тяготит ее присутствие. Вроде давно уже не мальчик и должен понимать, что нравы в этом времени весьма строгие, тем более речь идет о горянке. А тут словно магнитом тянет заглянуть за занавеску. Перехватывая косу поудобнее, парень едва не порезал руку и, тихо выругавшись, вдруг понял, в чем дело. Тот самый пресловутый гормональный взрыв. Будь он неладен.

«Твою мать! Этому телу только четырнадцать должно исполниться. Это сколько ж мне еще мучиться? – взвыл он про себя. – И бабу не найдешь, чтобы разрядиться. Не те места и не те времена. Это если только потом, может и получится с какой-нибудь вдовушкой замутить. А так, или терпи, или женись, хороняка, – усмехнулся он своим мыслям. – А жених из меня тот еще. Голь перекатная. Так, Матвей. Стоп. Что-то тебя куда-то не туда повело. Забудь о бабах и женитьбах. Твой удел – одиночество. Иначе или психушка, или вообще удавят где-нибудь втихаря. Ладно хоть не средневековье и не просвещенная Европа. Там бы вообще спалили без долгих разговоров».

Задумавшись, парень не заметил, как к нему подошла девочка. Только упавшая на косу тень заставила его выпрямиться и оглянуться.

– Ты можешь Карагеца в поле выгнать? – потупившись, спросила она. – Ему побегать надо. Застоялся.

– Завтра всех пятерых выведу на луг, – пообещал па-

рень. – Сегодня еще дела есть.

– Хорошо. А если он далеко уйдет, просто свистни. Вот так, – девчонка поджала губы и негромко свистнула. В ответ из конюшни раздалось залиvistое ржание. – Вот видишь. Это он злится, что не может прибежать, когда я его зову, – тихо рассмеялась Гюльназ и, развернувшись, отправилась в конюшню.

– Ладно. Свистну, – вздохнул ей вслед Елисей. – Может, не на луг, а к речке их свести надо. Заодно и порыбачу. Ладно, там видно будет.

Отбив косу, парень натаскал воды из колодца и, окинув хозяйским взглядом кучу дров, начал раскладывать инструмент для отливки пуль. Процесс был не быстрый, размеренный, чем-то сродни медитации. А самое главное, что парень наловчился делать оперенные пули. Благо тонкой жести в кузнице нашлось с избытком. Самое главное в этом деле было установить их ровно, чтобы в полете оперение не уводило пулю в сторону.

Растопив свинец в топке летней кухни, он принялся отливать боеприпас, мысленно кляня местный уровень развития техники. Будь уже изобретен унитарный патрон, все было бы гораздо легче. Но до этого, как он помнил, было еще лет пятнадцать. Или надо начинать решать эту проблему самостоятельно. Но для этого нужна латунь и толковая мастерская. В принципе, там ничего сложного нет. Конусная гильза с закраиной и скользяще-поворотный затвор.

Следующий шаг – магазинная винтовка. Но это уже означает отобрать лавры у капитана Мосина. Изобретателя знаменитой винтовки. Хотя... Елисей сунул чашку со свинцом в топку и, вытащив метательный нож, принялся его кончиком рисовать на песке нужную форму гильзы. Если не заморачиваться бутылочным горлышком и оболочечной пулей, то можно будет взять за основу свой же карабин, благо у него калибр поменьше, и просто «изобрести» тот же охотничий патрон.

Но в этом случае гильзу придется точить, чтобы по внешним параметрам сохранить конус, а внутри получить ровный цилиндр, под нужный калибр. Конус нужен был, чтобы избежать прикипания гильзы к стволу. Да и выбивать ее в этом случае будет гораздо проще.

«А ведь это идея, – усмехнулся про себя Елисей. – Нужен только токарный станок и куча латунных прутков. Капсюли можно взять те, которыми сейчас все пользуются. Можно даже сделать еще интереснее. Донце гильзы сделать стальным, а стенки посадить на резьбе. Латунные. Донце будет удерживаться затвором. Зато не прогорит быстро от капсюлей. Блин, станок нужен и материалы».

– Ты чего это тут рисовать взялся? – спросила, подходя к нему, бабка.

– Да вот думаю, как бы сделать так, чтобы и капсюль, и порох, и пулю в один стаканчик собрать. А потом этот стаканчик просто в ствол, раз. И стреляй, – принялся объяснять

парень, размахивая руками.

— Так патрон бумажный давно придумали, — пожалала бабка плечами. — Там и порох, и пуля, и пыж сразу. Шомполом в ствол протолкнул и стреляй.

— Нет, бабушка. Не так. Не с дула, как сейчас. А с казенной части. Ну, чтоб без шомпола. Так быстрее будет.

— Ишь ты! — удивилась Степанида. — А стаканчик из чего делать?

— Латунный, — тут же отозвался Елисей. — Он тогда к стволу прикипать не будет.

— И что тебе нужно, чтоб такой стаканчик сделать? — заинтересовалась бабка.

— Станок нужен, — вздохнул Елисей. — И латунь в прутках.

— Это где ж такие станки бывают? — рассмеялась Степанида.

— На мануфактурах всяких, железоделательных, — снова вздохнул парень. — А таких тут у нас и не сыскать.

— Это тебе с таким в Пятигорск надо. Или Ессентуки, — подумав, подсказала бабка.

— Да ладно, бабуль. Это я так, придумываю всякое, чтобы хоть чем голову занять, — притворно отмахнулся парень, попутно обдумывая, где бы взять еще один нарезной ствол.

— А ты подумай. Идея-то интересная, — вдруг оценила бабка.

Штуцера в этом времени еще штучный товар. Возможно, в армии их уже используют широко, но здесь это были все

еще весьма редкие стволы. То, что в одной станице нашлось аж три таких винтовки, означало, что народ тут воюет регулярно и на оружие денег не жалеет. Достаточно вспомнить, что даже треснувший ствол хозяин выкидывать не стал.

За околицей раздался выстрел, и Елисей, который в этот момент доставал чашку из топки, едва не вылил расплавленный свинец себе на ноги.

Быстро поставив чашку на печь, парень коснулся ладонями пистолетов и, подхватив карабин, поспешил к воротам. Увидев трех всадников на самом краю станицы, парень взвел курок и, осторожно выглянув через плетень, рассмотрел еще десяток всадников шагах в пятидесяти от первых трех дальше по дороге. Держа карабин стволом вниз, Елисей вышел к воротам и вопросительно уставился на неизвестных.

– Здравствуй, казак, – чуть улыбнувшись уголками губ, произнес старший горец. – Меня зовут Арслан. А это мои сыновья, Аслан и Нурлан. Мы ищем одного человека. За ним гнались, и он поскакал в эту сторону.

– Твоя дочь жива, почтенный. Подожди здесь. Я ее позову, – кивнул Елисей и, развернувшись, быстро зашагал обратно на свой двор.

Войдя в дом, он окликнул девочку и, не дождавшись ответа, отправился на конюшню.

Гюльназ, которая слышала выстрел, стояла, прижавшись к шее коня, настороженно глядя на парня.

– Пойдем со мной, – позвал Елисей. – Сейчас глянешь че-

рез плетень и скажешь, кто это. Там люди назвались именами твоих родственников.

Подведя ее к плетню, парень сначала сам оглядел гостей, после чего, подтащив к забору полено и поставив его на попа, скомандовал:

– Вставай на него и как следует рассмотри тех людей. Только сильно не высовывайся.

Последнее можно было и не говорить. Девчонка ростом была ему по плечо и, даже встав на полено, вынуждена была подняться на цыпочки, чтобы выглянуть наружу.

– Ой, это отец и братья, – взвизгнула она и тут же, скривившись, схватилась за бок.

– Осторожно, а то рана разойдется, – проворчал Елисей, подавая ей руку и помогая спуститься. – Пойдем, поговоришь с ними.

– Гюльназ, что с тобой?! – вскричал горец, едва рассмотрев скособочившуюся фигурку дочери.

– Ее ранили, когда гнали, – коротко поведал Елисей, отступая в сторону. – Но рана не опасная. Просто крови много потеряла.

– Откуда ты знаешь? – мрачно поинтересовался один из братьев.

– Это я отбил ее у тех, кто ее ловил, а потом привез сюда, – пожал парень плечами. – А лечила ее моя бабушка.

– У вас же здесь мор был, – вспомнил отец, прижимая к себе девчонку.

– Был, – мрачно кивнул парень. – Да вроде закончился уже. Мы с бабушкой еще живы. Хотя сам я долго болел.

– Поехали домой, дочка, – улыбнулся горец, погладив девочку по щеке.

– Подожди, мне же вещи забрать надо и Карагеза, – тут же вскинулась она.

– Он жив? – удивился Арслан. – Я думал, ты его загнала, пока убегала.

– Живой и здоровый, – усмехнулся Елисей. – Сильный жеребец.

– Понравился? – понимающе усмехнулся горец.

– Понравился, – не стал спорить парень. – Но это ее конь. Он ее любит. Заходите, почтенный. Я вас с бабушкой познакомлю, – добавил он, открывая ворота.

Горец слегка замялся, но потом, отдав поводья своего коня одному из сыновей, что-то негромко приказал. Потом, одернув черкеску, решительно шагнул на территорию станицы.

«А ведь он мора боится, – сообразил Елисей. – Но молодец мужик. Марку держит. Ради дочери даже в вымершую станицу вошел».

Они прошли во двор бабкиного двора, и Елисей едва не споткнулся на ровном месте. Пока они там проводили опознание и болтали, Степанида успела вскипятить воду на чай и накрыть стол. Чашки, мед, варенье, не хватало только свежей сдобы, но с этим делом было сложно. Чего-то там бабке

для ее выпечки не хватало.

— Милости прошу, — с вежливым поклоном поприветствовала гостя бабка. — Отведайте чаю, гость дорогой.

— Благодарю тебя, почтенная, — склонил голову в ответ горец. — Твой внук сказал, что это ты лечила мою девочку.

К удивлению Елисея, говорил горец по-русски чисто, только с легким акцентом. А самое главное, речь его звучала очень правильно, словно этот странный мужик получил высшее образование где-то в столице.

— Помогла, как могла, — пожала Степанида плечами. — Бог миловал, рана была легкая. Да и красоте ее большого урона не будет, — чуть улыбнулась она девочке.

— Я слышал, что мор много людей у вас забрал, — нейтрально произнес Арслан. — Как же вы выжили?

— Милостью божьей жива осталась. Да еще и внука выходила, — вздохнула женщина, наливая гостю чай. — Нет больше станицы, почтенный. На погосте все. Мы последние.

— А как дальше жить станете? — удивился горец.

— Как бог даст. Да и кто нас теперь к себе пустит? Я-то уж ладно. Недолго старой осталось. А вот как внуку дальше быть, ума не приложу.

— Да выживу я, бабуль, — скривился Елисей.

Становиться чьим-то должником или идти в приживалы он не собирался. Тем более куда-то в горный аул. Арслан только одобрительно покосился на парня и, вздохнув, задумчиво спросил:

– Чем я могу отплатить вам?

– Нам ничего не нужно, – пожал Елисей плечами. – Я спас ее просто так. Потому что четверо парней против одного мальчишки это не честно.

– Почему мальчишки? – вдруг возмутилась Гюльназ.

– А ты, когда мимо меня пролетела, рассмотреть, кто в седле сидит, у меня времени не было. Удирала так, думал, у коня подковы оторвутся, – не удержавшись, поддел ее парень.

Арслан усмехнулся в бороду и, опустив тяжелую ладонь дочери на плечо, погасил в зародыше назревавший конфликт.

– Ты молодец, джигит. Не побоялся один с четырьмя сцездаться. Всех убил?

– Всех, – спокойно кивнул Елисей, глядя ему в глаза. – Мне тут мстители не нужны.

– Правильно, – одобрил горец. – Что ж, казак. Я не знаю сейчас, чем могу отплатить тебе за добро. Но помни, что в моем ауле ты всегда найдешь кров и хлеб. А если тебе нужна будет помощь, только позови. Все мои воины будут на твоей стороне.

– Благодарствую, почтенный, – склонил Елисей голову. – Я запомню.

А спустя два дня после того, как они спровадили гостей, обитателей станицы постигла новая беда. Степанида, отправившись к соседке, нашла ее в огороде. Бездыханную. На жалобный плач бабки Елисей летел, сметая с пути плетни и кусты. Увидев лежащую на земле Парашу, парень растерянно вздохнул и, обняв бабушку за плечи, гулко сглотнул вставший в горле ком. Слова тут были бессмысленны. Из всех обитателей некогда большой станицы их осталось только двое.

Связав из жердей носилки, он помог бабке перенести покойницу в дом и принялся носить воду для обмывания. Потом, прихватив лопату, отправился на церковный погост. Нужно было подправить уже изрядно оплывшие могилы, которые готовили еще, будучи живыми, станичники. Закончив с могилой, парень с погоста двинулся на подворье к станичному плотнику. Нужно было сколотить гроб. Как это сделать, Елисей представлял отдаленно, но особых сложностей не предвидел. Главное, чтобы доски сухой было в достатке.

Впрочем, плотник был человеком запасливым. Доски в сарае у него было много и разной. Быстро разметив и опилив нужное количество досок, он принялся обрабатывать их рубанком. За этим занятием и застала его бабка. Войдя в сарай, Степанида присела у ворот и, тяжело вздохнув, вдруг

тихо посоветовала:

– Ты, внучок, сразу две домовины ладь. Чтоб потом не возиться. Мне уж тоже недолго осталось.

– Ты чего это, бабуль? – растерялся Елисей. – Чего это ты себя до срока хоронишь?

– Так давно пора уж, – снова вздохнула бабка. – Старая я, внучок. Дал господь тебя выходить, пора и честь знать.

– Не гневи бога, бабуль, – рассердившись, рыкнул парень. – Сама знаешь, сколь на роду написано, столь и проживешь. И не кличь беду до срока.

– Да не кличу я, Елисеюшка, – отмахнулась бабка. – Совет тебе добрый даю. Как помру, не жди. Клади в домовину да хорони сразу. Жарко. Как бы беды не случилось. Только крест поставь. А дальше уж как сам решишь. Хочешь, останься, а захочешь, ступай счастья искать. Вольному – воля.

– А кому я там нужен? – иронично усмехнулся парень. – Сама знаешь, из-за мора этого проклятого добрые люди от меня словно от прокаженного шарахаться станут, – буркнул он, возвращаясь к работе.

Степанида не нашлась, что ответить. Закончил Елисей работу уже в сумерках. Утром, переложив тело в гроб, он повез его на тачке на погост. Опустить его в могилу оказалось проблемой. Бабка ввиду возраста была ему не помощник, так что пришлось на ходу изобретать велосипед. Доски, веревки, тихий мат про себя, и наконец, гроб с телом улегся на дно

могилы. Степанида прочла молитву и, бросив на гроб три горсти земли, тихо кивнула, крестясь:

– Засыпай, внучок.

Быстро засыпав могилу, Елисей сформировал надгробие и, утрамбовав землю у креста, который успел выстругать за прошлый вечер, отступил, отложив лопату. Бабка, крестясь и шепча молитвы, уложила на могилу цветы и, поклонившись, тихо проговорила:

– Ты уж прости, подруженька, что вот так все, второпях. Но сама знаешь, как тут у нас теперь. Хоть не под кустом в чистом поле, и то слава богу. Спи спокойно, Парашенька.

Еще раз поклонившись, она отступила от могилы и развернулась к выходу с кладбища, но вдруг охнула и, схватившись за грудь, покачнулась:

– Что с тобой, бабушка? – срывающимся голосом спросил Елисей, подскакивая к женщине.

– Ох, что-то сердце захолонуло, – пожаловалась Степанида. – Погоди, внучок. Дай отдышаться.

– Дома сейчас отдышишься, – проворчал Елисей и, подхватив бабку на руки, понес домой.

Спина трещала от неожиданной нагрузки, в глазах то и дело темнело, но он упрямо нес ее, сцепив зубы и проклиная собственную слабость. Хотя приступы головокружения и слабости уже не проявлялись, привести это тело в должную форму все еще не получалось. В общем, в дом он занес женщину, что называется, на морально-волевых. Усадив бабку

на лавку, Елисей выскочил во двор и, быстро достав из колодца ведро свежей воды, быстро перелил ее в прихваченный с собой чугунок.

Ничего другого под руку не попало. Принеся чугунок в дом, он принялся отпаивать Степаниду водой, тихо молясь только об одном. Чтобы ей полегчало. Напившись, бабка благодарно кивнула ему, возвращая кружку, и, бледно улыбаясь, проворчала:

– Ох, и жилистый ты у меня, внучок. Думала, жилу сорвешь, пока дотацишь, а у самой сил нет остановить тебя.

– Своя ноша не тянет, – тут же нашелся Елисей. – Как ты, бабуль?

– Ничего, внучок. Лучше уж. Полегчало. И то сказать, почитай всю ночь подруженьку отчитывала, а после все на жаре стояла. Вот и сомлела. Сам-то как?

– Да мне-то чего? – удивился Елисей, успев немного отдышаться. – Только есть хочется после всех этих дел, – смущенно признался он, когда его желудок неожиданно выдал голодную руладу.

– Ох, прости, родной. Вот сейчас отдышусь и накормлю тебя, – попыталась подняться Степанида, но Елисей усадил ее обратно, решительно заявив:

– Ты, бабушка, посиди да передохни. Я сам все сделаю. Ты только скажи, где чего взять надо.

Вздохнув, бабка принялась командовать. Елисей быстро

накрыл на стол и, пересадив бабку, уселся сам. Чуть подумав, Степанида махнула рукой и, указывая на крышку подвала, попросила:

– Спустись туда, внучок. По левую руку, на второй полке бутыл с наливочкой будет. Достань. Помянем рабу Божию Параскеву.

Елисей быстро выполнил указание и, достав из буфета рюмки, снова вернулся к столу. Ели они молча, думая каждый о своем. Собрав посуду, Елисей занялся мытьем, а Степанида, повздыхав, отправилась в свой закуток. Вернувшись, парень осторожно заглянул за занавеску и, убедившись, что бабка спит, вышел во двор. Теперь, когда их осталось только двое, нужно было решить, что делать дальше. Первым делом нужно было еще раз пройтись по станице и собрать то, что пропустил в прошлый раз.

Дальше узнать, что осталось на подворье умершей Парашки, и разобраться с оставшейся там живностью. Благо буйвола, корову и даже козу она не держала. А вот птица там должна быть. Сидя на лавке, Елисей вытянул гудящие от усталости ноги и, прикрыв глаза, пытался представить, как будет выживать, оставшись один. То, что это скоро случится, он не сомневался. Как ни цинично это звучит, но Степанида и вправду уже стара. К тому же на ее плечи свалилось сразу столько всего, что может легко сломаться и более молодой человек.

Хотя, надо признать, что характер у бабки стальной. Похо-

ронить всю семью. Выходить едва живого внука. Потом пережить гибель последних соседей, с которыми прожила бок о бок всю жизнь. К тому же все это сопровождается ежедневным тяжелым физическим трудом. Да в таких условиях любовью сломаться может. А бабка ничего, скрипит потихоньку.

«Козу надо научиться доить», – подумал Елисей и неожиданно для себя понял, что умеет это делать. У бабки же и учился когда-то.

Коза Машка у бабки была удивительно смиренная и покладистая. Вот на ней-то он и учился правильно доить всякую молочную живность.

– А ведь у матери буйволица была, – вдруг тихо проворчал Елисей, вспомнив громадную черную животину, мерно пережевывавшую свою жвачку. – Блин, чего это вдруг воспоминания соседа моего полезли? – растерянно спросил он, бросая быстрый взгляд в сторону дома. – Или его уже нет? Мать твою, с такими заходами точно начнешь в собственном душевном здоровье сомневаться. Так, все в сторону. К делу, приятель, – подтолкнул себя парень. – Сколько я тут смогу один протянуть? Месяца три-четыре. Потом начну с ума сходить от одиночества. Хотя мне одному сидеть не привыкать, – добавил он, припомнив свою прошлую жизнь. – Значит, полгода точно протяну. Главное, чтобы горцы не наведались. В одиночку тут много не навоюешь. Тем более с таким оружием. Значит, нужно быть в любой момент готовым свалить отсюда куда подальше. Вот только куда? В го-

род? Там мне серьезные деньги понадобятся, а не та сотня в серебре. Жить в фургоне в городе мне никто не позволит. Значит, надо будет угол снимать.

Ехать в крепость? Но это военный объект, и пускать туда гражданского не обязаны. Хотя, если назовусь оружейным механиком, может и прокатить. Уметь пользоваться оружием и уметь его ремонтировать – две большие разницы. Тем более что кое-какие запчасти у меня есть. Но перед этим придется прожить здесь еще какое-то время. Нужно показать всем, что мор кончился и я не заразен. А сделать это можно только таким способом. Ладно. Что еще? Со стрельбой у меня вроде все в порядке. Могу сказать охотником. Благо дичи в этих лесах... много, в общем. А про гроб бабка права была. Нужно и гроб и крест заранее сладить, – неожиданно мелькнула мысль.

– Тьфу ты... – тихо выругался парень. – Вот лезет же в голову не вовремя.

Поднявшись, он прошелся по двору и, заглянув во все углы, вернулся на лавку.

– Так. Стреляю я неплохо. Ножам орудую еще лучше. Навыки разведки никуда не делись. С учетом местных реалий мои навыки тут будут откровением. Так что нужно держать все при себе, чтобы вопросов лишних не возникало. В общем, охотник, следопыт, разведчик. Вполне подходяще, чтобы держаться особняком. К тому же, если вспомнить, что я теперь сирота, особо много желающих водиться со мной и

так не будет. Хотя чем черт не шутит.

Появившаяся в дверях бабка отвлекла его от размышлений.

– Как ты, бабушка? – улыбнулся Елисей, направляясь к ней.

– Слава богу, внучок. – улыбнулась она в ответ. – Сама не ждала, что усну вдруг. А ты чего тут?

– Да вот тоже сижу, отдыхаю, – развел парень руками.

– Так поспал бы тоже. Сам едва жив после болячки.

– Да я ночью выспался, – отмахнулся парень. – Ты лучше скажи, чем тебе помочь? Что сделать надо?

– Так нечего помогать-то, внучок, – растерялась бабка. – В огороде дел теперь не много. С козой да курами управиться не велика забота. Ты вон коней обиходил, сена накосил, конюшни прибираешь, а более и дел тяжелых нет. Ты лучше подумай, что тебе в дороге нужно, чтобы собрать сразу. Взял бы да загрузил в повозку свою.

– Успеется, – отмахнулся Елисей. – Некуда мне спешить, бабушка. Если меня люди и примут, то не раньше чем через год. Раньше мора побоятся. Меня другое волнует. Прознают горцы, что станица пустая, обязательно опять проверять придут. Надо что-то такое придумать, чтобы отвадить их отсюда.

– А что тут придумаешь? – пожала Степанида плечами.

– Мы по домам порох весь собрали? – задумчиво поинте-

ресовался парень.

– Смотреть надо, – вздохнула бабка. – Я-то все больше иконы да книги собирала. Да и Параша тоже. Говорила же, сходи, сам посмотри. И в подвалы загляни. Многие порох там держали. В кувшинах, чтоб не отсырел.

– Блин. А вот этого я и не знал, – проворчал про себя Елисей. – Ладно. Завтра по домам пойду. А ты к Параше на подворье сходи, глянь, что там.

– Курей десяток да кошка, – усмехнулась бабка. – Сейчас схожу, покормлю. А завтра надо будет их сюда перенести. Да хлебушек из ларей прибрать. Чтоб не пропал.

– Сделаю, – кивнул Елисей, мысленно составляя план действий на завтрашний день. – Заодно надо будет посмотреть соседский двор на предмет сделать из него загон для коней. Не дело, что они все время в конюшне. Пусть лучше по двору бродят. Застаиваться не будут. Только выход в огород закрыть. Овощи нам и самим пригодятся. Блин, как-то сумбурно все получается у меня. Хотя какой тут может быть порядок при таких раскладах?

Эта мысль заставила парня горько усмехнуться. Принять то, что он оказался в чужом времени, да еще и в чужом теле, оказалось совсем непросто. Во всяком случае, он сам так и не смог сделать это до конца. Все его существо прагматика и реалиста восставало против этого. Но как ни крути, как ни убеждай себя, что все это сон и кошмар, но проснуться-то не получается. Он действительно живет в этой реальности, а

значит, нужно принять ее такой, какая она есть.

Пока он предавался рефлексии и пытался убедить себя в реальности происходящего, бабка успела подоить козу и собрать в курятнике свежие яйца. Сообразив, что так и стоит посреди двора с опущенной головой, погруженный в собственные думы, Елисей заставил себя встряхнуться и двинулся на конюшню. Думы думами, а лошади ухода требуют.

* * *

Накрыв спусковой механизм промасленным куском рогажи, Елисей осторожно отступил назад и перевел дух. Два десятка кувшинов превратились в некое подобие противопехотных мин. Слабенькие, начиненные дымным порохом, с галькой вместо поражающих элементов, но тем не менее опасные. А самое главное, шумные. Именно шумовой эффект и привлекал больше всего парня в этой затее. А уж если еще и зацепит кого постороннего, так это вообще песня.

Понимая, что помощи ждать неоткуда, Елисей методично превращал подходы к станице в своего рода укрепрайон. Самодельные мины, волчьи ямы, ловушки с вращающимися зубчатыми поленьями, навроде тех, что использовали во Вьетнаме. В общем, парень пустил в ход всю свою фантазию и знания из своей прошлой жизни. Войти в станицу можно было теперь только с одной стороны. Во всех остальных случаях, едва переступив границу поселения, любой незванный

гость рисковал крепко пострадать.

Проходы в своих ловушках знал только сам Елисей. Парень честно предупредил бабушку, чтобы не рисковала и в случае необходимости, звала его. Удивленно покачав головой, Степанида только руками развела, вполне резонно уточнив:

– А что мне теперь за околицей делать?

Ей и вправду хватало забот на собственном дворе. К тому же, еще раз пройдясь по домам, она собрала отрезки всяких тканей и засела за шитье. Словно хотела обеспечить внука одеждой на всю оставшуюся жизнь. Несколько роскошных черкесок. Штаны, рубашки, исподнее. И все это шилось на вырост, словно она предвидела, как сильно изменится парень с возрастом. После долгих раздумий Елисей собрал по домам все именное оружие и перенес его в церковь. А чтобы не было путаницы, разложил на сундуках, в которых лежали иконы.

Что ни говори, а церковь в эти времена всегда строилась крепче домов. Так что у него была надежда, что выжившие наследники найдут то, что принадлежит им. Как ни крути, а саманные дома без хозяйского пригляда разрушаются быстро. Достаточно протечь крыше, и всё. Через пару лет от дома останется только каменный фундамент.

Попутно Елисей занимался и подготовкой к дальней дороге. В фургон было перенесено несколько вместительных сундуков, которые можно было использовать и как столы и

как спальное место. Не рискнул он только устраивать в нем печку. Железа подходящего не было, а каменная долго не продержится при местных дорогах. Ни о каких рессорах или амортизаторах в фургоне и речи не шло. Решил обойтись жаровней в случае необходимости. Благо нечто похожее нашлось в кузнице.

Закончив с периметром станицы, Елисей неожиданно для себя понял, что лето пролетело и на носу зима. Погрузившись в заботы, он и не вспоминал о времени. Лес начал желтеть, а небо все чаще наливалось свинцовой серостью. В один из таких дней парень вспомнил, что бабка жаловалась на отсутствие мяса в доме, и, прихватив карабин, отправился на охоту. Выбравшись на берег речки, он сделал пару спиралей по прибрежным кустам и, обнаружив звериную тропу, устроил над ней засидку.

Полати он связал на развилке кроны старого вяза, мимо которого и проходила тропа. Но чтобы не спугнуть дичь раньше времени, парень вынужден был сначала нарвать еще зеленой травы и как следует выварить свою одежду, чтобы отбить запах. Заодно и превратив ее в некое подобие камуфляжа. Оглядев полученный результат, Елисей весело хмыкнул и тут же отправил в бак с отваром еще один кусок холстины. Нарезать материю ленточками и нашить их на одежду было уже делом техники.

– Внучек, это что ж у тебя такое? – растерянно охнула Степанида, увидев полученный результат.

— А это, бабуль, чтобы в лесу незаметнее быть, — с улыбкой пояснил парень, прохаживаясь по комнате и проделывая разные движения, чтобы убедиться, что костюм не мешает двигаться.

— Ну, чистый леший, право слово, — покачала бабка головой и отправилась в свой закуток.

И вот теперь Елисей сидел над тропой, терпеливо дожидаясь появления любого копытного животного. Судя по следам на берегу речки, водопоем этим пользовались и кабаны, и олени, и косули. Так что место было перспективным. Стадо косуль он увидел ближе к вечеру. Крупный вожак, пара самочек и два молодых самца. Вожака и самок парень решил не трогать. Выбрав из двух молодых самцов того, что побольше, Елисей плавно приложил карабин к плечу и, прицелившись ему под лопатку, спустил курок.

Тяжелая пуля бросила животное на колени. Проклинаая все на свете, парень бросил карабин и выхватил пистолет. Но стрелять еще раз не потребовалось. Покачнувшись, самец медленно завалился на бок и, пару раз дернув копытами, замер. Быстро спустившись с дерева, Елисей уложил добычу на свою импровизированную тачку, сделанную из колеса и пары жердей, и поволок добычу домой.

Ободрав под руководством бабки с косули шкуру, он передал дальнейшее дело в ее руки. На следующий день он уже ловил рыбу. Но на рыбалку парень отправился, неся с собой не только удочку, но и два ружья. Карабин был заряжен пу-

лей, а второе ружье он зарядил дробью. Дробь парень отлил и накатал из старых пуль, которые выковырял из своих же мишеней. Сделано это было не просто так.

Несколько раз, отправляясь на рыбалку, Елисей натывался на фазанов, так что дробь в одном из стволов была совсем не лишней. К удивлению парня, с рыбалки он всегда возвращался с уловом. Похоже, рыба в этой небольшой речушке просто кишела. Помня о долгой зиме, Елисей делал все, чтобы обеспечить себя и бабушку запасами. На их счастье, во дворе у родителей Елисея стояла своя коптильня, так что приготовить мясо рыбу и птицу им было не сложно.

Как выяснилось, труднее всего было с солью. Они собрали по домам все запасы, но хватило их только на пару бочонков солонины. Засолили рыбу и кабанятину. Оставшейся соли им должно было хватить только на заправку пищи. К удивлению Елисея, в домах нашлось даже больше разных пряностей, чем соли. Но после недолгих размышлений парень вспомнил, что многие пряности попадали на Кавказ через Турцию и Персию, а часть из них росла и в этих местах. В общем, перед обитателями станицы вставала еще одна проблема.

Но решать ее Елисей решил после. Сейчас, узнав, откуда он, его скорее прогонят поганой метлой, чем станут вести дела. Нужно было выиграть время. Дать жителям соседних сел и станиц успокоиться. После очередного своего возвращения с рыбалки парень с удовольствием грелся у печки,

когда взрыв на окраине станицы буквально подбросил его. Схватив карабин, он выскочил из дому и, быстро оглядевшись, помчался туда, где медленно развеивался клуб порохового дыма.

Проскочив через чей-то огород, парень перемахнул каменный забор и, оказавшись за границами станицы, медленно двинулся к месту взрыва. Зная, где именно расположены ловушки, он подобрался к нужной точке и, присев за кустами, осмотрелся. Метрах в тридцати от него двое мужиков странного вида пытались привести в чувство еще троих. Судя по стонам и ругани, этим досталось крепко.

«С виду вроде славяне, а по повадкам морды каторжные, – рассматривая их, размышлял парень. – Но в этих местах, насколько я помню, серьезных тюрем и зон не было. Каторга всегда была в Сибири и на Дальнем Востоке. Тогда откуда они тут взялись?»

Мысль про каторгу посетила его не просто так. Общались мужики между собой в основном на каком-то жаргоне. Смысла их высказываний Елисей почти не понимал, хотя догадывался, о чем именно идет речь.

– Блин, вроде и по-русски говорят, а чего несут, хрен поймешь, – пробурчал он, вскидывая карабин.

Раздался выстрел, и один из двоих уцелевших рухнул на землю, не пискнув. Второй, выхватив пистолет, разрядил его в сторону кустов, даже толком не прицелившись, после чего кинулся бежать. Чуть усмехнувшись, Елисей отложил кара-

бин и, достав пистолет, взвел курок. Пуля ударила бегущего между лопаток, бросив его лицом в землю. Не спеша перезарядив оружие, парень подошел к раненым и принялся обыскивать их, отбрасывая все найденное в сторону.

– Ты откуда взялся, звереныш? – прохрипел один из мужиков.

– Из тех же ворот, что и весь народ. Живу я тут, – зарычал Елисей. – А вот кто вас сюда звал, рожи каторжные?

– Ишь каков, – хрипло закаркал мужик. – Каторжные ему не нравятся. От сумы да тюрьмы не зарекайся. Слышал такое?

– Ты на вопрос отвечай, падаль. А то я могу еще более сделать, – пригрозил парень.

– Так ты и сам все сказал, – прокашлял мужик.

– Хочешь сказать, что вы беглые? – не поверил парень.

– Я да Мотька. Вон там лежит, – подбородком указал мужик. – Остальные так, сявки приبلудные. Второй год с каторги сюда пробираемся. От самого Иркут-города шли. А тут ты.

– А сюда-то зачем? – удивился Елисей. – Неужто в России городов мало?

– Думали где в лесу засесть. Тут вечно война идет, так что и лихим людям пожива найдется. А искать трудно. Могут и самого найти, с глоткой порезанной. Или у турок, с ярмом на шее.

– Ну, логика какая-то в этом есть, – задумался Елисей.

Чувство опасности взвыло сиреной, и парень, не раздумывая, кувыркком ушел в сторону, автоматически бросая карабин и выхватывая метательный нож. Грохнул выстрел, и пуля свистнула мимо, взрыхлив землю шагах в пяти за тем местом, где он только что сидел. Выходя из переворота, Елисей намеренно завалился на левый бок, одновременно толкнувшись так, чтобы упасть лицом к раненым.

Нож свистнул в воздухе в ту же секунду, как он заметил мужика с пистолетом. Глухой стук, и мужик, захрипев, повалился на землю, хватаясь руками за торчащую из глотки рукоять ножа. Перекатившись, Елисей вскочил на ноги, и следующий нож пробил висок второму раненому.

– Ловкий, бес, – ценил его действия каторжник. – Чего ждешь? Кончай уж. Я теперь все одно не жилец.

– Это верно, – хмыкнул парень, подходя к нему и окидывая раны мужика внимательным взглядом. – Нутро дробом разворотило.

– Я и говорю, добей, – просипел мужик. – Больно, мочи нет.

– Сначала на вопрос ответь. Про станицу где узнали?

– В Пятигорске на торгу разговор был, что в этих местах мор по весне прошел. Вот мы и решили тут пересидеть.

– Что, и болезни не испугались?

– Так болезнь весной была, а сейчас уже зима на носу. Если и было чего, так давно уж ушло.

– Соображаешь, – удивленно качнул парень головой.

– Видал я мор, – прохрипел мужик, облизывая губы. От потери крови его начала мучить жажда. – Знаю, как оно бывает. Да и дохтур один на пересылке говаривал, что любой мор по холодам кончается сам собой. Вот я и запомнил. Добей, сделай милость. Мочи нет терпеть боле.

– Ладно. Бог тебе судья, – проворчал Елисей и, резко присаживаясь на корточки, одним точным движением вонзил ему нож в грудь.

Клинок пробил грудину и разрубил сердце. Быстро проведя контроль и обыскав тела, парень оттащил убитых подальше от околицы, решив закопать их утром. В нескольких обычных вещмешках и сумках нашлось немного денег, провиант, порох и свинец к оружию бандитов. К удивлению Елисея, пистолеты нашлись у всех пятерых бандитов. Где они умудрились разжиться таким количеством оружия, он узнать не успел, но с первого взгляда было件нятно, что добыто оно разбоем.

Два пистолета были так называемого жилетного размера. Один кавалерийский и еще два составляли пару. Парень даже подумал, что это так называемые дуэльные пистолеты. Замки на них были кремневые. Больше всего он радовался пороху. Если свинец еще можно было хоть как-то вырезать из тел или туш, то порох купить было просто негде. Это был на данный момент поистине невосполнимый ресурс.

Вернувшись домой, он рассказал бабке о незваных гостях, и та, грустно вздохнув, мрачно проворчала:

– Теперь начнется. Все воры окрестные сюда повадятся. Не будет нам тут спокойной жизни.

– Ну, это мы еще посмотрим, – хмыкнул Елисей. – Даром, что ли, я столько времени землю как крот рыл? Вон, пятеро уже сходило по шерсть, да вообще не вернулись. Даст бог, отобьемся, бабуль.

– Ты только сам не рискуй понапрасну, – попросила старушка, прижимая его голову к груди. – Тебе, внучок, род сохранить надо.

«Знала бы ты, кто его сохранять будет», – проворчал про себя Елисей, даже не делая попытки вырваться.

* * *

Зима навалилась сразу. Вроде еще вчера лил долгий, замучивший дождь, и на улицу приходилось выходить только по крайней необходимости, а утром землю прихватило морозцем и укрыло нетолстым слоем снега. Выйдя на крыльцо, Елисей с интересом огляделся и, удивленно хмыкнув, отправился к колодцу. Умывшись, он старательно растерся домотканым полотенцем и, заметив вышедшую из сарая бабуку, спросил:

– Бабуль, а снег долго теперь пролежит? – Кавказская погода для него была загадкой.

– Да где ж долго-то, – отмахнулась бабука. – Того и гляди, завтра стает. Да ты ж не помнишь. У нас всегда так. То укро-

ет все, а то слякоть. Ветра только сильные к Рождеству начнутся, а так... – она махнула рукой и вернулась в дом.

– Ну да. Предгорья, – задумчиво протянул Елисей, с удовольствием вдыхая чистый, подмороженный воздух.

Быстро перекусив, он сходил на соседский двор, где держал коней, и, обиходив их, отправился на обход станицы. Если кто-то посторонний подходил к околице, то об этом лучше знать заранее. На снегу любой след будет замечен сразу. Да и ловушки свои не мешало проверить. Убедившись, что посторонних не было, а с ловушками все в порядке, парень вернулся в дом и, присев к столу, принялся придумывать, чем бы себя занять.

Привычки человека двадцать первого века давали себя знать, и парень испытывал что-то вроде информационного голода. Глядя на бабуку, он только хмыкал про себя, удивляясь ее способности находить себе занятие. То она что-то шила, то вязала, а то принималась возиться на кухне, сводя его с ума умопомрачительными запахами своей стряпни. Припомнив, что давно не занимался заготовкой боеприпасов, Елисей подкинул в печь дров и принялся доставать из сундука все необходимое для литья пуль.

– Лучше б на охоту сходил, – беззлобно проворчала Степанида, заметив его приготовления. – Добыл бы косулю, мы б свежатишки поели. А то солонина приелась уж.

– Завтра схожу, – покорно кивнул парень. – Не думал, что сегодня снег выпадет.

– К вечеру снова пойдет, – вздохнула бабка, потеряв кулаком поясницу. – Спину ломит.

– Вот как раз по снегу и схожу. На снегу следы хорошо видно.

– Сам не попадись кому, – напомнила об осторожности бабка. – В горах уже перевалы завалило. Горцы пока по домам сидят, но ежели стает, снимутся. В долины разбойничать пойдут.

– От безделья, что ли? – усмехнулся Елисей.

– И с него тоже, – спокойно кивнула женщина. – Молодым дома сидеть скучно, а работы зимой мало. Вот и ищут, где б пожить да повеселиться.

– Угу, только веселье то может кровью закончиться, – хмыкнул парень.

– А их кровью не испугаешь, – наставительно ответила бабка. – У горцев ведь как? Умеешь воевать, в набег ходил, значит, почет тебе и уважение от соплеменников. А ежели в ремесло какое подался, то владеть тем ремеслом должен так, чтобы о тебе и в соседних кланах говорили. Иначе ты не воин и вообще непонятно кто.

– Как так? – не понял Елисей. – Неужто у них ремесло не в почете?

– Да я и сама толком не пойму, как так получается, – усмехнулась бабка. – Но молодежь у них прежде ремесла умения воинские почитает. Старики-то на них ворчат, но и не осаживают притом. А вот мастера сыновей своих завсегда

к ремеслу тянут. До смеху доходит. Оружие от сыновей прячут и грозят наследства лишить, ежели не станет мастерство перенимать.

– Как-то это все у них запутано, – протянул Елисей, заливая расплавленный свинец в пулелейку.

– Да не запутано, – усмехнулась бабка. – Как и везде, молодежь дурит. Да еще и подсылы турецкие их с толку сбивают. Туркам в наших местах спокойствие хуже ножа острого. Не уймутся никак, ироды.

– Так они что ж, сами с горцами в набегι ходят? – удивился парень. – Или только так, на словах.

– С горцами на словах не пройдет, – качнула бабка головой. – Хочешь, чтоб тебя слышали, сам свою удаль покажи. Вот ежели мулла какой придет и проповедовать станет, тогда да. Послушают.

– Что, чужого муллу? – не поверил Елисей. – Они вроде и своих не особо слушают. А тут чужой.

– Не скажи, внучок. Вот ежели мулла в хадж ходил, тогда его любой басурман слушать станет. Потому как у них это навроде святого. И проповеди его слушают очень внимательно.

– Так вроде ж любой мусульманин должен раз в жизни хадж совершить, ежели я ничего не путаю, – быстро добавил парень, мысленно выругав себя за длинный язык.

– Не путаешь, – кивнула Степанида. – Да только на подвиг сей не каждый способен. Сложно это. Туда ведь пешком ид-

ти надо. А горцы пешком ходить не любят. Они все больше верхами привыкли. У них даже чабаны при отарах редко без коня бывают. Чего уж про воинов говорить.

«А вот это интересная подробность, – отметил про себя парень. – Если начинать разведкой заниматься, придется выбирать пути-дорожки, где верхом не особо покатаешься. И вообще, нужно местность как следует изучать. Хватит на печи валяться. Как там в фильме было? Делом надо заниматься, уважаемый. Делом!» – усмехнулся он, доставая из печи чашку с расплавленным свинцом.

Ранним утром, едва начало светлеть, он выбрался из станицы и отправился в сторону гор. Как и говорила Степанида, ночью снега еще подсыпало, так что, шагая по лесу, Елисей не любовался пейзажами, а старался замечать все, что могло бы ему рассказать о лесной жизни. Наткнувшись на след кабаньего стада, парень несколько минут изучал их, но потом, вздохнув, двинулся дальше. Кабан зверь опасный, и старый секач будет защищать свое стадо свирепо. К тому же бабка заказывала ему косулю.

Он отошел от станицы километров на десять, когда впереди раздались выстрелы и звон холодного оружия.

– Это кто ж там так развоевался? – удивленно проворчал парень и быстро заскользил в сторону боя.

Метров через триста он вышел на дорогу, где сцепились две группы людей. Встав за дерево, Елисей пытался понять, кто, кого и за что бьет. Очень скоро стало понятно, что од-

на группа горцев напала на другую. Судя по всему, вторая группа где-то неплохо расторговалась и возвращалась к родным домам, когда столкнулась с первой группой. Оборонявшиеся ехали на четырех арбах, запряженных мулами. Этих животных парень раньше не видел, поэтому рассматривал их с интересом.

Между тем нападавшие, получив серьезный отпор, крепко рассердились и обрушились на торговцев со всей яростью. Торговцы, явно не ожидавшие нападения, несли потери. И хотя изначально их было больше, нападавшие были лучше вооружены.

– Блин, и кого мне валить? – ворчал Елисей, наблюдая за схваткой. – Хотя торговцы пришли от долины. Выходит, торговали где-то в наших местах. Значит, к властям они лояльны. А вот кто вторые? Хотя какая разница? Раз напали, значит, бандиты.

С этими словами он вскинул карабин и, прицелившись в самого богато одетого бандита, спустил курок. Сразу после выстрела Елисей отступил за дерево и принялся быстро перезаряжать оружие. Второй выстрел он сделал с другой стороны дерева, но на этот раз, сообразив, что обнаружен, не стал заниматься перезарядкой. Прислонив карабин к дереву, он выхватил пистолет и, не спеша прицелившись, свалил с коня одного из двигавшихся на него бандитов.

Выстрелом из второго пистолета он избавился от третьего всадника и, бросив ствол, выхватил метательный нож. Су-

дя по тому, что приближавшийся горец размахивал шашкой, даже не пытаясь взяться за огнестрел, было понятно, что зарядил он его еще в начале боя. Сделав шаг в сторону, Елисей скользнул за дерево и, оказавшись наискосок от противника, резко взмахнул рукой. Направленный твердой рукой нож вошел бандиту в шею под челюстью.

Бросок опасный для самого бросающего, но зато гарантированно выводящий противника из строя. Разобравшись со своими противниками, Елисей быстро зарядил карабин и сделал еще один выстрел. На этот раз убив горца, который принялся командовать оставшимися бандитами. Торговцы, сообразив, что к ним пришла нежданная помощь, воспряли духом, бросились в атаку. Елисей, отлично понимая, что в рубке ему делать нечего, принялся заряжать свой огнестрел.

Не выдержав напора, бандиты начали отступать. Елисей, внимательно следивший за ходом боя, заметил, что не бегут они только потому, что никто не желает прослыть трусом, и, подобравшись поближе, поднял пистолет. Этот выстрел стал для бандитов последней каплей. Трое оставшихся в живых попытались отбросить торговцев, чтобы вырваться из боя, но двое тут же получили ранения. Последний бандит успел развернуть коня и теперь, нахлестывая его, пытался удрать.

Сунув разряженный пистолет в кобуру, Елисей поднял карабин и, старательно прицелившись, выстрелил. Взмахнув руками, беглец вывалился из седла. Быстро перезарядившись, парень окинул поле боя внимательным взглядом и, по-

вернувшись к торговцам, громко спросил:

– Кто вы, уважаемые? И кто эти люди, что напали на вас?

– Ас-салам-алейкум, юноша, – подойдя, прохрипел молодой мужчина, прижимая к плечу окровавленную тряпку. – Я купец Салман, а это мои люди. Мы ехали торговать в горы, когда напали эти шакалы. Если бы не твоя помощь, нас бы всех убили. Мое имя знают во всех аулах и кланах в этих горах, так что живые мы им были не нужны.

– Они хотели ограбить вас, или это месть за что-то? – на всякий случай уточнил Елисей. Ввязываться в чужие разборки он не хотел.

– Не знаю. Кровников у меня нет. Так что, наверно, хотели ограбить, – чуть подумав, ответил купец. – Но кого я должен благодарить за свое спасение?

– Елисей Кречет. Казак, – представился парень, оглядывая купеческих помощников.

Пара молодых парней, явно из бедных родственников на побегушках, и семеро крепких мужчин в возрасте за сорок. Еще пятеро лежали рядом с обозом. Нападавших парень насчитал десяток.

– Здесь вся их банда? – подумав, уточнил Елисей.

– Да, – решительно кивнул купец. – Шакалы торопились добраться до моих товаров. Чем я могу отблагодарить тебя за помощь?

– Сначала пусть тебе перевяжут раны. А я пока соберу то, что принадлежит мне, – усмехнулся Елисей, давая всем

понять, что от трофеев отказываться не собирается.

Отловив всех коней, которые принадлежали его противникам, он тщательно обыскал тела и, сложив все найденное в один мешок, принялся осматривать оружие. К его радости, у командира этой банды нашелся штуцер. Богато украшенный, инкрустированный перламутром приклад, и надписи на арабском на стволе. Но Елисея интересовало это оружие чисто с утилитарной точки зрения. Выделка ствола была по местным меркам просто отличной, а значит, и стрелять из него можно было дальше и точнее. Он все еще лелеял надежду сделать оружие под унитарный патрон.

Пистолеты, кинжалы, пороховые рога, свинец – все это он собирал особенно старательно. Заметив его интерес к припасам, купец, которому уже успели обработать рану на левом плече, подошел поближе и, кивая на оружие, спросил, явно намекая на возможность приобрести все это у него:

– У тебя мало пороха, юноша?

– Пороха много не бывает, уважаемый, – усмехнулся Елисей и, припомнив поговорку из прошлой жизни, добавил: – Его бывает или очень мало, или мало, но больше уже не унести.

Купец понимающе усмехнулся.

– Коней всех заберешь? – сменил он тему.

– Нет. Одного возьму, чтобы на себе добычу не тащить. А вот остальных я готов тебе продать, – нашелся Елисей.

– А с телами что делать станешь? – не унимался купец.

– Это мусульмане, и по обычаю их нужно похоронить до заката, – сделал вид, что задумался парень. – Даже то, что они решились на злое дело, не повод не соблюдать обычай.

Было видно, что эти слова пришлись всей купеческой камарилье по душе. Мужики одобрительно закивали, быстро переглянувшись. Потом дружно уставились на купца, явно признавая его старшинство. Купец велел одному из них осмотреть Елисеевых коней и, дождавшись его вердикта, задумчиво протянул:

– Какого коня ты решил оставить себе?

– Вот эту кобылку, – указал Елисей на серую молодую лошадку, доверчиво тыкавшуюся ему в ладонь носом.

– Хорошо. Остальных я куплю у тебя за двести рублей серебром. И заплачу за тела этих людей по десять рублей.

– Триста за коней, а убитых я тебе отдам просто так, – тут же ответил парень, вспомнив свой торг после нападения на станицу.

– Согласен, – помолчав, кивнул купец после того, как услышал одобрительный гул голосов за своей спиной.

* * *

– Да что ж у тебя все вечно с приключениями, – ворчала бабка, ловко разделявая тушу оленя. – Как ни уйдешь со двора, так обязательно стрельбой закончится.

– Не бурчи, бабуль, – рассмеялся Елисей. – Сама знаешь,

в каких местах живем. Да и не мог я мимо пройти. Купец из спокойных, на нашей стороне торговал. А напали на него вообще непонятно кто. И кто нам тут нужнее? Купец, что товары возит, или бандитов куча?

– И то верно, – вздохнула Степанида и, махнув рукой, снова взялась за нож.

– Ты лучше скажи, нам олешка этого надолго хватит? – сменил парень тему.

– Ну, месяц точно можно за мясо не думать. А ты чего это задумал? – насторожилась бабка. – Никак собрался куда?

– Да куда мне идти? – развел Елисей руками. – Нет. Хочу попробовать станок один сделать. Вроде как в голове понимаю, как оно должно быть, а что получится... – Елисей задумчиво покачал головой.

– Станок? – удивленно переспросила Степанида. – Так для станков железо хорошее нужно. Деревянными только вон прялки да ткацкие станки бывают. А для чего тебе?

– Токарный станок мне нужен, – решившись, признался парень, помня, что бабка хоть и прожила всю жизнь в станице, о местных реалиях знает больше, чем многие другие. Вдруг чего подскажет.

– Ишь ты, токарный, – хмыкнула бабка. – Такие станки только в большой мануфактуре найти можно. В наших местах их и нет нигде. А ты сам делать собрался. Помню, батя твой все хотел чего-то со стволом винтовки делать, так два

месяца по всей округе ездил.

– И чего? – заинтересовался Елисей.

– А ничего. В одном месте только нашел станок, да и то никто с ним и говорить не стал. Даже в цех не пустили, посмотреть. Так и вернулся не солоно хлебавши.

– А станок где нашел? – не унимался парень.

– В Ессентуках. Мануфактура там какая-то была, – вздохнула бабка.

– Да уж, не ближний свет, – скривился Елисей.

– А ты чего сделать-то хотел? – неожиданно спросила Степанида.

– Есть у меня мысль, как винтовку казнозарядной сделать, чтоб стрелять быстрее, да без станков, похоже, так в мечтах и останется, – вздохнул парень.

– Вот ведь втемяшилось тебе, – покрутила бабка головой. – Уймись, внучок. И без тебя найдется, кому эдакое придумать. Своей жизнью живи.

– А какая она, моя жизнь? – автоматически спросил Елисей и сам вздрогнул от собственных слов.

Степанида присела на лавку и, вытирая руки мокрой тряпкой, вздохнула:

– Тяжко тебе будет, Елисеюшка. Уж не знаю, за что тебе судьбина такая выпала, да только иной все равно не будет. Смирись, внучок. Смирись и живи, как получится. Главное, заповеди божьи не забывай. А там как бог даст.

– На аллаха надейся, а верблюда привязывай, – грустно

усмехнулся Елисей. — Купец давешний так говорил.

— Правильно говорил, — кивнула бабка. — Я вон подумала, нужно будет из ливера начинку к пирогам сделать, — вдруг высказалась она.

— Пироги это здорово, — поспешно кивнул парень, надеясь отвлечь ее от возникшей темы.

По сути, он был с ней совершенно согласен. Ему теперь была только одна дорога. Быть тише воды, ниже травы, чтоб не привлекать к себе внимания. Его знания станут для него проклятием. В этом Матвей-Елисей не сомневался. Не те времена, чтобы вылезать с такой информацией. Впрочем, подобные знания стали бы опасными в любом времени. Или запрут, как умалишенного, или удавят втихаря, чтобы сохранить тайну.

Но ведь никто не мешает ему потихоньку придумывать всякие новинки, способные облегчить ему жизнь. А на вопрос, откуда дровишки, всегда можно сослаться на собственное изобретение. Как, например, с унитарным патроном. Уж это давно напрашивается на выход в свет. Да и просто закапать мозги рассказами о долгой и нудной болезни с потерей памяти не так сложно. Благо язык у него всегда был подвешен. Главное, самому не увлечься и не проговориться.

Степанида закончила разделявать тушу, и Елисей, перетавив все мясо в подпол, принялся под ее чутким руководством превращать уже отмытый ливер в фарш. Тяжелый изогнутый секач кромсал печень, сердце и остальные олени

органы в мелкое крошево. Работая руками, парень попутно усмехался про себя, как бы ускорила это действие самая обычная мясорубка. Вот и еще одна идея для изобретения. Можно еще попробовать изобрести вечную ручку.

Металлические перья вроде тут уже есть. Осталось придумать, как сделать так, чтобы вместе с ручкой не приходилось таскать с собой еще и чернильницу. За работой он вспомнил, как добыл этого самого оленя, и снова усмехнулся. Возвращаясь домой после стычки, Елисей так задумался, что увидел зверя, едва не столкнувшись с ним нос к носу. Олень еще молодой, явно не сталкивавшийся с человеком, просто не понял, кто перед ним, чем парень и воспользовался.

Стрелял навскидку, но повезло. Пуля ударила зверя прямо в голову под ухо. Тот едва успел сделать два прыжка. Дальше, спустив кровь, Елисей закинул его на кобылку и привез домой. Только потом, перезарядив карабин, парень неожиданно для себя понял, что встреча эта не прошла для него даром. Руки ощутимо подрагивали от избытка адреналина в крови.

– Еще раз так задумаешься в лесу, может так случиться, что и думать больше нечем будет, – выругал сам себя парень, пытаясь успокоиться. – Тут ведь не только олени водятся. Можно и на волков наткнуться. И на мишку. А был бы старый секач, уже б собственные кишки по снегу собирал. Этот зверь в ярость впадает моментально и атакует с ходу.

– Хватит, внучок. Дальше уж я сама, – отвлекла его бабка.

Отдав ей мелко порубленный ливер, Елисей отмыл руки и отправился в дом, решив поставить на печку чайник. К его удивлению, самовара у бабки не было, зато имелся большой медный чайник, в котором она и кипятила воду для чая. Подумав, парень вспомнил, что видел полуведерный самовар в доме, который бабка называла родительским. Этот факт несколько удивил парня. Задумчиво вертя чайник в руках, он так и стоял посреди кухни, пока это не увидела вошедшая бабка.

– Ты чего, Елисей? – вывел его из задумчивости ее вопрос.

– Да вот, вспоминаю, откуда у тебя эта штука, – выкрутился парень.

– Так батя твой из похода привез. Говорил, нарвались на горцев, а среди них какой-то иностранец был. Это уж они потом поняли, что иностранец. А так срубили просто, и вся недолга. Бой ведь был, а иностранец тот в казаков наших из пистолей стрелял. Вот и приложили вражину. А чайник этот Силантий в его вещах и нашел. Удобная штука. Мне-то одной столько воды, сколь в самоваре, не нужно.

«Ага, получается, папашу этого тела Силантием звали. Выходит, я Елисей Силантьевич Кречет. Уже легче», – отметил про себя парень.

Поставив чайник на печь, парень отошел к столу, чтобы не путаться у бабки под ногами, и снова погрузился в раздумья. Больше всего его беспокоило то, что он не мог толком ответить ни на один вопрос. Вечно отмазка про потерянную

память прокатывать не будет. Рано или поздно такой ответ начнет вызывать еще больший шквал вопросов. Значит, на одном месте долго задерживаться нельзя. Но как тогда быть?

Становиться бродягой и всю жизнь колесить по стране? Но и это рано или поздно добром не кончится. Бродяг нигде не любят. И какой тогда выход? Жить здесь, в станице, одному? С ума сойдешь. Или прирежут рано или поздно. Нельзя быть сильным везде.

– Ладно, план война покажет, – проворчал про себя Елисей и отправился заваривать чай.

Шуганув его с кухни, бабка колдовала над тестом и начинкой. По дому плыли умопомрачительные запахи, и Елисей, не выдержав такого издевательства, сбежал на улицу, прихватив с собой кружку с напитком. Накинув на плечи отцову бурку, он присел на лавку и, прислонившись к стене, уставился на видневшиеся за станицей горы задумчивым взглядом. Поиск выхода из создавшейся ситуации не давал ему покоя.

Общество тут было сословным. Просто так любого индюка не пошлешь. Проблем потом не оберешься. Одно благо, что сам он происходит из казачьей семьи, а казаки всегда считались отдельной кастой. Плохо, что сам он не мог назваться реестровым. Это значит, что большая часть благ и вольностей на него не распространялась. Но если держаться в своих местах, то и придирается будет некому. Тут про постигший станицу мор каждая собака знает.

Значит, выход у него один. Если и перемещаться, то только по кавказским предгорьям, где задевать его остережется любой. Фамилия, местная одежда и известие о погибшей станции любого недоброжелателя удержат в рамках. А про оружие и говорить нечего. Казак, даже не реестровый, все равно казак. Да и не удивишь никого в этих местах оружием.

«А может, на Балканы податься? – вдруг подумал Елисей. – Фургон у меня есть, кони тоже. А как война начнется, там уже не до охраны границ будет. Если идти через Украину вдоль побережья, через границу Румынии, то до Болгарии не так и далеко. За несколько месяцев добраться можно. Вот только нужно ли? Думаю, войны мне и тут хватит. Особенно если заняться отстрелом всяких иностранных эмиссаров. А этой швали тут, как собак нерезаных. Если я правильно помню, то и французы, и англичане, и турки постоянно пытались втянуть местных горцев в войну с Россией, пытались оттянуть наши силы от балканской войны. Австрияки тоже в этой каше отметились. Они потом вообще России ультиматум выдвинули, чтобы не дать проливы захватить и Стамбул взять. Вот, пожалуй, эту сволоту и станем отлавливать. А самому в войска лезть нет необходимости. Не мой профиль местные войны. Не удержусь ведь. Начну господам дворянам советы давать», – усмехнулся про себя парень.

«Ладно. Решено. Бабка была права. Сначала отмечусь в крепости. А если там начнут неудобные вопросы задавать или вообще погонят, попробую еще в какую станцию пересе-

литься. Ну, а если и оттуда погонят, сюда вернусь. В конце концов, набрать порошу трофеем или купить не так сложно. Заминирую все вокруг и буду оборону держать. Только нужно найти себе подходящий тайник, чтобы нужное прятать, если уходить быстро придется».

Случай с самопальной миной вселил в него определенный оптимизм. Кувшинов с узким горлом можно набрать телегу. Старые замки от пистолетов тоже не проблема. Тем более что после взрыва они почти не портятся. Достаточно вычистить и сменить кремень. Или капсюль. Капсюльный замок надежнее, а кремневых больше. Но даже в случае с кремневыми замками Елисей нашел выход.

Взведя курок, он укрывал сам механизм большим черепком от любой керамической миски, после чего заматывал промасленной тканью. Жир укрывал замок от сырости. Ну, а сама ткань создавала при взрыве повышенное сопротивление, что усиливало эффект. В этом Елисей убедился, когда его мина сработала. Из пяти разбойников трое оказались ранены. Это было гораздо больше, чем он рассчитывал получить.

Вспомнив про мины, парень вздохнул, зная, из чего делается обычный динамит. По сути, получи он в руки достаточное количество кислот и спирта, можно было бы устроить себе настоящее производство взрывчатых веществ. Даже бездымный порох можно было бы делать. Нужно только хлопок найти. А ведь это мысль! Елисей аж подскочил. Кислоты в

этом времени уже известны, значит, нужно просто найти место, где они есть. А дальше можно даже тут, в станице, мастерскую устроить.

Здесь даже надежнее. Никто не влезет и отвлекать не будет. Да и случись чего, никто не пострадает. Хлопчатник, похоже, здесь растет. Или нет? Блин, вот как тут что-то планировать, если информации почти нет? С этой мыслью парень допил чай и, оставив кружку, принялся вспоминать, известен ли в это время в стране уже был хлопок, или все было позже. Вышедшая на крыльцо бабка, уперев кулаки в бедра, окинула внука удивленным взглядом и, качнув головой, спросила:

– Елисей, ты чего сегодня сам не свой? Случилось чего?

– Бабуль, а хлопок тут уже растит кто? – вместо ответа спросил парень.

– Вроде нет. Но возят его много, – удивленно проворчала бабка. – А тебе зачем?

– Да мелькает что-то в голове, а что, сам не пойму, – выкрутился Елисей, мысленно ликуя.

* * *

Очередной обход станицы Елисей затеял через день после возвращения с охоты. На улице заметно потеплело, но снег еще не стаял. Пробираясь по краю станицы, парень взглядом находил свои закладки и, убедившись, что они все еще

во взведенном состоянии, отправлялся дальше. Только однажды ему пришлось задержаться. В одну из ловушек умудрился провалиться заяц. Вытащив еще живого зверька, Елисей быстрым движением перерезал ему горло и, восстановив ловушку, направился дальше.

Он уже почти завершил обход, когда чуйка в очередной раз взвыла, заставив парня шарахнуться в сторону. В ту же секунду грохнул выстрел. Уже падая, Елисей глухо взвыл от резкой боли в спине. Упав в талый снег, парень перекатился под ближайший куст и, подтянув карабин, принялся высматривать стрелка. Клуб дыма, медленно растворяясь, отдалялся от того места, откуда был сделан выстрел. Сместившись еще раз, парень чуть приподнялся и, убедившись, что продолжать неизвестный не собирается, пополз в сторону места, откуда был произведен выстрел.

Насколько Елисей помнил, таким способом передвижения пользовались только казачьи разведчики, пластуны. Отсюда и название подобного способа передвижения. Добравшись до плетня, Елисей осторожно приподнялся, готовясь выстрелить навскидку в любого противника. Но там, откуда стреляли, уже никого не было. Быстро, пригибаясь так, что едва сам себе коленями по челюсти не попадал, он добрался до дерева, за которым таился стрелок, и, присев на корточки, принялся изучать следы.

– Похоже, он тут часа четыре топтался, – проворчал Елисей, рассматривая снег. – Все вокруг истоптал. Размер не

большой. Вроде как у подростка. Выходит, это не грабитель, а мститель какой-то. А за что мне мстить? Да за тех пятерых, что мы с дедом положили. Больше вроде не за кого. Или это я сам себя так успокаиваю? Блин, спина мокрая и больно, — поморщился он, пошевелив плечами. — Придется домой вернуться.

Вздохнув, парень поднялся и, проследив взглядом цепочку следов, уходящих к реке, направился домой. Бабка, слышавшая выстрел, встретила его обеспокоенным взглядом. Увидев перепачканную и мокрую одежду парня, она удрученно вздохнула и, покачав головой, тихо спросила:

— Сам-то цел?

— Царапнуло только. Значит так, бабуль. Мне сейчас быстро царапину обработать надо, переодеться, и в погоню. Нельзя это просто так оставлять. Иначе завтра снова придут, — решительно заявил Елисей, стаскивая с себя рубашку и поворачиваясь к Степаниде спиной.

Охнув, бабка ухватила его за локоть и, подтащив к окну, усадила на табурет. Быстро промыв рану, она присыпала ее порошком из сушеных трав и принялась перевязывать куском чистого полотна. Морщась от жжения под лопаткой, Елисей надел чистую рубаху и, сменив штаны, принялся наматывать портянки. Проверив оружие, он быстро чмокнул бабку в морщинистую щеку и выскочил во двор.

До темноты еще было далеко, и нагнать стрелка было можно. Тем более что снег выдавал каждый его шаг. Идти Ели-

сей решил пешком. Лошадь штука полезная, но уж больно заметная. Пешочком оно надежнее будет. Проскочив через огороды, парень выбрался из станицы прямо к тому месту, откуда стреляли, и, убедившись, что определил направление отхода противника правильно, помчался следом.

Километра черед три он заметил щуплую фигурку, быстро шагавшую в сторону гор. Зло усмехнувшись, Елисей прибавил шаг, то и дело переходя на легкую рысь. Так называемый волчий бег. Несколько сотен метров бегом. И столько же шагом. Потом снова бегом. Человек – существо удивительно выносливое, и таким образом может двигаться очень долго. Даже дольше лошади.

Спустя еще два часа он приблизился к уходившему стрелку настолько, что мог рассмотреть его вооружение. Старая кремневая винтовка и длинный кинжал. Понимая, что противник заметит его, как только оглянется, Елисей нырнул в придорожные кусты и теперь двигался вдоль дороги, даже не особо прячась. Рассмотреть его быстро в таких условиях было сложно. Облетевшие кусты тем не менее были густыми. Именно этим парень и пользовался. Дальше от дороги подлесок был менее густым и двигаться было не сложно.

Нагнав противника, Елисей снял с плеча карабин и, подумав, прицелился неизвестному в ногу. Хотел сначала в колено, чтобы наказать, но чуть подумав, сместил прицел так, чтобы пуля только оцарапала его. Что-то в пластике движений и походке парня насторожило. Грохнул выстрел, и над

дорогой раздался пронзительный вскрик. И почему-то женским голосом. Выломившись из кустов, словно взбесившийся секач, парень навел на лежащего пистолет, зло пригрозив: – Только пошевелись, башку отстрелю!

От неожиданности стрелок даже стонать перестал, глядя на него перепуганным взглядом. Отбросив ногой ружье, Елисей сорвал с его пояса длинный кинжал в красивых ножнах и принялся быстро обыскивать. Вот тут случилось то, чего Елисей никак не ожидал. Взвизгнув, раненый принялся остервенело отбиваться и брыкаться. Отскочив в сторону, парень поднял пистолет и тут же опустил его снова. В пылу сопротивления со стрелка свалилась папаха и из-под нее выскользнула коса.

– Так ты девчонка, – растерянно проворчал Елисей, убирая пистолет в кобуру. – Зачем в меня стреляла?

– Ты брата убил, – зло прошипела девчонка, быстро убирая косу под папаху.

– Я много кого убил, и что? Он сам пришел в станицу с оружием, – пожал Елисей плечами.

– Он хотел мне приданое собрать. А вашим уже все равно. Умерли все, – прошипела девка, косясь на ружье.

По-русски она говорила с акцентом, но достаточно чисто.

– Я еще жив, – зарычал Елисей, не выпуская рукояти пистолета. – Сама запомни и другим скажи. Еще кто придет, живым не выпущу. А это, чтоб запомнила, – добавил он, подхватив ее ружье за ствол и со всего размаху грохнув его о

ближайшее дерево.

Потом, размахнувшись, он зашвырнул останки далеко в кусты и, закинув на плечо ее пороховой рог и подсумок с пулями, зашагал в сторону станицы. Выяснить, откуда она и почему решила мстить сама, он не стал. И так все было понятно. Наверняка парень был единственный мужчина, способный носить оружие, вот и полез в станицу за поживой. Она сказала, что брат хотел собрать ей приданое. Значит, семья из бедных, но не сироты, раз девчонка смогла взять оружие.

Наверняка ее карамультук еще деду принадлежал. Были бы они сиротами, жили бы у родичей и делали то, что велят. А раз сама это дело затеяла, значит, дома только немощные старики остались.

– Вот дура, – в голос выругался парень, чувствуя, как на спине опять стало мокро. – Ну не убивать же идиотку. Ладно, ствола лишил, может, теперь уймется.

Вернулся домой он уже в сумерках. Сбросив у дверей небогатые трофеи, он напился и, сняв рубашку, покорно подставил бабке спину для обработки и перевязки, попутно рассказывая о своих приключениях. Услышав, что стрельбу устроила девчонка, бабка удрученно качнула головой и, вздохнув, одобрила:

– И правильно, что убивать не стал. Глядишь, и ума прибудет. Ты только осторожен теперь будь. Она хоть и девчонка, а злая. Может и пакость какую удумать.

– Вот и я думаю, как все это обойти, – вздохнул Елисей.

– А никак, – пожалала бабка плечами. – Все одно не узнаешь, пока опять стрелять не станут. Вот уж тут не зевай.

– Да уж, задачка, – мрачно протянул парень. – Все одно не хотелось бы убивать ее. Девка-то красивая, – усмехнулся он, вспомнив ее огромные испуганные глаза.

– Да уж. Горянки такие красавицы бывают, что глаз не оторвать, – тихо рассмеялась Степанида. – Даром, что ль, наши казаки из походов их привозили да женились потом.

– Как женились? – не понял Елисей, задумавшись о сложившейся ситуации.

– Да как обычно женятся. В церкву сведут, батюшка окрестит да обвенчает. Так и женятся.

– И что, ни одна бежать не пыталась? – заинтересовался парень.

– Так они ж полонянки, – развела Степанида руками. – Сама сбежит, соседи станут вопросы задавать. Не поверят, что сбежала. Порченной считать станут. Вот ежели б выкупили, тогда дело другое. А так, раз уж прилюдно казак в жены взял, то и жили. А чего бежать? Что там замуж идти, что тут. Плакали, конечно, поначалу, а потом привыкали. Особливо, когда дети появятся. Там уж про все забывали. Дети, они любовью бабе быстро мозги вправляют, – в голосе бабки звучала неприкрытая ирония.

– Ты смеешься надо мной, бабуль? – повернувшись к ней, удивленно уточнил Елисей.

– Жизни учу, внучок, – ответила бабка, взъерошив ему чуб. – Раз уж некому больше, – грустно вздохнула она. – А ты слушай да на ус мотай. Есть дела, о которых только бабы и знают. Была бы мамка твоя жива, я б и рта не раскрыла. Привел бы жену, она б сама с ней те дела решала. А раз уж некому, так приходится тебя тому учить.

– Что-то ты меня совсем запутала, – покрутил парень головой, про себя подумав: «Это она мне про женский ПМС рассказать, что ли, хочет? Вполне возможно. В этом времени про такие дела только опытные бабки и да повитухи знали. Мужиков к такому и близко не подпускали. Ладно. Сделаю вид, что внимательно слушаю».

Перевязывая его, Степанида тихим голосом продолжала вещать ему о женских секретах. Слушая ее впол уха, Елисей продолжал прокручивать в уме свое приключение, жалея только об одном. Не узнал, из какого клана эта девчонка. Если из того, что выкупил у него коней после первого нападения, то имело бы смысл передать весточку тому вождю. Тот бы быстро ей мозги на место вправил. Если она из его клана, то она нарушила его слово, а такое не прощается. С другой стороны, несмотря на рану, зла он на нее не держал. Сам не святой.

Так и не придя к единому мнению, Елисей поужинал и отправился в свой закуток. Бабка, быстро помыв посуду, уселась под лучину вязать. Уже стемнело, когда неожиданно раздался стук в дверь. Подскочив, словно подброшенный

пружиной, Елисей выхватил пистолеты и бесшумно скользнул к двери. Сделав бабке знак, чтобы укрылась в простенке, он ногой толкнул дверь, вскидывая оружие.

– Ой! – раздалось на крыльце, и парень от удивления едва не выронил оружие.

На пороге стояла та самая девчонка.

– Ты откуда тут взялась? Как в станицу вошла? – растерянно спросил он, глядя на гостью неверящим взглядом.

– За тобой шла. По следам, – всхлипнула девчонка. – Ты меня в ногу ранил. Я так до дому не дойду. А в лесу одной страшно. Ружья же нет.

– Войди, девонька, – с улыбкой разрешила Степанида, отодвигая внука. – Вон, к столу присядь, я рану посмотрю. А ты воды принеси пока, – скомандовала она Елисею.

На улице парень просидел часа полтора, пока бабка занималась царапиной девчонки. Как оказалось, пуля вырвала ей кусок кожи и мышцы. Кость была цела, но идти девчонке было тяжело. Сообразив, что до аула ей не добраться, она решила вернуться в станицу. Решив, что раз уж пойдя по ее следу, парень ее не убил, то дальше точно убивать не станет. Тем более что где-то в лесу начали подавать голос волки. Выломав палку, она с грехом пополам доковыляла до станицы и, войдя в нее по его следам, постучала в двери единственного дома, где горел свет.

– Ты из клана Махмад-ходжи? – спросил Елисей, решив выяснить этот вопрос.

– Нет. Мы в другом ауле живем.

– Тогда почему ты решила, что это я твоего брата убил? – удивился Елисей.

– Ты же сам сказал, что убил многих, – насторожилась девочка.

– Да, но это были люди Махмада. А с ним мы все решили мирно. Так кто тебе сказал, что это был я? – не унимался парень.

– Жених моей двоюродной сестры из аула Махмада-ходжи. Он рассказал, – опустив голову, еле слышно произнесла девушка.

– А у него, небось, кто-то из родственников в том набеге погиб, – понимающе кивнул Елисей.

– Да.

– А тебе он это рассказал потому, что ты стреляешь не хуже любого джигита, – продолжал развивать свою версию Елисей. – И когда узнал, что твой брат не вернулся, рассказал тебе эту историю. Правильно?

– Ты словно сам там был, – недоверчиво проворчала девочка.

– Шакал он, жених этот, – вызверился Елисей. – решил твоими руками мне отомстить. Махмад-ходжа слово дал, что его люди больше сюда не придут и что между нами вражды не будет. Так он тебя подбил.

– Дура, – опустив голову ниже плеч и всхлипнув, еле слышно произнесла девушка.

Бабки Степаниды не стало внезапно. На Рождество. Еще вечером она поздравила внука с праздником и, помолясь, отправилась спать. А утром, проснувшись, Елисей не услышал ее уже привычного шебуршания на кухне. Поднявшись, парень выглянул на улицу, заглянул в сарай и, не найдя ее, поспешил обратно в дом. Откинув занавеску, Елисей увидел все еще спящую женщину и, не ожидая плохого, аккуратно взял ее за руку, чтобы разбудить.

Мертвенный холод ее ладони заставил его вздрогнуть и рухнуть на колени у кровати. Степанида ушла спокойно, во сне. Просто уснула и не проснулась. Тихо, без боли и мучений. Вошедшая в дом Лейла так и застала его. На коленях, со слезами на глазах. Девушка уже почти не хромала, но почему-то не спешила уйти. Как выяснила у нее бабка, они с братом жили со своей бабкой, которая верховодила домом, но в дела молодежи не вмешивалась. И вернуться домой с раной на ноге девушка не могла. Проще было сказать, что поднималась на перевал, чтобы попробовать сходить к родственникам в другой аул.

Для Елисея такая вольность горянки была странной, но лезть к ней с вопросами он не решился. Да и бабка явно знала больше, чем рассказала. В общем, с момента их стычки Лейла так и жила в их доме. И вот теперь, вернувшись, она

растерянно замерла посреди дома, моментально сообразив, что произошло. Взяв себя в руки, Елисей утер слезы и, поднявшись, срывающимся голосом тихо посетовал:

– Обмыть бы ее надо. Да мне неуместно.

– Принеси воды и переложи ее на стол. Я сама все сделаю, – так же тихо пообещала Лейла.

– Хорошо, – безжизненно кивнул парень. – Я тогда пойду, домовину слажу и могилу почищу.

Быстро переложив бабуку на стол, он натаскал воды и отправился в сарай к плотнику. Гроб, который Степанида заставила его сделать, так и стоял на верстаке. Чистый, ошкуренный, нужно было только пыль смахнуть, что парень и сделал. Закрепив гроб на тачке, он перевез его на бабкино подворье и, взяв лопату, отправился на погост. Могила, которую выкопал еще отец в самом начале мора, заметно оплыла, и была сырой от талого снега, но поправить ее было не сложно.

Управившись с делами, Елисей вернулся в дом и, подойдя к столу, где лежала уже одетая покойница, судорожно вздохнул. Вот теперь он действительно остался один. Лейла, отлично понимая, что с ним происходит, подойдя, тихо сказала:

– Завтра я домой уйду. Теперь мне нельзя здесь оставаться.

– Я провожу, – кивнул Елисей.

Взяв себя в руки, парень внес гроб в дом и, уложив в него

бабку, заколотил крышку. Потом, вынеся уже полную домовину на крыльцо, он закрепил его на тачке и покатил к церкви. Лейла, повязав голову черным платком, молча шла рядом. Припомнив похороны Параскевы, Елисей использовал доски и веревки, чтобы опустить гроб в могилу. Бросив на крышку три горсти земли, он дождался, когда девушка повторит его жест, и взялся за лопату.

Вкопав в изголовье крест и утрамбовав землю, он перекрестился и, вздохнув, негромко сказал:

– Вот и все. Теперь они вместе. Один я словно перекасти-поле. Пойдем, Лейла. Помянем рабу божью. А завтра я тебя домой провожу.

– Хорошо, – тихо кивнула девушка.

Они вернулись домой, и Лейла, уже зная, где и что хранила Степанида, быстро накрыла на отмытый стол. Достав из шкафчика бабкину настойку, Елисей выставил две рюмки и, наполнив одну, накрыл ее куском хлеба. Вторую, поставив перед собой, налил до краев.

– Тебе не предлагаю, – вздохнул он, посмотрев на девушку. – Тебе вина нельзя.

– Нельзя, – кивнула Лейла, быстрым движением поправляя платок.

– Царствие тебе небесное, бабушка, – прошептал парень и махом вылил в глотку напиток.

Вспоминая их разговоры, Елисей и сам не заметил, как опорожнил бутылку, но при этом не захмелел. Только в сон

потянуло.

– Оставь все, я потом сам помою, – махнул он рукой и, поднявшись, отправился в свой закуток.

Проснулся парень с тяжелой головой, но похмелья как такового не было. Лейла уже встала, успев сделать многое, пока он спал. Умывшись, Елисей привычно позавтракал козьим молоком с краюхой хлеба и, одевшись, вопросительно посмотрел на девушку.

– Я готова, – решительно кивнула та, подхватывая с лавки узелок.

– погоди, – остановил ее парень и, выйдя во двор, залез в свой фургон.

Быстро выбрав из кучи оружия нормальную винтовку и пистолет, он вышел на улицу и, прикрыв за собой дверь, протянул оружие девушке.

– Вот. Твое-то ружье я сломал в запале.

– Лучше вместо пистолета мой кинжал верни, – улыбнулась Лейла. – Это от отца остался, – пояснила она свое требование.

– Конечно, – кивнул Елисей и снова полез в фургон.

Отдав девушке кинжал, он закинул подаренное ружье на плечо и, вздохнув, зашагал к околице. Выведя ее безопасной тропой за границу своей охранной зоны, он свернул на тропу и через несколько минут вышел на дорогу. Лейла молча шагала следом, отлично понимая, что в этих местах он ориентируется гораздо лучше нее самой. Они шагали, думая каж-

дый о своем. Доведа девушку до того места, где и случилось их знакомство, Елисей снял ружье с плеча и, протягивая его девочке, улыбнулся:

– Будет лучше, если нас вместе никто не увидит. Слухов о тебе не будет.

– Да, благодарю тебя, – кивнула Лейла. И помолчав, спросила: – Что теперь сам делать станешь?

– Весны дождусь, а там видно будет, – пожал парень плечами. – Ты, это... Если плохо будет или беда какая... Приходи. А ежели меня в станице не будет, можешь в бабкин дом входить. Знаешь, где чего лежит. Заходи да живи. А болезни не бойся. Ушла она уже. Совсем, – вздохнул он и перекрестился.

Елисей и сам не понимал, откуда взялся этот жест, но почему-то после него становилось легче на душе.

– Спасибо тебе, Елисей, – грустно улыбнулась Лейла. – Жалко, что женщина не может назвать кого-то кунаком. Я бы тебя назвала. Спасибо, – повторила она и, круто развернувшись, быстрым шагом двинулась к горам.

– Удачи тебе, сестренка, – усмехнулся Елисей, глядя ей вслед.

Дождавшись, когда фигурка девушки скроется за поворотом, он огляделся и решительно шагнул в придорожные кусты. Сделав круг, он нашел сломанное ружье и, подобрав его, принялся осматривать. Шарахнул он его об ствол дерева от души. Приклад в щепки. А вот ствол и замок остались це-

лыми. Задумчиво хмыкнув, Елисей доломал приклад и вернулся на дорогу. Спустя три часа он вошел в дом и, присев на лавку у двери, растерянно проворчал:

— Блин, и что теперь делать? Да мать твою, нужно было козу девчонке отдать, — выругался он, услышав блянье из сарая.

Взяв себя в руки, парень занялся обычными домашними делами, о которых раньше и не задумывался. Накормить кур, вычистить загон у козы, задать ей сена, подоить два раза в день. Потом обиходить коней. Сготовить еду, тесто замесить, потому что без хлеба голодным ходить будешь. В общем, занят он был постоянно. Неделя после смерти Степаниды пролетела незаметно. Однажды утром, подоив козу, парень вдруг понял, что перестал тяготиться всей этой работой. Все шло так, словно всегда было.

Подивившись этому открытию, Елисей отправился на обход станицы. Делал он это каждые три дня. На Крещение заметно похолодало и после таяния снега некоторые ловушки примерзли. Оббив с них лед, он привел все в порядок и, снова укрыв соломой, отправился домой. Лезть к минам он не решился, заранее предполагая, что в такой сырости все его ухищрения по сохранению пороха обречены на провал. Но рисковать лишний раз не хотелось.

Пороха, конечно, жаль, но пусть уж лучше будут хоть такие ловушки, чем вообще никаких. Занимаясь хозяйством, парень продолжал обдумывать план своих дальнейших дей-

ствий. Оставаться в станице не имело смысла. Да, это, может, и безопаснее, но это стагнация. Так и озвереть не долго. Нужно выходить к людям, тем более что отпущенный на карантин год почти прошел. Теперь его никто не обвинит в том, что он заразен.

Бабка говорила, что дальше к предгорьям стоит крепость. Зачем она там нужна, Елисей понимал слабо, ведь в долину можно спуститься в десятке других мест. Впрочем, прежде чем судить, неплохо было бы как следует изучить карту местности. Те, что он помнил из своего времени, в этом мире не прокатывали. От большинства станиц, которые есть в этом времени, в его мире и следа не осталось. Некоторые, как его нынешняя, вымерли от болезней. Какие-то были сожжены при набегах, а большая часть прекратила свое существование во времена революции.

– Итак, – бурчал он себе под нос, попутно вычищая денники в конюшне. – Чем будем заниматься и кем обзовемся? Ну, про оружейника я уже думал. А теперь стоит подумать о разведке. То есть о том, что я умею лучше всего. А где здесь проводить разведку? Да на границе с турками. А это через Армению или Грузию идти надо. То есть на ту сторону хребта. А надо ли так далеко? Тем более что нынешние границы находятся совсем не там, где я помню. А главное, сюда же они как-то влезают. То есть идут через границу, как к себе домой. В общем, смотреть надо и думать. А главное, с опытными людьми говорить.

И вот тут у тебя, приятель, возникает проблема. Кто станет воспринимать всерьез недоросля, который толком ничему не обучен? Правильно. Никто. А если вспомнить, что общество тут сословное, то про офицеров и вспоминать не приходится. В общем, требуется как-то о себе заявить, как о серьезной боевой единице. Вот только как? На кулачках с кем из казаков сойтись? И что это даст? Особенно если вспомнить, что тело это я так толком в порядок и не привел. Похоже, последствия болезни еще сказываются. Ладно хоть с головой все наладилось. В обмороки падать перестал.

Но порции себе нужно увеличивать. Нужно массу набрать. И нагрузки тоже увеличить не мешает. Растяжка еще приемлема, а вот с силой удара и скоростью движений полный швах. Такое впечатление, что этого мальчика толком ничему не учили. Хотя оружие он с самого начала в руках держал уверенно. Выходит, это я погорячился. Чему-то его все-таки учили. Вот еще бы знать, чему именно. Вон я попробовал шашкой махнуть, чуть сам себе уши не обрубил. Так что, приятель, огнестрел и ножи с кинжалами, это и весь твой арсенал.

– Стоп! А как же нагайка?! Блин, вот идиот! – выругал себя Елисей. – Нагайка – это же визитка казачества. Так, и где у нас тут нагайки? Что-то я в домах их не особо припоминаю.

Задумавшись, Елисей вдруг вспомнил, что в казачьей среде был такой обычай, что погибшего казака хоронили в луч-

шей одежде и с нагайкой. Выходит, он потому их и не нашел, что все нагайки похоронены вместе с хозяевами. Даже не пытаясь разобраться, откуда у него такие воспоминания, Елисей принялся вспоминать, как именно плетется толковая нагайка. По всему выходило, что сплести ее не так и сложно. Главное, хорошая кожа. Ну, с этим было все в порядке. Рулоны выделанной кожи он собрал по всей станице. Так что можно приниматься за дело.

Именно этим парень и занялся, едва закончив с конями и конюшней. Выбрав самую мягкую, но при этом достаточно толстую кожу, он нарезал из нее полос и, выстругав подходящую рукоять, взялся за плетение. Полосы Елисей нарезал так, чтобы они шли плавным конусом. От рукояти к концу. В сам конец парень вплел несколько толстых кусков, чтобы можно было крепить разный груз.

По сути, это было нечто среднее между нагайкой и арапником. Длиной примерно в метр вместе с рукоятью, толщиной сантиметра три в рукояти, и с крепким узлом на конце. Туда же можно вплести что угодно, от заточенного лезвия до свинцовой гири. В общем, в толковых руках опасное оружие. Почесав в затылке, Елисей отлил из свинца небольшую гирьку и, привязав ее к концу получившейся нагайки, решил испытать свою работу в деле.

Приставив обломок доски к стене сарая, парень отступил на пару шагов и, примерившись, резко взмахнул рукой. Нагайка свистнула, и доска с треском проломилась.

– Хренасе, пельмень, – растерянно проворчал Елисей, рассматривая дыру в доске. – Она не переломилась. Я ее просто проломил. А доска, на минуточку, дюймовая примерно. Так, этой штукой надо как следует овладеть. С утра начинаю тренировки.

* * *

Апрель отметился наступлением тепла и неожиданно позеленевшим лесом вокруг станицы. В воздухе вовсю пахло свежестью и цветением. В очередной раз обходя периметр безопасности, Елисей с удовольствием ловил кожей солнечные лучи, чувствуя, как тело начинает радоваться весне. Выпущенная им из конюшни и сараев живность также не упускала возможности понежиться на солнышке.

– Похоже, пора выдвигаться. Хватит оттягивать, – со вздохом проворчал парень, задумчиво оглядывая станицу.

Он уже привык жить в одиночестве, но атмосфера пустых домов давила на психику незримой ладонью. Опустевшие дома словно безмолвно спрашивали, глядя на него слепыми глазницами ставен: за что? Почему их оставили? Зябко передернув плечами, Елисей окинул свое хозяйство внимательным взглядом, решая, что брать с собой, а что использовать по-другому. Например, приготовить в дорогу.

– С собой заберу, хуже не будет, – махнув рукой, проворчал парень, поглаживая доверчиво прижимавшуюся к ноге

козу. — Ну не поднимется у меня рука добрую животину под нож пустить.

Три следующих дня он готовился к отъезду. Из полутора десятка кур десяток отправился в коптильню, а остальные были пересажены в корзины и плетеные клетки. В фургоне был устроен небольшой загон, а пол устелен соломой. Там он собирался везти козу. Долгий переход до крепости она могла не выдержать. Хозяйственно прибрав весь собранный инструмент, парень с сомнением поглядывал на фургонные оси.

Что ни говори, а вес набирался серьезный. Сундуки с оружием, порохом, свинцом, инструментами, одеждой, и все это ему было нужно. Вдобавок пришлось прихватить запасную сбрую и даже одно седло. Казак с конем и без седла, это куча вопросов. Наконец, убедившись, что собрано и уложено все, что должно быть собрано, парень закрыл окна дома ставнями и, подперев дверь дома поленом, Присел на лавку.

— Вот и все, — грустно усмехнулся Елисей. — Даст бог, вернусь. А нет, значит, не судьба.

Поднявшись, он взял уже запряженных в фургон коней под уздцы и вывел свой выезд со двора. Дойдя до церкви, он оставил фургон посреди улицы и, перекрестившись, прошел на кладбище. Дойдя до семейных могил, парень постоял над могилкой бабки и, сняв папаху, поклонился ей в пояс. Вернувшись к фургону, Елисей уселся на козлы и, разобрав поводи, еле слышно вздохнул:

– Вы уж простите за невольный обман. Господь свидетель, не хотел я того.

Тряхнув поводьями, парень направил свой транспорт к выезду из станицы. Смазанные колеса легко вертелись, и пара коней спокойно тянули его сооружение по еще сырой дороге. Три кобылы шли привязанными к задку фургона. Выкатившись на дорогу, Елисей натянул поводья и, поднявшись, оглянулся на пустую станицу. На секунду ему показалось, что над церковью появилась какая-то темная масса. От удивления он сморгнул и, тряхнув головой, снова всмотрелся в небо над крестом, но все уже пропало.

Невольно перекрестившись, парень покачал головой и, усаживаясь обратно на козлы, проворчал:

– И правда уезжать пора. Уже кошмары мерещатся.

Всхрапнув, кони дружно навалились на постромки и поволокли фургон в сторону крепости. По рассказам покойной бабки, до крепости было примерно сорок верст. В переводе – это почти сотня километров. Так что торопиться было некуда. Автоматически проверив, как заряжен карабин, Елисей переложил его поудобнее и погрузился в размышления. Планировать что-то, не владея информацией, было глупо, так что он позволил себе немного помечтать.

– Главное, чтоб сразу не погнажи. А дальше разберемся, – усмехнулся он.

Фургон ощутимо потряхивало, так что ему то и дело приходилось отвлекаться на дорогу. Но в остальном все шло спо-

койно. Отдалившись от станицы километров на десять, Елисей заметил развилку и, чуть подумав, решил сделать там короткую остановку. Нужно было дать передышку коням и проверить свой груз. Как ни крути, а тряска все-таки была ощутимой. Съехав с дороги, парень остановил коней и, прыгнув на землю, принялся осматривать свой транспорт.

К его удивлению, все держалось очень даже достойно. Несмотря на то что сделано было практически на коленке. Смазав ступицы еще раз, на всякий случай, Елисей поднялся в фургон и, проверив, как дела у козы и кур, с удовлетворением проворчал:

– Великое переселение народов. На ковчег этот сарай на колесах точно не тянет.

Дав коням полчасика передохнуть, он вывел фургон на дорогу и продолжил путь. К вечеру он проехал, по собственным прикидкам, половину пути. Выбрав подходящее место, он снова свернул с дороги и принялся распрягать коней. Убедившись, что с животными все в порядке, Елисей стреножил всю пятерку и отпустил их пощипать едва пробивающуюся травку. Козу, вытащив из фургона, он привязал к длинной веревке и так же оставил пастись, предварительно подоив.

На ночевку он встал еще засветло, так что появившуюся на дороге арбу заметил сразу. Сидевший в ней пожилой мужчина, увидев фургон, насторожился и незаметно подтянул к себе ружье. Ну, это ему казалось, что незаметно. Елисей это движение отметил сразу. Присмотревшись, парень заметил

в ухе мужика серьгу и, усмехнувшись про себя, вздохнул:

– Тоже казак. И тоже один наследник в семье.

Подъехав, мужик остановил арбу и, огладив бороду, вежливо поздоровался:

– Вечер добрый, вьюнош. Куда путь держишь?

– В крепость еду, дяденька, – вежливо отозвался парень.

– А чего тебе крепость? Или служит там кто?

– Место для житья ищу. А что до службы, так сирота я, – вздохнул Елисей, решив говорить правду.

– И давно осиротел? – удивленно поинтересовался казак, окидывая его хозяйство недоверчивым взглядом.

– Так в прошлом годе мор всех ближних прибрал. Только бабка одна и оставалась. Меня выходила, да на Рождество преставилась. Вот и решил уехать.

– Так ты из Пригорской, выходит? – испуганно уточнил казак, мелко крестясь.

– Из нее, – кивнул парень.

– Да как же ты выжил-то? Там же всех господь прибрал, – не верящим голосом спросил казак.

– Бабка, царствие ей небесное, выходила. Родители да брат с сестрами померли, а меня она выходила. Меня в ее дом беспамятного солдаты принесли, когда по домам мертвых собирали. Вот она и спасла.

– Да уж, дела, – растерянно протянул казак, явно не зная, как реагировать на известие.

– Да ты не пугайся, дяденька, – понимающе усмехнулся Елисей. – Нет на мне больше заразы. За зиму ушла. Почитай год уже прошел с мора. Я потому и решил только теперь ехать.

– Ну да, ну да, – облегченно закивал казак.

– Да ты б съехал с дороги. Повечеряли бы вместе да поговорили, – предложил парень.

– Ты уж прости, казачок, да недосуг мне. Дома ждут, – чуть помявшись, решительно отказался казак. – Прощевай, парень.

– Скатертью дорога, – кивнул Елисей и, развернувшись, вернулся к фургону.

Собрать хвороста и развести костер для бывшего разведчика было делом нескольких минут. Вообще, Елисей вдруг понял, что все его прошлые навыки словно всколыхнулись и всплыли на поверхность памяти, стоило только ему выехать из станицы. Вскипятив воду для чая, он заварил напиток в большой кружке, чтоб на утро и в дороге было что пить, и принялся ужинать. Свежие яйца, копченая курица, цельное козье молоко. В общем, веселился парень от души. Запив трапезу свежим чаем, он сыто рыгнул и, погладив себя по животу, проворчал:

– Блин, не в коня корм. Жру за троих, а массу никак набрать не могу.

Это было правдой. Все его попытки привести это тело в порядок так и пропадали втуне. Да, появилась скоординиро-

ванность и скорость движений, но мышечную массу набрать никак не получалось. Внешне, ну, если судить по тому, что он сумел рассмотреть в ведре с водой, он больше всего был похож на скелет, обтянутый кожей, под которой перекачивались сухие узлы мышц. Морда, правда, малость округлилась. Во всяком случае, скулы уже не так торчали, и это все достижения.

Посидев у костра, Елисей убедился, что пламя с углей не перекинется на сухую траву, и, от души зевнув, отправился спать. Постелив на сундук пару бурок, он улегся и накрылся еще одной. Что ни говори, а казачья бурка, это и постель, и защита в бою, и палатка в плохую погоду. Пригревшись, парень уснул, словно провалился.

Проснулся он от отчаянного щебета каких-то птах за стенами фургона. Широко зевнув и от души потянувшись, он уселся на своей импровизированной постели и, быстро оглядевшись, усмехнулся, припомнив вечернюю встречу:

– Похоже, я был прав, когда решил выждать время перед отъездом. Ладно, будем надеяться, что в крепости не все такие зашуганные.

Быстро обувшись, он выскочил из фургона и первым делом пересчитал коней. И кони, и коза были на месте. Отойдя в кусты, парень быстро справил свои житейские дела и принялся раздувать огонь, чтобы позавтракать. Перед отъездом он подоил козу и, напившись молока, принялся запрягать коней. Дальнейший его путь прошел спокойно. Пару раз попа-

дались встречные путники, которые с интересом оглядывали его фургон, но останавливаться и вступать в разговор никто не стал.

К вечеру, уже в сумерках, он подъехал под стены крепости и, мрачно посмотрев на закрытые ворота, покачал головой.

– Этого надо было ожидать. Ладно, переживем еще одну ночь в поле. Не развалюсь.

Приметив в стороне широкую площадку, Елисей тряхнул поводьями, перегоняя фургон туда. Тут явно ночевали все те, кто не успел добраться до крепости днем. Выбрав подходящее место, парень быстро распряг коней и, выпустив из фургона козу, отправился за дровами. Разведя костер, он повесил над ним чайник и принялся раскладывать прихваченные из дома продукты. Шорох за фургоном моментально вывел парня из благодушной задумчивости, заставив бросить нож и откатиться в сторону, подхватывая карабин.

– Ай, молодец, казак, – тихо рассмеялся кто-то в темноте. – Не бойсь, не трону.

– Ну, трогать меня себе дороже. А ежели честный человек, так выйди к костру и покажись, – отозвался Елисей.

– Так трое нас, – ответил голос, явно улыбаясь.

– Вот втроем и выходите. А не то пальну на голос, потом сами будете себя ругать.

– Добре, казачок, не закипай, – примирительно усмехнулся неизвестный. – Выходим.

Из-за фургона появились три фигуры, и Елисей, рассмот-

рев их в неверном свете костра, понимающе хмыкнул:

– Пластуны. В разведку, что ль, ходили?

– Грамотный, – одобрительно кивнул казак лет тридцати пяти, расправляя усы. – Мы-то пластуны. А вот ты кто таков и откуда тут взялся?

– Да из тех же ворот, что и весь народ, – фыркнул парень в ответ. – Елисей Кречет я. Из станицы Пригорской.

– Эх, – говоривший с ним пластун споткнулся на ровном месте и, перекрестившись, растерянно проворчал: – Так вымерла ж станица.

Его напарники превратились в соляные столпы, настороженно рассматривая подходящего в костру парня.

– Вымерла, – вздохнул Елисей, усаживаясь на свое место. – Я последний, кто из станичников остался. Почитай всю зиму там один жил, а как потеплело, решил к людям податься.

– Перекрестись, – вдруг потребовал пластун.

– Запросто, – усмехнулся Елисей, осеняя себя широким крестом. – Уймись, дядя. Не призрак я. Вон, серебро в ухе, – добавил он, поворачивая левое ухо к костру. – Да вы присаживайтесь, казаки. Повечеряем, чем бог послал. Не бойтесь. Нет на мне заразы. За зиму ушла вся. Думал, и сам помру, да бабка выходила, земля ей пухом.

– Ты б рассказал все толком, паря, – буркнул казак, осторожно присаживаясь к костру. – А то мы бог весть чего уж подумали.

– Да нечего тут думать, – отмахнулся Елисей. – В станице после мора нас всего четверо осталось. Я, бабка моя, подруга ее да один казак старый. Вот они всех на погост и свезли. А потом старик в стычке с горцами пулю словил, бабы старые уж были. Одна за другой ушли. Так один и остался. Бабку на Рождество схоронил, тепла дождался и поехал. Вот коротко и все.

– Это что ж выходит, ты после мора в станице еще почитай год прожил? – быстро уточнил пластун.

– Так и есть, – коротко кивнул Елисей, нарезаая толстыми ломтями хлеб.

* * *

– Ты это, Елисей, здесь нас дождись. Я с комендантом сам поговорю, – негромко посоветовал пластун, задумчиво глядя на открывшиеся ворота крепости. – Мужик он не злой, но сторонним не особо верит.

– Добро. Дождусь, – подумав, кивнул парень. – Ты только не сочти за труд, дядька Ермил, как узнаешь чего, дай знать. Откажет, так я сразу дальше поеду.

– А куда поедешь-то? – повернулся к нему казак.

– Дорога выведет, – пожал Елисей плечами. – Мир не без добрых людей.

– Это верно, – задумчиво кивнул пластун и, помолчав, неожиданно спросил: – А с порохом у тебя как?

– Есть пока. А к чему спрос? – не понял парень.

– Айда, постреляем. У нас вон там, под стеной навроде стрельбища есть. Заодно глянем, так ли ты добре стреляешь, как рассказывал.

– Темнишь, дядька Ермил, – усмехнулся Елисей. – Но пострелять я всегда не против.

Прихватив из фургона пороховой рог, подсумок с пулями и капсюлями, парень решительно зашагал следом за ожившимися казаками. Отойдя от места стоянки метров на сто, они спустились в небольшую балку, и казаки, остановившись, принялись проверять свое оружие. Подсыпав на полку пороху, Ермил взвел курок и, ткнув пальцем в дальний конец балки, спросил:

– Треноги видишь?

– Конечно.

– Твоя левая, моя правая. Стреляй, – скомандовал казак, прижимая приклад к плечу.

Чуть усмехнувшись, Елисей одним плавным движением вскинул карабин и, едва замерев, нажал на спуск. Два выстрела слились, и обе треноги заметно покачнулись.

– Заряжай, – скомандовал казак, одобрительно кивнув.

Елисей уже привычными движениями зарядил карабин и, оглядевшись, иронично фыркнул:

– Скучно это, дядька Ермил. Дай минутку, я мишень придумаю.

Не дожидаясь ответа, парень быстро отошел к соседним

кустам и срезал кинжалом пару прутьев толщиной с указательный палец и длиной сантиметров двадцать. Срезав боковые веточки, он прошел мимо удивленно наблюдавших за ним казаков и, пройдя в другой конец балки, принялся привязывать прутья к треногам.

– Вот так веселее будет, – улыбнулся он, вернувшись обратно. – Давай так. Кто больше раз выстрелит так, чтобы с прутика кусочки сбить, тот и победил.

– Интересно, – удивленно протянул казак, рассматривая новые мишени. – А давай.

До треног было метров семьдесят, и неошкуранные прутья рассмотреть было сложно. Для гладкоствольного ружья задача почти невыполнимая. Да что там для гладкоствольного. Даже для штуцера, что был в руках у Елисея, такой выстрел был весьма непростым. Но парень в себе был уверен. Пули, придуманные им, в полете были гораздо устойчивее. К тому же добыча пропитания охотой была серьезной тренировкой. Стрелять решили по очереди. Ермил, подсыпав на полку пороха, не спеша прицелился и плавно спустил курок.

Елисей, внимательно следивший за его прутком, сразу заметил, как мишень дернулась и на прутке появилась белая отметина, сантиметров на пять ниже верхнего среза.

– Добрый выстрел, – оценил Елисей. – А теперь я попробую.

Встав на то же место, с которого стрелял казак, парень взвел курок и, плавно подняв карабин, прицелился. Чуть за-

держав дыхание, он положил палец на спусковой крючок и, медленно выдыхая, нажал на него. Когда дым рассеялся, стало ясно, что его пруток уменьшился примерно на столько же, сколько хотел отстрелить казак. Второй выстрел пластуна был удачнее. Елисей тоже не промахнулся. Третьим выстрелом казак снова только оцарапал мишень. Выстрел парня укоротил пруток еще на пару сантиметров.

– Брось, Ермил, – неожиданно посоветовал один из его приятелей. – С этим бесенком стреляться, только порох впусте жечь. Он же пули в цель как руками кладет. И где только выучился?

– Да уж, умеешь, – одобрительно усмехнулся казак, удивленно разглядывая парня.

– Тебе б, дядька Ермил, замок на ружье поменять. На капсюльный. Тогда и дыму меньше, и глаза закрывать не придется, когда стреляешь, – усмехнулся в ответ Елисей.

– Замок, говоришь? – удивленно переспросил казак, разглядывая собственное оружие. – Так то к оружейнику толковому нужно. Сам-то я с него только стрелять умею да чистить. А так ружье доброе. Да и привык я к нему.

– Доброе, – согласно кивнул Елисей. – По стрельбе видно, что только маслом чистишь. Пуля в воздухе ровно держится.

– Маслом да мелом, – кивнул казак. – Соображаешь. А сам откуда такой штуцер взял? Приклад у тебя странный, – объяснил он свой интерес.

– Сам резал, – пояснил Елисей. – А ствол короче, пото-

му как обрезать пришлось. Я его в сундуке дедовом нашел. Ствол от края на пясть треснувшим был. Зато в лесу да на козлах удобнее. Таким размером он оборотистее будет.

– Так ты что ж, оружейник? – растерялся казак.

– Ну, до мастера мне далеко, но кое-что умею, – кивнул Елисей, делая вид, что смутился.

– Что, и замок поменять можешь? – не унимался Ермил.

– Могу. Дело-то нехитрое, – пожал парень плечами.

– Сколько за работу возьмешь? – тут же последовал вопрос.

– Не дороже денег, – усмехнулся Елисей. – Вот с комендантом поговорю, на постой встану, а там и решим.

– Ну, давай поговорим, стрелок, – слышался голос и в балку спустился крепкий, подтянутый офицер. – Штабс-капитан Милютин. А ты кто будешь и откуда тут взялся?

– Елисей Кречет, казак. Сирота я, ваше благородие, – коротко поведал парень.

– Сирота, значит, – протянул офицер, осматривая парня внимательным, цепким взглядом. Не ускользнула от этого взгляда и серьга в ухе, и потертая черкеска, которую Елисей надел в дорогу, чтобы не трепать одежду, пошитую бабкой. И дедов кинжал на поясе.

– Сирота, – кивнул Елисей. – В мор вся семья сгинула, кроме бабки. Она меня выходила, а на Рождество и сама представилась. Из Пригорской я, ваше благородие.

– И где все это время жил? – настороженно спросил офи-

цер.

– Так в станице и жил, – пожал парень плечами. – После мора три бабки, я да один старый казак выжили. В общем, из Пригорской я последний остался. Старика в стычке застрелили. Бабки сами, одна за другой померли. Вот и решил, чем там одному на луну выть с тоски, к людям податься.

– Год прошел, – задумчиво протянул штабс-капитан. – Выходит, мор у вас кончился.

– Выходит, кончился.

– Ладно. Возвращайся к повозке своей. Я к тебе доктора пришлю. Посмотрим, что он скажет, а дальше видно будет. Хотя, честно признаться, не хотелось бы такого стрелка терять, – неожиданно признался комендант.

– Добре, ваше благородие. Подожду, – кивнул Елисей, решив не тянуться перед офицером, который к казачьему воинству отношение имеет опосредованное.

Именно так держались и пластуны. Вежливо, но с достоинством. Они вышли из балки, и только тут Елисей рассмотрел двух солдат с ружьями в руках, внимательно контролировавших зеленку.

«Похоже, жизнь тут у них веселая, если солдатики такие настороженные», – подумал Елисей, поглядывая на бойцов.

Комендант с казаками вернулись в крепость, а парень занялся своим хозяйством. Он успел позавтракать и попить чаю, когда из крепости вышел мужчина лет пятидесяти, с за-

метным животом, и решительно направился к фургону. Подойдя к костру, мужчина достал почти чистый платок и, протирая им пенсне, с интересом уставился на парня.

– День добрый, доктор, – вежливо поздоровался Елисей, усмехаясь про себя.

Бородкой, усами и пенсне врач очень напоминал Чехова.

– Здравствуйте, юноша, – надевая пенсне, кивнул доктор. – Мне тут сообщили, что вы выжили после эпидемии тифа. Правда ли это?

– Правда, доктор.

– И как теперь себя чувствуете?

– Сейчас уж добре. Вот раньше, бывало, и сознания лишился, ежели чего тяжелое подниму. Вот только как встал после болезни тощим, там тощим и остаюсь. Никак отъестся не могу. Да еще с памятью плохо, – понизив голос, словно нехотя пожаловался Елисей.

– С памятью? А что с ней не так? – оживился врач.

– Так не помню я ничего. Все, что до болезни было, словно корова языком слизала. Только и знаю то, что бабка рассказать успела.

– Занятно. Весьма занятно, – проворчал врач, попутно оттягивая парню веко и заглядывая в глаза.

Потом, приказав открыть рот и высунуть язык, он осмотрел ему горло и, кивнув, велел раздеваться. Аккуратно сняв с себя оружие, Елисей скинул черкеску, рубашку и остался стоять перед врачом в одних штанах. Внимательно осмот-

рев кожный покров, доктор удовлетворенно кивнул и, достав из кармана деревянный стетоскоп, принялся прослушивать парню грудь.

– Что ж, молодой человек. Должен признать, что вы абсолютно здоровы, – закончив осмотр, резюмировал врач. – Думаю, вес вы скоро начнете набирать. Это последствия болезни. Как и потеря памяти. Так бывает. Например, при сильной контузии. Не торопитесь. Придет время, все вспомнится. Просто наберитесь терпения.

– Угу, а голова предмет темный и исследованию не подлежит, – усмехнулся Елисей и чуть не взвыл, мысленно обозвав себя тупым ослом.

В ответ доктор громко, от души рассмеялся, явно оценив немудрящую шутку.

– Похоже, вы, юноша, получили кое-какое образование, ежели умеете такими понятиями оперировать, – отсмеявшись, отметил он.

– Помню, что вроде у кого-то учился, – без улыбки кивнул Елисей. – Читать, писать точно умею. А вот чего, у кого... – парень покачал головой, разведя руками.

– Понимаю, понимаю, – закивал врач. – Но, как я уже говорил, это все временно. Со временем вы сами все вспомните. Главное, не насилуйте себя. Пусть все идет само собой.

– Спасибо, доктор, – кивнул парень. – А коменданту вы что скажете?

– А что тут можно сказать? – удивился врач. – Здоровы

вы, молодой человек. И бояться вас глупо. Господин штабс-капитан сказал, что вы в станице своей год после мора прожили. Так ли?

– Так, доктор.

– Мудрый поступок. Таким образом, вы сами выдержали карантин и перестали быть носителем болезни. В общем, я считаю, что опасности в вас нет. Так и скажу.

– Благодарствую, доктор, – склонил Елисей голову.

– Не стоит, юноша. Скажу вам по секрету, комендант и сам весьма заинтересован в том, чтобы вы остались, – улыбнулся врач, лукаво прищурившись близоруким взглядом.

То, что он близорук, Елисей понял, когда увидел, как он щурится и близко наклоняется, что-то рассматривая. Попрошавшись, врач отправился обратно в крепость, а Елисей, одевшись, принялся запрягать коней в фургон. Спустя еще час к стоянке подошел молодой солдат и, с интересом посмотрев на парня, сказал:

– Их благородие велят тебе в крепость ехать. Там по правую руку служивых дворы будут. Тебе в пятый по улице. Там вдова с двумя детками обитает. Там и станешь жить покуда. А ежели чего получше хочешь, тогда сам ищи.

– Благодарствую, служивый, – кивнул Елисей. – Я не привередливый. Было б где голову приклонить да в баньке попариться.

– Это да. Это там есть, – закивал солдатик. – Баня у Натальи добрая. Муж ее три года как из похода не вернулся, вот

комендант и решил ей малость помощи оказать. Будет она за твой постой ажно двадцать копеек в месяц получать. А сено для скотины своей и еду всякую сам покупать станешь.

– О как! Поселили, да еще и за казенный кошт, – удивился Елисей, стараясь ничем не выдать свою радость.

– Садись, служивый. Дорогу покажешь. Нечего понапрасну ноги бить, – усмехнулся он, запрыгивая на козлы фургона.

Солдатик неловко влез на указанное место и, усевшись, принялся с интересом осматриваться. Елисей тряхнул поводья и шагом направил коней в крепость.

* * *

Отведенная ему комната была небольшой. На взгляд самого Елисея, метров шесть квадратных. Но ему больше и не нужно было. Главное, чтоб было, где кости бросить и за шиворот не текло, а остальное мелочи. Хозяйка дома, вдовая казачка Наталья, лет два дцати пяти, крепкая, что называется, кровь с молоком. Улыбчивая, голубоглазая, с заразительным смехом. Из тех, что не умеют подолгу грустить и обижаться.

С интересом оглядев парня, она с улыбкой поздоровалась и, указав на вход небольшого, но еще крепкого дома, сказала:

– Проходи, казак. Гость в дом, бог в дом. Живем не богато, уж не обессудь.

– Так и я не княжеских кровей. Благодарствую, хозяйош-

ка, – улыбнулся в ответ Елисей.

– Столоваться сам станешь, или мне на тебя готовить прикажешь?

– Да, пожалуй, что с вами, – чуть подумав, решил парень. – Ты скажи, хозяйка, куда я могу животину свою пристроить пока.

– Так коней вон, под навес, – растерялась Наталья. – А чего еще-то?

– Еще? – иронично переспросил Елисей и, обойдя фургон, открыл дверь. – Еще у меня коза Машка, куры-несушки и вот, Мурка. Бабки моей кошка, – закончил он, поочередно доставая из фургона перечисленную живность.

– А коза-то доится? – заметно оживилась хозяйка.

– Коза добрая, – кивнул Елисей, поглаживая Машку по шее. – А главное, не шkodливая. И молока дает много. Вон, девчонкам твоим в самый раз будет.

– Нешто можно? – удивленно ахнула Наталья.

– А как иначе-то? – не понял парень. – Нешто я стану сам то молоко пить, а детям не дам?

– Спаси тебя Христос, казак, – вздохнула Наталья, пряча повлажневшие глаза.

– Да чего там, – отмахнулся Елисей. – Вон, кур прибери. Яйца с них тоже на стол. А кошку позволишь в комнате своей держать?

– Да держи бога ради, – рассмеялась женщина. – Нам с нее тоже толк будет. Особливо ежели она мышеловка.

– Хозяйская кошка, – кивнул парень. – У бабки моей не забалуешь, – грустно улыбнулся он, поглаживая громко мурчащую животинку.

– А что, жива еще бабка-то? – удивленно уточнила Наталья.

– На Рождество схоронил, – мотнул Елисей чубом.

– Сирота значит, – вздохнула женщина. – Вот и я одна осталась. Родители в прошлом годе преставились. А сестры замужем все. Разъехались кто куда.

– А братьев не было? – удивился Елисей.

– Не сложилось, – мотнула Наталья косой. – Да что мы все во дворе-то гуторим. Ты в дом проходи.

– Успеется. Коней обиходить надо, – ответил парень, быстро выпрягая жеребцов.

– А справные у тебя кони. Горские, похоже, – оценила женщина.

– С бою взяты, – кивнул Елисей. – Серая кобылка в тягости уже. А вон тех двух можешь брать, ежели нужда будет, – кивнул он на двух других кобыл.

– Жеребцов решил под седло оставить? – осторожно уточнила хозяйка.

– Да мало ли для какого случая понадобятся, – пожал парень плечами. – А кобылами пользуйся. Не жалко.

– Спаси Христос, Елисей, – снова всхлипнула Наталья.

– Что, тяжело? – понимающе вздохнул парень.

– Две девки в доме, да я одна с ними, – коротко кивнул

Наталья. – Ни сена толком накосить, ни поле засеять. Соседи помогают, лгать не стану, но и у них своих забот хватает.

– А с чего живешь-то, хозяйка? – заинтересовался Елисей.

– Огород вон держу, кур десяток, порося ращу. Так и перебиваемся. Комендант иной раз постояльцев засылает, вон как тебя теперь. Да все одно тяжело.

– А кому легко теперь, – развел Елисей руками. – Ладно, не кручинься. Даст бог, справимся.

Заведя коней под навес, он обтер их пучками соломы и, наполнив поилку водой, задумчиво почесал в затылке. По словам хозяйки, сена у нее не было. Этот вопрос нужно был решать в первую очередь. С этим он и обратился к Наталье. Моментально сообразив, что постоялец готов оплатить покупку, она вынеслась со двора. Примчавшись обратно минут через двадцать, она с улыбкой поведала, что сено скоро привезут. Тут же отдав ей три рубля серебром, Елисей отмахнулся от вопроса про возврат остатка.

– Продуктов купи, – велел парень, доставая из фургона сундук с личными вещами. Самый, кстати, маленький.

Пройдя в дом, он с интересом оглядел выделенную ему комнату и, удовлетворенно кивнув, принялся обустриваться. Развесив одежду, он достал масленку, ветошь и принялся чистить карабин. Оставлять нагар было чревато. Приведя оружие в порядок, парень зарядил его и, повесив на гвоздь, от души потянулся. Выйдя во двор, парень перешагнул тын и, выбравшись на улицу, принялся осматриваться. Саму кре-

пость он так толком рассмотреть и не успел.

– Так ты, выходит, и есть Кречет? – вдруг послышался вопрос, и Елисей, обернувшись, увидел старушку за соседним плетнем, что с интересом рассматривала его.

– Он самый. Елисей Кречет и есть, – кивнул парень, не видя смысла прятаться.

– А бабуку твою как звали? – послышался ехидный вопрос.

– Степанида она.

– Ну-ка, подойди ближе, – вдруг потребовала бабка, подслеповато щурясь.

Парень в два шага подошел к самому плетню, с интересом разглядывая старуху.

– Кречетово семя, – кивнула бабка, рассмотрев его как следует. – С первого взгляду видать. Дед твой тоже, бывало-ча, как что не по нем, так глазищами зыркнет, словно ножом ткнет. Ажно сердце заходится. Ох, погибель бабья будет, – ворчала она, всматриваясь ему в лицо. – Озера синющие, а не глаза человечьи.

– Вы никак, бабушка, всю семью мою знавали, – удивился Елисей.

– Ну, всю, не всю, а деда с бабкой точно знавала.

– Так, может, вы тоже из Пригорской? – на всякий случай уточнил парень.

– Нет. Я под Пятигорском жила, – усмехнулась старуха.

– А откуда семью мою знали тогда? – не унимался Елисей.

– Жизнь сводила, – загадочно усмехнулась старуха.

«Темнишь ты чего-то, бабка», – подумал парень, задумчиво разглядывая ее.

– Да ты худого не думай, – словно прочтя его мысли, вздохнула бабка. – Меня дед твой в жены хотел, да родители не отдали. Сговорена уж тогда была. Ну, а потом он Степаниду за себя и взял. Оттого и про глаза знаю.

«Похоже, дед у меня еще тот ходок был, – фыркнул про себя Елисей. – Если его до сих пор старушки помнят».

– Ты вот что, Елисей. Коль нужда какая будет, заходи. Пособлю, чем сумею, – вздохнула бабка и, развернувшись, двинулась к дому, тяжело опираясь на клюку.

«Да уж, помощница, божий одуванчик», – усмехнулся про себя Елисей.

– Ну что, казак, сменишь мне замок? – раздался вопрос, и Елисей, оглянувшись, увидел подходящего к нему Ермила.

– Пойдем, – кивнул парень, направляясь к своему двору.

Сразу достав из фургона подходящий замок для ружья, он разложил тут же на лавке инструменты и взялся за дело. Работа была не сложной, но требовала некоторой подготовки. Обработав все сопрягаемые поверхности тонким напильником и, доведя очистку влажным песком, Елисей прикрутил новый замок и, пару раз щелкнув курком, вздохнул:

– Проверить надо. Пошли на стрельбище.

– Добро, – кивнул пластун и, подхватив ружье, решительно зашагал к воротам. – Как тебе у Натальи? – спросил он, оглядываясь на парня.

– Да нормально вроде, – пожал Елисей плечами. – Баба она вроде не злая, а с остальным разберемся.

– Ты помоги ей, чем сможешь, – вздохнул казак. – Дружок мой ейным мужем был. Да сгинул. Вот теперь и мается одна. Мы как можем, помогаем, конечно, да только и сами не всегда дома.

– Оно и понятно. Служба, – кивнул Елисей, которому все эти разговоры о помощи начали уже действовать на нервы.

Они вышли из крепости и спустились в балку. Ермил, ловко зарядив ружье, взвел курок и, привычно приложив его к плечу, выстрелил. Снова зарядив, он сделал еще выстрел и, одобрительно кивнув, спросил:

– Сколько я тебе должен?

– А сколько не жалко, – усмехнулся парень. – Мне тут имя сначала наработать надо. Чтоб знали казаки, к кому с оружием на ремонт идти. А уж потом цены устанавливать.

– Хитер, – усмехнулся пластун. – Добро. Так и порешим. Не бойсь, не обижу. Работа добре сделана.

– А я по-другому и не делаю. Знаю, чего осечка в бою стоит, – ответил Елисей, глядя казаку в глаза. – А кто раньше тут оружием занимался?

– Да есть тут артель малая, – вздохнул Ермил. – Но они кузнецы все больше, хотя ремонт всякий делают. И станки имеют.

– Станки, говоришь? – оживился парень. – А свести меня с ними можешь?

– Чего ж не свести, – пожал казак плечами. – Можно. Сейчас и сходим. Только оружие домой занесу. Отдохнуть от него малость надо, – пояснил он, тряхнув ружьем.

Елисей только согласно кивнул. Торопиться ему было пока некуда. Казаки прошли в крепость и направились к дому пластуна. Тот быстро избавился от оружия, и они направились дальше. Артель стояла в кузнечном квартале. Так называлась короткая улочка, на которой располагалось сразу три кузницы и та самая артель, в которую они и направлялись.

– А зачем тут кузнецов столько? – удивился Елисей.

– Так крепость эта завсегда форпостом была. Тракт, что с гор идет, перекрывала. А в те времена огненного боя почти и не было. Белым оружием бились. Потому и кузнецы в крепости завсегда были.

– погоди. Так с гор вроде много дорог ведет, а крепость одна. Как так?

– А, да ты ж забыл все, – понимающе кивнул пластун. – У всех тех дорог завсегда станицы казачьи стоят. Вот и получается, что все они вроде как форпостом бывают.

– Получается, у Пригорской теперь и форпоста нет? – насторожился Елисей. – Проходи кто хочет?

– Не суетись, – понимающе усмехнулся пластун. – На вашем тракте из соседней станицы теперь патруль стоит.

– Не видел я их, – решительно мотнул головой парень.

– И не должен был, – кивнул Ермил. – Секрет там у них. Два доглядчика да посыльный. Вестником одвуконь. Им

главное, вовремя весть подать.

– Должен был я их заметить, – упрямо покачал Елисей головой. – Я в тех местах часто бывал. Даже пару раз в стычки встречал. Уж на стрельбу бы они должны были появиться.

– Вот значит как, – мрачно протянул пластун. – Выходит, сотник их сам решил все решать. Ладно, сам атаману обскажу всё. А ты молодец, что приметил.

– Непримиримые нам завсегда врагами были, – пожал Елисей плечами.

– Это да. Особливо, когда их турки накрутят, – мрачно скривился пластун. – Уж эти своего точно не упустят.

– А ты ничего про новую войну с ними не слышал? – между делом поинтересовался Елисей, помня, что война на Балканах должна начаться именно в этом году.

– Слухом земля полнится, – вздохнул казак. – Всякое говорят. Бог даст, пронесет беду.

– Боюсь, не пронесет, – не удержался Елисей. – Я еще до мора с одним инженером говорил, так он говаривал, что не миновать войны. А он человек грамотный, из столицы.

– Это как так получается, что ты про человека того помнишь, а остальное забыл? – насторожился Ермил.

– В том-то и дело, что и его не помню. Точнее, кусками все. Одно помню, другое чуток, а третье вообще никак. Вон, доктор ваш говорил, что так бывает. Контузия называется. Время нужно, чтобы в себя прийти, – принялся выкручиваться Елисей.

— Ну, коли доктор сказал, выходит, так оно и есть, — успокоился пластун. — Он у нас человек ученый. Всякие болячки лечить умеет.

— Вот и я о том, — закивал парень.

За разговором они дошли до нужного подворья, и Ермил, решительно толкнув калитку, вошел, громко окликаая старшего артельщика. Вышедший им навстречу мужик лет пятидесяти был крепким, плечистым, с руками, обожженными раскаленным железом.

* * *

За прошедшие полтора месяца Елисей успел обследовать всю крепость, найти пару, по его мнению, слабых точек и познакомиться почти со всеми местными жителями. Почти. Потому что знакомиться с офицерами и их семьями было бы для него чревато последствиями. Дворяне, а офицеры это всегда дворяне, это отдельная каста. Общался парень в основном с казаками и их семьями. Солдаты гарнизона занимались своими делами и в обычную жизнь не вмешивались.

Появление нового лица в крепости стало маленьким событием. Поручик, граф Самсонов, прибыл в крепость в сопровождении трех слуг, в карете, за которой следовали три груженные телеги. Вкатившись на территорию крепости, выезд свернул к казармам и, выехав на плац, остановился у здания комендатуры. Далее последовала недолгая беседа комендан-

та с вновь прибывшим, после чего вестовой побежал куда-то в чистую часть крепости.

Кумушки добрых два часа обсуждали появление столь богатого офицера. Елисею же все это было до лампочки. Познакомившись с главными местными специалистами по изготовлению металлических изделий, он с головой погрузился в создание нового оружия. Весь этот онанизм с заряданием оружия вызывал у него идиосинкразию и приступы немотивированной агрессии.

Поделившись своей идеей с мастерами, он ожидал, что его поднимут на смех, но вместо того кузнецы удивленно переглянулись и потребовали подробностей. Артельный, Михаил Сергеевич, внимательно выслушав все сказанное и рассмотрев нарисованные парнем каракули угольком на стене, задумчиво огладил бороду и, похмыкав, решительно заявил:

– А ведь должно работать.

– Обязательно будет работать, Михаил Сергеевич, – тут же закивал Елисей. – Тут главное точно все части подогнать, чтобы вот этот затвор при выстреле обратно не откинуло, – принялся пояснять он, тыча пальцем в чертеж.

– Ну, оно и понятно, – солидно кивнул артельный. – И ты, я так понимаю, хочешь здесь эту штуку сделать?

– Так больше-то негде, – развел Елисей руками. – Если б просто напильником обточить, давно бы уже сделал. Пока в станице сидел.

– Добре. Работы сейчас не много. Да и ты, говорят, ору-

жейник толковый, так что можно испробовать, – махнув широченной ладонью, согласился кузнец.

Остальные члены артели, переглянувшись, молча кивнули.

– А как доход делить станем, ежели пойдет дело? – задал артельный самый насущный вопрос.

– Я предлагаю пополам, – решив не жадничать, предложил Елисей. – Идея моя, испытывать и подгонять тоже я буду. От вас только станки да материал нужный. Ну, и помощь в литье, само собой.

– Пополам, значит, – хитро прищурился Михаил Сергеевич. – А не многовато тебе одному будет?

– В самый раз, – чуть набычившись, отрезал парень. – Я ведь могу и не у вас делать. Дольше получится, но и торопиться мне некуда.

– Да ты не зверей, не зверей, парень, – чуть вздрогнув от его взгляда, пошел на попятный Михаил Сергеевич. – Я ж не обмануть тебя хочу. Нормальный торг.

– А я, Михаил Сергеевич, не купец, и мы не на базаре. Или так, как сказал, или вообще никак.

– Добре, – сообразив, что разговор зашел куда-то не туда, сдался артельный. – Пополам, значит, пополам.

– Слово? – спросил Елисей, протягивая ему руку.

– Слово, – кивнул тот, хлопнув его по ладони.

– А латунь вы тут льете? – уточнил Елисей после заключения сделки.

– Грубо, – вздохнул артельный. – Для тонкой работы опыта не хватает, – нехотя признался он.

– А где тонким литьем занимаются? – тут же уточнил Елисей.

– Это тебе в Пятигорск надо, – подумав, ответил артельный. – Есть там семья одна. Жиды, правда, но дело свое знают. Больше, конечно, все по золоту работают, но и из простого металла тоже всякие заказы берут.

– Ну, то, что они евреи, только их беда. По мне, главное, чтобы дело свое хорошо знали, – отмахнулся парень.

– Знают, – решительно заверил его артельный.

– Ну, значит, поедem в Пятигорск, – задумчиво протянул парень. – Но сначала попробую сам несколько штук гильз сделать. Латунь подходящую найдем?

– Есть латунь, – заверил один из артельщиков.

– Ну, тогда завтра и начнем, – подвел итог разговору парень.

Выбрав из своей груды оружия самый приемлемый вариант для отработки технологии, он с утра уже был в кузнечном ряду. На глазах кузнецов раскидав ружье на части, он принялся объяснять, какое именно ему требуется ложе и казенная часть. Артельщики, всерьез заинтересовавшись новинкой, дружно взялись за дело. Сам же Елисей, зажав ствол ружья в токарном станке, принялся выбирать в казенной части посадочное место под гильзу.

По его расчету, для лучшей обтюрации переход пули из гильзы в канал ствола должен проходить без ступеней и промежутков. Тогда не будет прорыва газов и обгорания краев гильзы при выстреле. Выборку для первого раза он решил делать грубую. Саму гильзу, не мудрствуя лукаво, он придумал, точнее, слизал, с обычного охотничьего боеприпаса. Семьдесят миллиметров в длину. А вот калибр придется делать под каждый ствол свой. Ну не было тут унификации. Вообще никакой. Даже резьбы мастера резали как бог на душу положит.

Про измерительные приборы и говорить не приходилось. Артельщики, к примеру, пользовались обычным шнурком, замеряя что-то. Увидев этот кошмар, Елисей чуть за голову не схватился. Благо что-то подобное он и предполагал, затевая это дело. Так что, едва закончив с проточкой, он занялся изготовлением таких простых вещей, как внутример и самый обычный циркуль. Точнее говоря, это были просто две ноги с фиксатором. На внутримере он сделал выступающие пятки, которые и должны были упираться во внутренние стенки измеряемого цилиндра.

В общем, мастеров ему удивить удалось. С интересом разглядывая новинку, артельщики только головами качали, одобрительно хмыкая. С гильзами Елисею пришлось повозиться серьезно. Подходящих прутков в артели не нашлось. Только толстостенные трубки и один толстый лист. В общем, после долгих размышлений парень решил сделать сборную

конструкцию. Выточив из трубки по внешнему краю конус, он нарезал на нижней части резьбу и принялся вытачивать донце.

Провозившись с одной гильзой почти три дня, он скрутил запчасти и, на всякий случай перекрестившись, принялся снаряжать патрон. Обычный капсюль, порох, картонный пыж, пуля, еще один пыж, на этот раз войлочный, и все это было залито сверху расплавленным воском. Внимательно наблюдая за его работой, артельщики то и дело задавали вопросы. Но больше всего их удивил воск.

– Зачем это? – тыча пальцем в гильзу, спросил Михаил Сергеевич.

– От сырости защита, – коротко пояснил Елисей. – Воевать-то не только летом приходится. Вот и я подумал, как патроны от воды уберечь.

Работы с затворной частью и казенником тоже велись. Но тут все было проще. Основы Елисей взял от винтовки Мосина. Только стемпель рукояти был изогнут, как у винтовки Маузера. На самом затворе было сделано два наплыва, которые при досыле патрона и повороте затвора надежно фиксировали сам затвор. В общем, дикий микс из технологий и оружейных идей. Ствол крепился к казенной части двумя хомутами, а сама казенная часть к прикладу и ложу при помощи болтов.

Спустя две недели, глядя на результат деятельности своих очумелых ручек, Елисей едва не ржал в голос. Но при всей

своей грубости и несуразности вся эта механика работала. Первые испытания они провели все в той же балке. На руках у парня было всего три патрона, так что использовать их нужно было с толком. Зарядив ружье, Елисей привязал его к принесенной с собой скамейке и, накинув петельку на спусковой крючок, плавно потянул за шнурок.

Грохнул выстрел, и Елисей, смотревший не на мишень, а на ружье, радостно усмехнулся:

– Работает! Работает, мужики!

Быстро отвязав ружье, он сменил патрон и, прижав приклад к плечу, снова выстрелил. Фиксаторы затвора работали, а гильзы, даже сборные, выдержали испытание. Последний выстрел сделал артельный. Опустив оружие, Михаил Сергеевич одобрительно хмыкнул и, посмотрев на парня, добродушно проворчал:

– Голова ты, парень. Ох, и голова. А чего теперь далее делать станем?

– А дальше будем мой штуцер переделывать, – помолчав, вздохнул Елисей. – Но делать все станем не так, как это, – он потряхнул ружьем, – а так, чтобы на него даже смотреть приятно было, не то что в руки брать.

– Ну, по украшательству это не к нам, – тут же открестился артельный.

– А я про украшательства и не говорю, – усмехнулся Елисей. – Само оружие должно быть красивым. Ровным. Гладким. Чтоб нигде пальцы не цеплялись, и механика вся рабо-

тала, словно брежет иностранный.

– А это еще что за зверь? – не понял артельный.

– Часы такие, тонкая механика. Раз вечером завел, и до следующего вечера тикает, – коротко пояснил Елисей, внимательно осматривая оружие. – Заодно и пистолет один перделаем. Тоже под такой патрон. Есть идея.

– Снова? – растерялся артельный.

– Так дело-то серьезное, – вздохнул парень. – Пока враг ружье как обычно заряжает, я четыре выстрела из такой винтовки сделаю. Вот и считай, что лучше.

– Ну, так-то да, – протянул Михаил Сергеевич с заметной растерянностью. – Ну что, обратно по шли? Новое уж завтра начнем.

– Пошли, – чуть усмехнувшись, согласился Елисей.

На душе у парня птички пели. Он все-таки сумел. Добился того, чего так хотел. И пусть это оружие однозарядное, пусть кустарное. Но даже оно в этом времени было серьезным прорывом, который, возможно, поможет уменьшить потери в грядущей войне. Теперь нужно было придумать, как запустить его в серию. Или хотя бы подвигнуть казаков на замену оружия. Уж им-то точно не нужно преодолевать различные бюрократические препоны для собственного перевооружения.

Они вернулись в крепость и, попрощавшись, разошлись в разные стороны. Елисей уже почти добрался до дома, когда из толпы вывалилось какое-то тело и, навалившись на него

всей массой, хрипло выдохнуло, обдавая запахом перегара и лука:

– Где ружжо украл? А ну дай сюда.

С этими словами тело попыталось вырвать ружье у него из рук. Моментально извернувшись, Елисей выскользнул из-под навалившейся туши и, перехватив вытянутую к нему граблю за пальцы, одним движением вывернул руку так, что мужик взвыл от боли. Резким ударом сапога по щиколотке парень уронил неизвестного на землю и, выдернув из-за голенища нагайку, рывкнул, зверея от злости:

– Ты кого вором назвал, тварь! Запорою!

Нагайка свистнула в воздухе, и мужик заверещал так, словно его кастрируют тупыми маникюрными ножницами. Народ, обрадовавшись неожиданному развлечению, окружил место экзекуции, с интересом комментировал происходящее. Нагайка свистела, мужик визжал, даже не пытаясь подняться, а Елисей, чувствуя, что все больше злится, уже перестал замечать, что происходит вокруг.

Неожиданно чья-то сильная рука перехватила запястье парня, и властный голос негромко посоветовал:

– Уймись, парень. Не бери греха на душу. Наказал дурака, и будя.

Сообразив, что неизвестный прав, Елисей сделал глубокий вдох и расслабил руку с нагайкой.

– Вот и молодец, – стоявший рядом с ним кряжистый казак крепко хлопнул его по плечу. – Крови нам и так хватает.

Ни к чему лишнюю лить.

– Ты кто? – угрюмо спросил Елисей, сворачивая нагайку и убирая ее за голенище сапога.

– Я-то? А я, парень, атаман Терского казачьего воинства, Халзанов, Егор Лукич. А ты кто? – улыбнулся казак.

– Елисей Кречет, казак.

– Неужто Руслана Кречета внук? – неожиданно оживился атаман.

– Его самого, – вздохнул Елисей.

– Из Пригорской?

– Из нее.

– Да как же ты жив-то остался?

– Бабка Степанида вымолила да выходила. А на Рождество прошлое сама преставилась.

– Сирота, значит, – понимающе кивнул атаман. – А тут каким ветром?

– Так в станице не осталось никого, вот и решил к людям перебраться.

– А занимаешься чем?

– Оружейником пока. А дальше, как бог даст.

Но поговорить им не дали. Раздвигая толпу, к месту происшествия прошел вновь прибывший поручик в сопровождении двух солдат и, презрительно кривя губы, спросил:

– Что здесь происходит?

Народ притих, с интересом разглядывая новое лицо. Только атаман, моментально подобравшись, не спеша расправил усы и, с вызовом глянув на поручика, спокойно ответил:

– Наветчика наказали.

– Что значит наказали? – наливаясь дурной кровью, повысил голос офицер. – Это мой слуга! Да я всех вас на каторгу! Кто посмел?! Кто, я вас спрашиваю!

– Я, – шагнул Елисей вперед, с вызовом глядя поручику в глаза. – Он посмел меня вором назвать.

– Арестовать! – рявкнул поручик, указав пальцем на парня.

Но, к удивлению Елисея, солдаты только смущенно затоптались на одном месте, неловко перехватывая ремни своих ружей.

– Я сказал, арестовать! – еще громче завопил офицер.

– Не замай парня, благородие, – шагнув вперед, загородил атаман собой Елисея. – Твой холоп напраслину возвел, за то и наказан.

– Что?! Бунтовать? Всех арестовать, – принялся бесноваться поручик.

Но тут зашумели собравшиеся казаки, и в воздухе явно запахло нешуточной угрозой. Солдаты несмело шагнули впе-

ред и тут же шарахнулись назад, когда на них навелось сразу десяток уже взведенных стволов.

– Уймись, благородие, – посоветовал атаман с угрозой в голосе. – Тут тебе не Питербух. Тут у нас свои законы.

– Да вы... да я... – багровея и заикаясь от бешенства, принялся брызгать слюной поручик, но что именно, высказать офицер не успел.

Послышался конский топот, и, раздвигая толпу конем, на запруженный пятак улицы выехал комендант.

– Что случилось, станичники? Кто это его так? – уточнил он, приметив ворочавшегося в пыли выпоротого мужика.

– Елисей за навет наказал, – коротко сообщил атаман. – Этот прыщ его посмел вором назвать.

– Господин штабс-капитан, вы обязаны немедленно арестовать всех этих людей. Они все бунтовщики! – обретя дар речи, завопил поручик.

– Вы в своем уме, господин поручик? – закаменев лицом, холодно спросил комендант.

– Что?! – окончательно растерялся поручик. – Вы о чем?

– Угмонитесь, господин поручик. Вы наших местных реалий не знаете, так что держите свои чувства при себе. И слуг своих научите. Словесами глупыми тут бросаться чревато. За такое оскорбление его могли и на казачий круг вытянуть. А там шутить не будут.

– Но ведь... – сбитый с толку, поручик мучительно пытался подобрать слова, но не понимал, что происходит.

– Еще раз повторяю, – голос коменданта брякнул сталью. – Вы местных реалий не знаете, и ваш человек попал впросак. Казаки с бою живут и добычу берут только после боя. А вот за обвинение в воровстве могут и языка лишить, особенно ежели обвинение это ложно. Так что холоп ваш, граф, еще легко отделался. Братцы, прихватите это, и к доктору, пусть посмотрит, что с ним. А тебя, атаман, благодарю за службу. Прости, что вышло так неловко, – закончил он свою речь.

– Что, и это все? – растерянно спросил поручик.

– Поговорим у меня в кабинете, граф, – отрезал штабс-капитан таким тоном, что всем собравшимся сразу стало ясно, разговор этот будет нелегким.

Солдаты подняли выпоротого мужика, и тот, икнув, неожиданно смачно рыгнул, обдав солдат ядреным запахом перегара.

– Ваше благородие, да он пьян, словно свинья, – не удержавшись, сморщился один из солдат.

– Объясните своим людям, граф, что в крепости пьяным ходить запрещено, – отчеканил комендант. – Никому не запрещается выпить, но меру знать надо.

Солдаты потащили мужика к доктору, а комендант и заметно сникший поручик отправились в комендатуру. Народ начал расходиться, и тут атаман рассмотрел оружие в руках парня.

– Дозволь глянуть, – попросил он, не сводя взгляда с ружья.

– Изволь, – улыбнулся Елисей. – Только сегодня закончили. В балке испытывать ходили.

– Это что же? – удивленно комментировал казак. – Вы что ж такое учудили? А куда тут порох сыпать?

– А не надо его сыпать, – усмехнулся Елисей, доставая из кармана гильзу. – Вот. В этом стакане и капсюль, и порох, и пуля. Вот так его кладешь, затвор закрываешь и стреляешь, – рассказывая, Елисей продемонстрировал, как это делается, и вхолостую щелкнул курком.

– Ловко, – одобрительно кивнул атаман. – Это что ж выходит, ты теперь из этого ружья можешь быстрее стрелять?

– И стрелять быстрее, и сырости патрон не боится, – кивнул Елисей. – Я пыж воском еще заливаю.

– Ох, добрая придумка, – оценил казак. – И как долго такое ружье делать?

– Пока не знаю, – вздохнул Елисей. – Это первое ружье. Вот завтра начнем штуцер переделывать, тогда время и засеку. Но тут главное не в переделке.

– А в чем? – тут же отреагировал казак.

– В гильзах. Их отдельно заказывать надо. Точного литья тут у нас не делают. В Пятигорск за этим ехать надо.

– Ладно, – помолчав, кивнул атаман. – Давай так уговоримся. Как сделаешь все, меня найди. Я тебе пару своих казаков доверенных дам, чтоб сопровождали. И денег выделю, чтоб гильз этих побольше заказал. Народу показывать станем. Доброе это дело. Шибко доброе.

– Добро. Найду, – пообещал Елисей.

Он вернулся домой и, вычистив ружье, отставил его в сторону. Завтра должна была настать очередь его карабина и пистолета. С пистолетом он решил поступить еще проще. Полностью использовать систему одноствольного куркового охотничьего ружья. Что-то вроде тозовской одностволки шестидесятых годов выпуска своего времени. Переломный шарнир, курок и спусковой крючок. Даже без элементарного предохранителя.

Вечер прошел спокойно, а утром Елисей с оружием, приготовленным к переделке, был в кузнице. Артельный, оценив карабин, качнул его в руках и, глядя на парня, осторожно поинтересовался:

– Хорошая вещь. Не жалко?

– Потому сначала обычное ружье и принес. Теперь, когда знаем, как и что делать, точно не испортим. А штуцер этот мне для дела может понадобится, потому и хочу переделать.

– А пистолет как переделывать станем?

– Тут другая задумка есть, – усмехнулся парень. – Переломным его сделаем.

– Это как? – моментально подобрался артельный.

– Нарисую, – кивнул Елисей, подходя к ведру с углем.

Быстро начертив на стене схему, он принялся объяснять, что именно хочет получить на выходе. Внимательно выслушав его, артельщики переглянулись и, помолчав, высказались, что эта система тоже должна работать. Разобрав ка-

рабин, Елисей принялся вытачивать выборки под хомуты и гильзу, а кузнецы взялись ладить казенную часть и затвор. Теперь, когда технология была понятна, дело пошло быстрее.

Дольше провозились с пистолетом. Елисей уже испытал карабин на стрельбище, а у мастеров все не ладилось с запорной системой пистолета. Причина Елисею была понятна. Им всем остро не хватало пружинных сталеи. Из-за этого любая пружина вынужденно делалась толстой, громоздкой. Единственным выходом было использовать V-образную систему пружин. Галочкой, как называли ее мастера.

Но надо было отдать им должное, работали они старательно. Аккуратно. Все подгонялось так, что иногда даже найти места креплений было сложно. Пришлось переделать и приклад. Елисей резал его сам, после того, как вся механическая часть была закончена. Выточив из имевшейся латуни пять гильз, Елисей снарядил патроны и теперь занимался боеприпасом к пистолету. Наконец, справились и с замком. Пару раз раскрыв и закрыв пистолет, парень задумчиво покрутил головой, высказав свой вердикт:

– Выстрелов через полста придется пружину менять. Ну да бог с ним. Других все одно нет.

– Это верно, – вздохнул в ответ артельный.

Испытание в балке прошло успешно. К удивлению Елисея, штуцер на стрельбище показал себя с лучшей стороны. За счет унитарного патрона даже слегка увеличилась даль-

ность. Это парня удивило, но подумав, он сообразил, что теперь пуля проходит не по уже пробитым нарезам, как это было раньше, а выходя из гильзы, нарезает их в собственном теле сама. Отсюда и большее сопротивление, и сила выброса. А главное, почти нет прорыва газов.

Пистолет тоже показал себя весьма достойно. Он хоть и был гладкоствольным, но пыж и новая пулелейка сделали свое дело. На каждый ствол Елисей выточил по пять гильз. Больше просто не было необходимости. Все равно заказывать новые, а запасы латуни в мастерской были не бесконечны. Убедившись, что все готово, парень отправился искать атамана, но как выяснилось, тот уехал куда-то в Екатеринодар.

Ждать смысла не было, тем более что из крепости в Пятигорск отправлялся купец со своей охраной. Подумав, парень оседлал пару своих жеребцов и присоединился к каравану. Верхом он решил ехать потому, что фургон, несмотря на переделанные ступицы, мог двигаться только по дорогам, и догнать его было не сложно. А верхом с заводным конем всегда есть возможность уйти в зеленку. А там Елисей мог дать отпор любому противнику.

Три дня путешествия прошли спокойно. Въехав в город, Елисей быстро выяснил нужный адрес у первого попавшегося городского и шагом направил коня в нужную сторону. Задавать ему лишних вопросов никто не стал. И так с первого взгляда все было ясно. Казак по делу приехал. В этих

местах давно уже было известно, что рядиться в черкеску, не будучи казаком, себе дороже. За такое самозванство казаки махом в дегте вымажут и в перьях вываляют. Ославят так, что вся округа знать будет.

Найдя в торговых рядах нужное здание, парень привязал коней к коновязи и, поправив оружие, шагнул в торговый зал. Проморгавшись после яркого полуденного солнца, он с интересом огляделся и, приметив сидящую в углу фигуру, туда и направился.

– День добрый, почтенный. Вы точным литьем из латуни занимаетесь? – вежливо поинтересовался парень, так еще толком и не рассмотрев хозяина.

– А чего надо? – услышался не очень вежливый ответ.

– Вот, – решив не обращать внимания, выставил на прилавок гильзу парень. – Мне вот такие стаканы нужны. Но размеры нужно выдержать очень точно по этому образцу.

– Стрелять, что ли, с него собрался? Не все равно, из чего водку пить? – снова нахамил ему то ли продавец, то ли приказчик.

– Угадал, стрелять, – жестко отрезал Елисей. – Так можешь, или про вас только зря сказки рассказывают?

– Рубль штука, – отрезал продавец, поднимаясь во весь рост.

– Хренасе, – не удержавшись, выдохнул парень, растерянно разглядывая мужика.

Под два метра ростом, косая сажень в плечах, кулаки раз-

мером с пивную кружку. Ему бы молотом в кузнице махать, а он в ювелирной лавке сидит.

– Так ты вышибала местный? – поддел его парень. – Так бы и сказал сразу. Хозяина позови.

– Я хозяин, – набычился гигант. – Сын его, если тебе точность нужна.

– Вот отца и зови. С ним говорить стану, – фыркнул Елисей, демонстративно поворачиваясь к нему спиной, не забыв прихватить гильзу.

– Да я тебя сейчас... – раздался рев взбешенного быка, и мимо плеча парня промелькнула громадная лапа.

Елисей, отлично видя отражение бугая в стекле напротив, вовремя сделал шаг в сторону, заставив его промахнуться и тяжело перевалиться через прилавок, который жалобно крикнул, удерживая такую тушу.

– Угомонись, мужик, – рыкнул Елисей, выразительно качнув пистолетом. – Я сюда по делу пришел. Или отцу твоему деньги не деньги?

– Да я тебя... – прохрипел бугай, тяжело поднимаясь.

– Ты сейчас закроешь рот и вернешься на свое место, Изя, – слышался чуть дребезжащий голос, и в зал вышел пожилой мужчина, в кипе на гладкой как коленка голове.

– Но, дедушка, – повернулся бугай к старику.

– Изя, закрой уже рот и делай, что сказали, – раздраженно взмахнул рукой старик. – Чем могу служить, молодой человек? – повернулся он к парню.

– Значит, говорите, этим можно будет стрелять? – уточнил старик, внимательно изучив патрон.

– Почему будет? Уже можно, – усмехнулся Елисей.

– Дедушка, это же не работа, это...

– Изя, еще раз ты меня перебеешь, и пойдешь на базар мешки таскать. Самая для тебя работа, – прошипел старик так, что бугай вздрогнул и заметно съежился, что при его габаритах помогло не сильно. – Ой вэй, за что мне все это? – между тем продолжал вздыхать старик. – Ребе Кац забил вам головы своим бредом. Нет, я, конечно, понимаю старика. Потерять всю семью, это страшно. Но нужно же помнить, что это было в Кракове. И при чем тут те, кто живет тут? Ну скажите мне, где Кавказ и где тот Краков?

– Дедушка, ребе очень умный человек и говорит правду, – проблеял бугай.

– Какую правду, я тебя спрашиваю? – буквально взвился старик. – Запомни, Изя, это таки его правда. Его, а не твоя. Научись уже жить своей головой и делать то, что полезно твоей семье и твоему делу.

– Если ваш ребе так болеет за свой народ, то зачем он приехал сюда, а не отправился в Палестину. Если я правильно помню, Израиль находится там, – иронично усмехнулся Елисей, с интересом рассматривая бугая. – Легко быть зря-

чим среди слепых.

– Вот, Изя, учись, – вскинув палец, восторженно закивал старый ювелир. – Такой молодой человек, и так правильно думает. – Ребе Кац хочет мести. Но кому он будет мстить?

– Гоям, – отрубил Изя, снова набывчившись.

– Что, всем сразу? – усмехнулся Елисей. – А хотелки хватит? Не мне тебе рассказывать, что ваше племя давно уже не воины. Ремесленники, мастера, банкиры, да, но не воины. Так зачем кликать беду на свои семьи? Не проще научиться жить в мире?

– С вами? – в голосе бугая звучали вызов и злость.

– Со мной, – спокойно кивнул парень. – Я же признаю ваше мастерство в точном литье и пришел сюда, чтобы сделать заказ. А что я услышал в ответ? Рубль штука. Да за такие деньги мне проще против горцев с одним кинжалом выйти. Не нравится заказ, так и скажи. Зачем издеваться? Я уйду в другое место, а всем своим знакомым расскажу, что с вашей семьей нельзя иметь дело. Посмотрим, что ты тогда запоешь. А твоего ребе длинный язык однажды доведет до каторги.

– Сколько вы готовы заплатить за такой заказ, молодой человек? – помолчав, спросил старик. – Я вижу, что из добротного у вас только оружие. Так что не стану торговаться.

– Рубль за пять штук, – чуть подумав, заявил Елисей. – Материал оплачу отдельно. Заказ на сто рублей за гильзы каждого вида.

– Итого двести, – быстро уточнил старик. – Плюс латунь.

Я вас правильно понял?

– Правильно.

– По рукам. Но, молодой человек, я бы очень вас просил, чтобы это недоразумение, – тут старик указал пальцем на бугая, – осталось строго между нами.

– А мне это зачем? – лукаво усмехнулся Елисей. – Не привык, знаете ли, чтобы мне хамили. Особенно когда ничего плохого человеку не сделал. Обидно.

– Ой, я так понимаю ваши чувства, молодой человек, но что я могу сделать, если мой внук дурнее пьяного буйвола, – запричитал старик.

При этом он успел бросить на бугая такой взгляд, что тот снова попытался прикинуться ветошью, вжавшись в свой угол.

– Вот же дал господь беду, – продолжал стенать ювелир. – Силы, как у быка, а мозгов меньше, чем у барана. Одно разорение с ним, честное слово.

– Сколько мне встанет ваша латунь? – перебил парень его причитания.

– Три рубля за фунт, – тут же отозвался старик.

– Два рубля, и я забуду это недоразумение.

– Ой вэй! – воскликнул старик, хватаясь за голову.

– Я хорошо знаком с атаманом Терского казачьего воинства, так что выбирать вам. А слухом, как известно, земля полнится, – надавил Елисей.

– Вы с атаманом? – удивился старик, явно не поверив.

– Он с дедом моим вместе служил, – коротко пояснил парень. – А я сейчас в крепости живу. Он там часто бывает.

– Я согласен, – разом отбросил свое показное горе старик, едва услышав про крепость.

– Слово? – быстро спросил Елисей, протягивая руку.

– Слово, – решительно кивнул старик, вкладывая свою ладонь в мозолистую лапу парня.

– Сколько вам надо времени на работу? – спросил Елисей, осторожно пожимая старческую ладонь.

– Думаю, дня за три справимся, – подумав, ответил ювелир, выразительно посмотрев на внука.

– Пусть будет четыре, – прикинув кое-что к носу, решил парень. – И еще. Самое главное, это точность. Нужно выдерживать все размеры.

– Ты можешь оставить нам по гильзе каждого образца? – спросил Изя, выбираясь из своего угла.

– Для того и привез, – кивнул Елисей, протягивая ему особенно тщательно сделанные образцы.

– Похоже, эти гильзы состоят из двух частей, – проворчал бугай, рассматривая их. – А ты хочешь сделать их литыми. Одним куском. Зачем?

– Так надежнее. При выстреле нет опасности, что донце может вырвать, – пояснил парень.

– Интересная придумка. Чья? – не удержавшись, поинтересовался Изя.

– Моя. Я оружейник.

– Ты? – удивлению бугая не было предела.

– Я, – спокойно кивнул Елисей. – Были бы у меня хорошие пружины, я бы еще и не такое придумал.

– А рассказать можешь? – не удержался Изя.

– Про музыкальные шкатулки слышал? Думаю, оружие тебе не интересно.

– Конечно, слышал. И даже видел, – пожал бугай плечами.

– А механизм рассматривал? – быстро уточнил Елисей.

– Не довелось. Было бы интересно, – признался бугай с заметным смущением.

– Пока будешь заниматься гильзами, я тебе его нарисую, – пообещал парень. – Там только одна сложность. Правильно подобрать порядок расположения шипов на барабане. Можно еще ручки механические делать. С запасом чернил внутри.

– Это как? – не понял Изя.

– Нарисую, – кивнул парень. – Ладно. Мне еще ночлег искать надо. Пойду.

– Подождите, юноша, – снова вклинился в разговор старик. – Вам требуется жилье особенное, или все равно?

– Я казак, почтенный, – усмехнулся Елисей. – Мне в поле ночевать, что в постели. Четыре дня где угодно проживу спокойно.

– Тогда я готов предложить вам свое гостеприимство, – быстро произнес старик. – И коней найдем куда поставить.

Кров и стол. Заодно у вас будет время нарисовать все, что вы можете.

– Не хочешь упускать выгодные поделки, – понимающе хмыкнул про себя парень.

– Дедушка, он не согласится, – снова не вовремя влез Изя. – Гои не любят жить рядом с нами.

– Дурак ты, Изя, – не удержавшись, заявил Елисей. – Запомни, до тех пор, пока ты ведешь со мной дела честно и не строишь козней за спиной, я и слова плохого про тебя не скажу. А кому ты молишься и почему не работаешь в субботу, только твои проблемы. Я согласен, почтенный, – заявил он, глядя старику в глаза. – Куда ехать?

– Не надо никуда ехать, молодой человек. Сара! Сара! – громко окликнул он, повернувшись к проходу куда-то в задние комнаты.

На его зов оттуда выскочила девочка лет двенадцати-тринадцати.

– Ты звал, дедушка? – спросила она, склонив голову набок и с любопытством разглядывая Елисея.

Она явно слышала весь их разговор и теперь пыталась разобраться, что это за человек, от которого так много шума.

– Сара, внученька. Проводи молодого человека к нам и скажи маме, что он проживет в дальней комнате несколько дней. И покажи, куда он может поставить коней.

– Хорошо, дедушка, – кивнула девчонка и, повернувшись к парню, позвала: – Пойдемте, сударь.

При этом глаза ее озорно сверкнули.

«Тоже мне женщина-вамп, сопливая», – хмыкнул про себя Елисей.

Они вышли из лавки, и старик, повернувшись к внуку, укоризненно покачал головой.

– Изя, когда ты уже поумнеешь? Ну сколько можно наступать на одни и те же грабли и все равно танцевать рядом с ними?

– Дедушка, ну сколько можно? – попытался возмутиться Изя.

– Да помолчи ты, бугай дурной, – потряхнул кулаком старик. – Запомни, дурень. Этот мальчик имеет при себе только хорошее оружие и готов отдать огромные деньги только для того, чтобы сделать его еще лучше. А теперь спроси меня, зачем ему это? Ведь он мог бы купить на них себе красивую одежду. Доброго коня, надел земли, наконец. Но нет. Он делает себе оружие. И когда с гор придут разбойники или турки, между твоей семьей и ими станет вот этот мальчик. Только он. Запомни это, Изя. Даже ты, со всей своей силой, не можешь защитить нас. Это будут делать вот такие казаки. Те, кто родился с войной в крови.

– Он меня и вправду удивил, – нехотя признался бугай. – Не думал, что он решится встать на постой у нас.

– Этот мальчик не так прост, как кажется, – кивнул старик. – Его речь это не речь простого станичника. В ней чувствуется образование. И еще. Постарайся если не подру-

житься с ним, то хотя бы наладить добрые отношения. Поверь, мой мальчик, это принесет нам доход.

– Я постараюсь, дедушка, – кивнул Изя и, подумав, добавил: – Но меня вот еще что беспокоит. Дедушка, ты не подумал, что может случиться неприятность, если наша Роза не удержится? Она вдова и уже два года одна.

– Изя, не держи меня за идиёта, – фыркнул старик. – Розе двадцать два и ей давно уже пора иметь детей. Так что, если уж ей суждено стать матерью, так пусть это будут дети от того человека, который приятен нам всем.

– Дедушка, о чем ты? – удивился сбитый с толку бугай.

– Ох, Изя, какой же ты у меня бестолковый, – вздохнул старик. – Запомни, любую кровь нужно регулярно обновлять. И его кровь не самая плохая. Да и от Розы не убудет. Если только прибавится, – ехидно усмехнулся старик.

– Но, дедушка!..

– Ай, заткнись, – отмахнулся старик и, развернувшись, отправился куда-то в задние комнаты.

Тем временем Елисей, следуя за своей юной проводницей, прихватив коней, обошел здание и, пройдя узкой улочкой, оказался на широком подворье. Причем вошли они через задние ворота. Вторые ворота, еще больше, выходили на соседнюю улицу. Обирав коней и поставив их под навес, на указанное место, парень прихватил свои вещи и прошел за девочкой в дом.

– Вот ваша комната, сударь, – лукаво улыбаясь, сказала

Сара и, толкнув дверь, сделала приглашающий жест изящной ручкой.

– Так дедушка вроде говорил про дальнюю комнату, – удивленно напомнил Елисей.

– А это и есть дальняя. Главный вход в дом там, – Сара указала в дальний конец коридора. – А это задняя дверь. Просто так от лавки сюда ближе.

– Понял, спасибо, – улыбнулся парень. – А где у вас колодец? Мне б умыться с дороги.

– Во дворе, за углом, перед садом, – тут же объяснила девочка.

Поблагодарив ее еще раз, Елисей прошел в комнату и, бросив вещи на стул, достал из мешка мыльно-рыльные принадлежности и, скинув черкеску, отправился к колодцу. Уже там, раздевшись до пояса, он достал ведро воды и принялся смывать с себя дорожную пыль. Увлечшись, он не заметил, как кто-то вышел из сада и, подойдя поближе, принялся с интересом его рассматривать. Елисей смыл с себя мыло и не глядя потянулся за полотенцем, когда рука его наткнулась на что-то теплое и упругое.

– Это тебя дедушка взял к нам на постой? – послышался мелодичный голос, и он, резко выпрямившись и развернувшись, едва не сбил с ног молодую, стройную девушку. В руках она держала его полотенце.

– Меня, – кивнул парень, рассматривая ее.

– Странно. Давно такого не было, – улыбнулась она, про-

тягивая ему холстину.

— Наверное, это потому, что я умею придумывать разные механизмы, — предположил Елисей, вытираясь.

— Хотите есть? — неожиданно предложила девушка. — Пойдемте, я вас накормлю, — позвала она, не дожидаясь ответа.

* * *

Первый день, едва передохнув с дороги, Елисей занялся своими мелкими делами, а вечером был атакован Изей, которому не терпелось посмотреть на что-то новенькое. Помня, что он мастер точного литья, Елисей, недолго думая, предложил ему чертеж простейшей ручной мясорубки. Внимательно выслушав пояснения, для чего эта штука нужна, бугай пообещал заняться ею, как только выполнит заказ самого Елисея.

За эскизами они просидели до поздней ночи, а когда в доме все стихло, и Елисей уже устроился на своей кровати, в его комнату проскользнула бесшумная тень. Парень с самого начала отметил про себя внимательный, влажный взгляд Розы, но не думал, что она решится прийти. Сам же он и не собирался завязывать роман, будучи в чужом доме. Это нарушало все законы гостеприимства, принятые в этих местах. Но юное тело требовало свое, а сознание взрослого мужика его только поддерживало.

В общем, к его удивлению, кровать в комнате оказалась на

удивление крепкой и добротной, а Роза ускользнула от него, едва начало светать. А самое удивительное, что за всю ночь они едва сказали друг другу несколько слов. Не до того было. Поспав оставшиеся пару часиков, Елисей выбрался к колодцу походкой сильно уставшего человека с ломотой в суставах и ноющей поясницей.

— Дорвался, блин, — ворчал он себе под нос, рассматривая в ведре с водой царапины на груди и шее, оставленные женщиной.

Быстро перекусив в своей комнате, легкий завтрак принесла все та же любопытная Сара, он оделся и отправился в город. Не сдержал любопытства. Очень уж хотелось посмотреть, как сильно отличается город этого времени от того, что помнил он сам. Из оружия он прихватил с собой только новый пистолет, кинжал и нагайку. Не в горах, в конце концов. Тут даже городские иногда встречаются, убеждал он себя, вертя в руках перевязь с метательными ножами.

Добравшись до границы белой части, он решил не влезать туда, где может привлечь к себе лишнее внимание, и отправился на базар. Уж если можно где-то тут узнать последние новости, то только там. Базар на Кавказе и Востоке вообще это не просто место, где торгуют чем угодно. Это еще и чайные, где можно перекусить и отметить удачную сделку, и своего рода клуб по интересам, где любой желающий может просто поговорить и узнать все, что ему нужно. Надо только уметь задавать правильные вопросы правильным людям.

Делать это Елисей научился еще в прошлой жизни, поэтому не стал спешить и принялся прохаживаться по рядам, то и дело прицениваясь к товарам и слушая, о чем говорят торговцы. Слухов было много. Но главного, о начале войны, не звучало. Это и радовало, и настораживало. Впрочем, услышал он и много интересного. Обсуждали участившиеся случаи нападения непримиримых на поселения и караваны. Услышал он даже о себе самом.

История о том, что после мора в Пригорской выжил всего один человек, заставила оживиться многих. Порывшись в памяти, Елисей вспомнил, что в этом времени вспышки тифа, малярии и оспы в этих местах случались регулярно и уносили сотни жизней. Так продолжалось до введения обязательных профилактических прививок и тому подобных мероприятий. Но случилось это уже при советской власти.

«Вот и думай, лезть менять историю, или пусть все идет, как должно? – задумчиво хмыкнул про себя парень. – Хотя Первой мировой очень бы хотелось избежать. Как и поражения в японской. Да и политическое поражение после Балкан тоже не самая приятная история. Вот только как все это повернуть?»

Подобные мысли мелькали у Елисея регулярно. Но с чего начать, он не понимал. Слишком тут все было косно. Если уж и сообщать кому-то о своих знаниях, то это должен быть человек, имеющий прямой выход на императора. А таких на Кавказе только один. Генерал-губернатор. Но и до него так

просто не доберешься. Просто не допустят. А лезть напролом, каторгой закончится. Тут с этим просто.

С такими мыслями он и свернул в ремесленные ряды. Присматриваясь к седлам, кобурам, поясам, сапогам и тому подобной мануфактуре, Елисей вспомнил, что в крепости его встретят аж три женщины. Одна постарше и две маленькие, но от этого не менее любопытные. А значит, неплохо было бы из поездки привезти им хоть какие-то гостинцы. Как говорится, дорог не подарок, а внимание. Тем более что жилось ему у Натальи весьма вольготно. И накормят, и обстирают, и в комнате приберут.

Найдя себе причину, парень решительно направился к нужным прилавкам. Ленты в косы девочкам он нашел быстро. А главное, не дорого. Такие же в крепости стоили в два раза больше. Наталье же он решил подарить что-то, что она могла бы носить, но при этом без всяких намеков. Не стоило дразнить соседских кумушек. Остановиться он решил на легкой шали, вспомнив, как женщина при нем рассматривала нечто подобное, но вынуждена была отказаться от покупки.

Торговка, что стояла за прилавком, дородная тетка лет сорока, едва приметив парня, тут же принялась расхваливать свой товар. Слушая ее вполуха, Елисей не спеша перебирал товар. Потом, вздохнув, отодвинул очередную шаль и, покачивая головой, вздохнул:

– Цвета не те. Да и качество так себе. Слабый шелк, – за-

явил он, припомнив шаль, которую видел у бабки Степаниды.

– Да ты шо такое несешь?! – завопила торговка на весь базар. – Ой, люди добрые, вы гляньте на него, шелк ему слабый. Да ты его видел, голь перекатная?

– Рот закрой, – рыкнул Елисей так, что тетка поперхнулась на полуслове. – Есть добрый товар, так показывай, а нет, так я дальше пойду.

– А деньги-то у тебя есть? – нашлась торговка.

– За то не беспокойся. Без денег я б и смотреть не стал, – отмахнулся парень. – Так есть добрый товар?

– Есть, – вздохнула тетка явно нехотя.

Достав из-под прилавка корзину, она принялась вытаскивать из нее узлы с шальями. Вот это был настоящий товар. Быстро выбрав подходящую по расцветке, Елисей отложил ее в сторону и, посмотрев торговке в глаза, коротко спросил:

– Сколько?

– Пять рублей, – мстительно усмехнулась бабища.

– И как тебя еще с базара не погнали? – иронично поинтересовался парень. – Ты, уважаемая, или дело делай, или веселись. А вместе оно как-то у тебя плохо получается. Так сколько?

– Три, – насупившись, буркнула торговка.

– Рупь с полтиной. Да и то дорого, – усмехнулся Елисей, начиная торг.

– Да ты бога-то бойся! – тут же завелась бабища. – Это

где ж видано, чтоб така вещь и за такую цену?! Десять копеек скину.

– Рупь шестьдесят, – сделал свой ход Елисей, мысленно потешаясь над ней.

Уж больно физиономия у тетки была обиженной, когда он отказался брать то, что было разложено на прилавке.

– Два рубля восемьдесят копеек.

– Рубль семьдесят.

Сошлись они на цене в рубль девяносто. Вот тут Елисей встал насмерть. Оплатив покупку, парень аккуратно свернул шаль и, убрав ее под черкеску, вдруг вспомнил, что есть еще одна женщина, которой он просто обязан сделать подарок. Особенно после такой ночи. Дарить ей украшения глупо. Она живет в семье ювелира и отлично знает им цену. А покупать что-то очень дорогое он просто не может себе позволить. Дешевкой же отделываться будет неправильно.

Тут задумчивый взгляд парня остановился на другой шали, и он, чуть усмехнувшись, спросил:

– А эта сколько?

– Да сколько ж у тебя баб? – фыркнула торговка, но посмотрев на него, обреченно махнула рукой. – Бери так же. Уж больно ты зол, когда торгуешься. Ажно жуть берет.

Вот такого ответа Елисей не ожидал. Да, торговался он отчаянно, цепляясь за каждую копейку, как утопающий за соломинку, но узнать, что при этом он еще и злится, парень не ожидал. Быстро расплатившись, он так же убрал покупку

за пазуху и уже развернулся к выходу, когда в соседнем ряду раздался отчаянный женский крик:

– Ограбили-и!

– Вот только этого не хватало, – проворчал парень, быстро осматриваясь.

– Вона оне, упыри энти, – завопила торговка шаями.

Елисей моментально развернулся в сторону, куда она указывала, и приметил трех молодых мужиков, шустро убегавших в сторону задней части базара.

– Что там? – быстро спросил Елисей у торговки.

– Так овраг будет. За складами сразу, – быстро пояснила та.

«Понятно, – подумал парень. – Пути отхода у них давно подобраны. Похоже, и догонять бесполезно».

– А в овраге том ручей бежит. Не шибко большой, но быстрый. Так что бежать им только по берегу, – между тем добавила торговка. – Давно такого не было.

– Так это не местные? – удивился Елисей.

– Да господь с тобой. Наших-то давно всех вывели. А вот такие, залетные, бывают.

«А ведь есть шанс», – мелькнула мысль, и тут парень увидел женщину, которую окружили зеваки.

Одетая не роскошно, но опрятно и чисто. Явно не богата. Если мерить местными понятиями, скорее всего из разnochинцев. Впрочем, Елисей и сам толком не знал, что это значит. Но действовать его заставил испуганный взгляд дев-

чушки лет пяти, которая прижималась к матери, уцепившись за руку брата. Мальчика лет семи, который только бессильно сжимал кулачки, глотая выступающие слезы. В отличие от сестры, он явно понимал, что у матери украли последние деньги.

Тихо выругавшись, Елисей сорвался с места и стремительно заскользил среди покупателей в сторону складов. Тепло, которое он так старательно обучал, реагировало на каждый его приказ, позволяя ему обходить все препятствия и не терять времени. Спустя минуту он уже сворачивал за угол склада, выходя к оврагу. Поросшие густым бурьяном берега оврага скрывали любого беглеца от преследователей. Сам Елисей возвышался над ними всего на голову. Понимая, что искать грабителей тут можно до ишачьей пасхи, парень остановился и принялся осматривать землю.

Пройти в таких зарослях и не оставить следов невозможно. Тем более когда люди спешат побыстрее покинуть место происшествия. Приметив свежую тропку, Елисей осторожно пошел по ней, не забыв взвести курок пистолета. Через полторы сотни шагов парень вдруг услышал голоса, которые что-то бурно обсуждали. Прокравшись чуть ближе, парень отчетливо разобрал, о чем говорят, и мрачно скривился. Очередная партия беглых каторжников. Во всяком случае, жаргон был именно такой.

Понимая, что взять всех троих живыми и здоровыми слишком рискованно, Елисей решил действовать по прин-

ципу, кому повезет. Двигаясь буквально по сантиметру, он подобрался к каторжникам почти вплотную и, подняв пистолет, прицелился в самого здорового мужика. Чем меньше будет противников, тем проще. Выстрел грохнул так, что парень сам едва не оглох.

– Блин, гаубица карманная, – буркнул он, убирая пистолет в кобуру и выхватывая из-за голенища нагайку.

Выскочив на крошечную полянку, где грабители устроили совет в Филях, он взмахнул своим оружием – и еще один каторжник с воем покатился по траве, держась за перебитое колено. Свинцовое грузило парень так и не сменил, так что убить этой штукой можно было запросто.

– И как я тогда того дурака насмерть не забил? – удивился про себя Елисей, следующим ударом отправляя третьего грабителя в нирвану.

Быстро обыскав тела, он снял с них пояса и, связав, принялся хлопать по мордам, пытаясь привести в чувство. Спустя несколько минут весь базар сбежался полюбоваться на очередное развлечение. Юный казак гнал связанных, словно баранов, грабителей. Сдав всю троицу подошедшим городовым, Елисей заметил растерянно замершую ограбленную женщину и, не обращая внимания на полицейских, которые его о чем-то спрашивали, направился к ней.

– Кажется, это ваше, – улыбнулся он, протягивая женщине сумочку, вроде ридикюля, которую они у нее и утащили.

– Да, – только и нашлась она.

– Проверьте, все ли на месте. И ежели что не так, сообщите господам полицейским, – посоветовал Елисей, указывая на грозно возвышавшегося рядом городского.

* * *

Первую партию гильз Елисей получил уже через день. Старательно осмотрев, обмеряв и сравнив их с образцами, парень удовлетворенно кивнул, с улыбкой объявив наблюдавшему за ним Изе:

– Отличная работа, мастер. Все точно, как и заказано. Похоже, ты их даже отполировать успел.

– То не долго, – отмахнулся здоровяк с довольной улыбкой. – Говорят, ты на базаре трех грабителей схватил. Верно?

– А-а, – небрежно скривился парень. – Шакалы каторжные. Только и умеют, что урвать да убежать.

– Да уж, не горцы, – рассмеялся Изя. – Те по драться не дураки.

– Это верно. Как, управитесь с заказом в срок? – сменил Елисей тему.

– Теперь быстрее пойдет. Главное, форму верно сделал.

– А форма у тебя земляная или еще из чего делаешь? – заинтересовался Елисей.

– Из глины леплю, а потом обжигаю, – коротко пояснил процесс здоровяк.

– Ясно, – кивнул парень, сообразив, что секретов ему ни-

кто раскрывать не станет.

– Ты вот что скажи, ежели я ручки для письма сделаю, как доход делить станем?

– А пополам. Все, что сумеешь сделать и продать, пополам. Так и мне проще, и тебе не обидно. Идея моя, чертежи тоже, с тебя материал и работа. Все честно, – пожал Елисей плечами.

– Что, вот так просто слову моему поверишь? – поддел его Изя.

– Изя, заведи себе уже немножечко мозгов в голову, – произнес парень с одесским акцентом. – Шо ты ведешь себе как шлемазл?

– Чего?! – похоже, от удивления здоровяк забыл, как думать.

– Ой вэй! – раздался старческий голос и в комнату мимо Изи протиснулся старый ювелир. – Только не скажите мне, шо у вас таки имеются родственники в нашем племени.

– Не скажу. Просто станица наша на тракте стояла, а по нему всякие люди ходили, – усмехнулся Елисей.

– Ай, молодца! – всплеснул старик руками. – Мы согласны на ваше предложение, молодой человек. Все заработанное делим пополам. Но с одним условием.

– Слушаю, – кивнул парень.

– Все, что вы впредь придумаете, вы будете приносить нам. Мы будем первыми, кто станет это делать. Согласны?

– В случае, если я буду уверен, что эта работа вам по си-

лам, – внес Елисей свои изменения.

– Это справедливо, – кивнул старик.

– Сомневаешься, что я могу отлить что угодно? – вскинулся здоровяк.

– Изя, сними уже с плеч тухес и надень голову, – фыркнул Елисей. – Есть детали, которые нужно не просто отлить, а сначала найти правильный сплав. У тебя тут есть химическая лаборатория? Или, может, ты можешь найти в этой глухомани любой металл?

– Ой, уморил, – вдруг расхохотался старик. – Куда катится этот мир, если даже казак уже стал ругаться на идише!

Смеялся он от души. Наконец успокоившись и утерев выступившие слезы, старик присел на табуретку и, повернувшись к внуку, добавил:

– Ох, Изя, и силы вроде больше, чем надо, и руки не кривые, а вот ума так и не нажил.

– О чем ты, дедушка? – насупившись, поинтересовался здоровяк.

– О том, что тебе сделали золотое предложение, а ты дурные вопросы спрашиваешь. Мы согласны, юноша. Вы будете решать, что передать нам, а что нет.

– По рукам, – кивнул Елисей, протягивая ему ладонь.

– Слово? – быстро спросил старик, пожимая ее.

– Слово, – улыбнулся парень.

– А с гильз доход? – влез в разговор Изя.

– С гильз тоже половину, – подумав, решил парень. – Все

равно без моего образца тебе не обойтись. Самому его делать долго придется.

– И снова он прав, – задумчиво покачал старик головой. – Такое впечатление, что в этом юном теле живет умудренный жизнью мужчина.

– Заглянув за край, быстро взрослеешь, – философски вздохнул Елисей. – Ну да бог с ним. Когда следующая партия гильз будет.

– Завтра принесу, – заверил Изя. – А сам чем займешься?

– Да опять на базар схожу. Нужно из одежды кой-чего прикупить. А то вон рубашка мала уже стала. Того и гляди, по швам треснет, – пожаловался парень.

Он и вправду стал замечать, что в последние несколько месяцев начал резко прибавлять в габаритах. Особенно в росте и плечах. Мастера оставили его заниматься своими делами, а вскоре Сара позвала его ужинать. Утром, выспавшись после очередной бурной ночи, Елисей действительно отправился на базар. Сразу пройдя в мануфактурные ряды, он не спеша прохаживался вдоль прилавков, лузгая семечки.

Приметив прилавок с подходящим товаром, парень подошел поближе и спросил посмотреть понравившуюся рубашку. Продавец, выложив ее на прилавок, принялся расхваливать товар, но Елисей уже не слушал его. Приложив рубашку к груди, он вытянул перед собой руку, прикидывая длину рукавов, когда рядом раздался чей-то издевательский голос:

– Гляньте-ка, мужики. Теперь и нищета смеет тут рубаш-

ки лапаты. Никак и у тебя денежки завелись, ряженный?

– Исчезни, шваль подзаборная, – презрительно фыркнул парень, продолжая рассматривать товар.

Краем глаза он отслеживал перемещение трех молодых мужиков, явно не местных. Судя по одежде, ватага каких-то пришлых загуляла.

– Ты кого швалью назвал, пес?! – взъярился мужик.

– Тебя, трепло безродное.

– Да я тебя, мразь, сейчас в дерьме утоплю, – завопил мужик и попытался ударить его в ухо.

– Ни дня без приключений, – фыркнул про себя Елисей, одним стремительным пируэтом уходя от удара и тут же нанося ответный.

Костяшки пальцев врезались мужику в горло, заставив его задохнуться и захрипеть от боли. Удар ногой в живот заставил мужика согнуться пополам, а удар ладонями по ушам окончательно вышиб из сознания. Лежа в пыли, говорун жалобно скулил, суча ногами и пуская слюни.

– Никак зашиб?! – всполошился продавец.

– Отойдет, – небрежно отмахнулся парень. – Бил бы сильнее, уже б остывал.

– Ты из пластунов, что ли? – растерянno поглядывая на корчащегося мужика, поинтересовался продавец.

– Считай, что так, – загадочно усмехнулся Елисей. – А чуть поболее у тебя такая же рубашка есть? А то боюсь, и эту скоро менять придется.

– Гляну, – кивнул продавец и нырнул под прилавок. – Вот, – выпрямившись через пару минут, показал он рубашку. – Самое то будет. А вообще, купил бы себе материи, какая нравится, да за денежку малую у любой толковой бабы рубашки бы и пошил, какие надо. Только пуговицы еще нужны будут.

– А материю почем продаешь? – заинтересовался Елисей, которому такое простое решение и в голову не пришло.

– Ну, ежели и рубашку, и материю и все остальное, что потребно, у меня брать станешь, то треть от всей цены скину, – помолчав и что-то прикинув, заявил продавец.

– Добро. Тогда рубаху эту. Материи вон той, серебристой, еще на три рубашки отрежь. И вон той, с цветочком, еще на одну, – вспомнил он про свою квартирную хозяйку. – Пуговиц разных с десятков положи, ну и ниток тоже.

– Разных, это как? – растерялся продавец.

– Ну, на рубашку и на кофточку женскую, – принялся пояснять Елисей, начиная терять терпение.

– А ниток каких? – не унимался дотошный продавец.

– А какими ту материю шить нужно, – нашелся парень.

Рассчитавшись за покупки, Елисей сунул под мышку увязанный шпагатом бумажный пакет и не спеша двинулся к базарной чайной. У входа в нее его перехватил городской, сообщив, что с ним желает поговорить дозначик. Спустя полчаса он выходил из участка, звеня в кошеле премией за поимку грабителей. Вот уж чего парень не ожидал от местных

властей, так это подобной щепетильности в этом вопросе.

Как выяснилось, генерал-губернатор учредил личную премию за поимку грабителей, воров и тому подобных криминальных элементов. И за выплату тех премий спрашивал очень серьезно. В итоге города предгорий считались едва ли самыми спокойными и безопасными для отдыхающих. Да и для местных обывателей тоже. Схватки с непримиримыми кланами в этот расчет не брались. Тут шла война. В общем, за свои действия Елисей получил в участке ровно тридцать рублей серебром. По десятке за голову.

Парень вышел на базарную площадь и в толпе едва не сбил с ног женщину, которую вчера и ограбили. Усталая, несколько растерянная, она смотрела на него с опаской и потаенной надеждой.

– Я вас не зашиб случаем, сударыня? – проявил Елисей вежливость.

– Нет, все в порядке, – качнула она головой. – Сударь, а вы не знаете, как добраться до крепости?

Как выяснилось, крепость, в которой парень и нашел себе приют, в этих местах осталась последней. Теперь ее так и называли, просто крепость.

– Это вам обоза купеческого ждать надо, сударыня, – удивленно проворчал Елисей. – С караваном-то спокойнее и безопаснее будет. У вас детки малые, а на тракте порой горцы шалят. Пойдемте, вон, в чайной купец сидит, у него и узнаем, когда обоз пойдет, – позвал парень, рассмотрев в

заведении знакомое лицо.

Растерянно оглянувшись, женщина неуверенно последовала за ним. Войдя в чайную, Елисей не спеша подошел к столу, за которым сидел купец, и, слегка склонив голову, поздоровался:

– День добрый, Ермолай Кузьмич.

– И тебе здоровья, Елисей. Присаживайся. С чем пожаловал? – оглаживая бороду, ответил купец. – Или нужда какая появилась?

– Тут вопрос появился, – кивнул парень. – Вот, дамочка спрашивает, когда в крепость караван пойдет. Я и подумал, что лучше тебя ее никто туда не сопровождает. Детки у нее малые. А на дорогах, сам знаешь, как бывает.

– Это верно, – с достоинством кивнул купец. – Ну, думать тут долго нечего. Через седмицу и пойду. А ты когда собираешься?

– Дня через два, три, как дела пойдут, – задумчиво отозвался парень. – Вот, сударыня. Ежели вам в крепость надо, то Ермолай Кузьмич и довезет. Теперь уж сами с ним уговоритесь. А к кому вы в крепость едете?

– Брат у меня там служит, – машинально ответила женщина, что-то обдумывая.

– В рядовых иль в чинах? – заинтересовался купец.

– В чинах, – снова кивнула она, явно даже не слушая, о чем ее спрашивают.

– А ведь у тебя с деньгами проблема, – вдруг сообразил

Елисей, вспомнив ее взгляд там, на рынке, сразу после ограбления.

— Ермолай Кузьмич, ты здесь остановился или в гостинице живешь? — повернулся он к купцу.

— Здесь. И к лавкам ближе, и кухня тут добрая. Да и комнаты чистые. Хозяин — приятель мой старый. А чего тебе?

— А как бы хозяина повидать? — спросил парень, не отвечая на вопрос.

— Да вон он, половых гоняет, — усмехнулся купец. — Поликарп, подойди, — окликнул он хозяина заведения.

Дородный мужчина возрастом под шестьдесят не спеша подошел к столу и, оглядев незнакомых посетителей, вопросительно посмотрел на купца.

— Вопрос у казака к тебе имеется, — перевел стрелки тот.

— Как вас по батюшке, почтенный? — вежливо уточнил Елисей.

— Поликарп Матвеич я, — ответил хозяин.

— Номер в две комнаты у вас найдется?

— Есть один свободный. Полтину в сутки стоить будет, с харчами если.

— Вот, дамочке на неделю требуется, — указал парень на женщину. — Она через неделю с Ермолаем Кузьмичом в крепость поедет. Вот и нужно, чтобы он за ней да детками ее до отъезда приглядел. Ну и чтоб не потерялась, ежели что.

— Ну, ежели плата устраивает, так можно и поселить, — пожал хозяин плечами, покосившись на приятеля.

Купец только кивнул, задумчиво поглядывая на Елисея. Женщина, услышав цену за постой, только опустила взгляд и поникла плечами. Не дожидаясь ее решения, парень вытащил кошель и, отсчитав десять рублей, выложил их стопкой на столе.

– Вот, Поликарп Матвеич. Изволь. И за постой, и за харчи, а сдачу потом ей отдашь. Мало ли что в дорогу надо будет.

И не дожидаясь ответа, вышел на улицу. Зачем он так поступил, Елисей и сам не очень понимал. Но чувствовал, что поступил правильно.

* * *

Подтянув подпругу, Елисей похлопал коня по шее и, повернувшись к хозяевам дома, улыбнулся:

– Ну, благодарствуйте за хлеб-соль. И ждите еще заказчиков. Даст бог, свидимся.

– Удачи вам, молодой человек, – грустно улыбнулся старый ювелир. – Храни вас господь. Изя, прощайся, и помоги мне подняться по лестнице. Ноги совсем не ходят, – вздохнул он, лукаво покосившись в сторону колодца, где что-то не спеша полоскала Роза.

– Береги себя, казак, – усмехнулся здоровяк, осторожно пожимая парню руку. – Такую голову нужно в шеломе возить, чтоб думала, а не под пули подставлялась.

– Ну, к голове у меня еще и руки приложены, так что еще

посмотрим, кто кого, – рассмеялся в ответ Елисей.

Подхватив деда за пояс, Изя в два шага поднял его по лестнице и, аккуратно поставив на пол, повел в лавку. Роза, увидев, что мужчины ушли, бросила свое белье и, подбежав к парню, тихо прошептала, нежно целуя в губы:

– Спасибо тебе, Елисеюшка. За добро и за ласку спасибо. Приезжай еще. Я ждать буду.

– Будет оказия, обязательно приеду, – пообещал парень, возвращая ей поцелуй.

Легко вскочив в седло, он разобрал повод и, чуть сжав колени, направил коня к воротам. Роза шла рядом, держась за стремя, с грустной улыбкой глядя ему в глаза. Уже в воротах, свесившись с седла, Елисей поцеловал ее еще раз и дал коню шенкеля. Заводной конь шел следом с поклажей, привязанный к задней луке седла. Сообщив на заставе, куда направляется, Елисей перевел коней на короткую рысь и таким аллюром двинулся к крепости.

Все запланированные дела в городе он сделал. И даже заказал ювелирам кислоту. Как оказалось, соляную кислоту тут знали и регулярно ею пользовались. Просто ее не было у них в необходимом парню количестве. А нужно ему было много. Вот и пришлось договариваться, чтобы ювелиры ее заказали, а потом переслали ему в крепость. Заказал он и перегонный аппарат. Винограда на Кавказе много, и выгнать из него спирт дело техники.

И спирт, и кислота Елисею нужны были для изготовления

взрывчатки и бездымного пороха. Точнее, для опытов по их изготовлению. В общем, планов у него было много. До крепости оставалось километров двадцать, когда дорога вывернула на небольшое дефиле, пролегавшее сквозь густую листовую рощу. Чуть придержав коня, Елисей задумчиво посмотрел вперед, и тут конь под ним, зафыркав, пошел боком, заволновавшись.

– Тихо, тихо, Буян, – похлопал его по шее парень, успокаивая. – Что, тишина тебе не нравится? Вот и у меня чуйка ноет. Ладно, приятель. Будем ухо остро держать. Ехать-то все равно надо.

Жеребец, словно понимая его слова, успокоился и, тряхнув гривой, тихо фыркнул. Елисей откинул затвор, проверяя карабин, и, убедившись, что патрон в патроннике, сжал колени. Лошади двинулись вперед, а парень, свесившись с седла, принялся рассматривать пыль на дороге. По пути его никто не обгонял и навстречу не попадался. Так что, если вовремя заметить свежий след, есть возможность раскрыть засаду до стрельбы.

Они прошли уже две трети дефиле, когда на дороге что-то блеснуло, и Елисей невольно наклонился вперед, пытаясь это что-то как следует рассмотреть. В ту же секунду ему обожгло спину, и нечто с тихим свистом ушло в кусты. Не раздумывая, парень пальнул туда, откуда предмет прилетел, и ударил коня каблуками. Буян с ходу перешел на короткий галоп, вынося всадника из опасной зоны. Доскакав до пово-

рота, Елисей придержал коня и, выбрав место, свернул в лес.

– Тихо, ребятки, тихо, – шептал он, привязывая Буяна к дереву и оглаживая его, чтобы успокоить. – Я ненадолго. Только сбегаяю, гляну, кто там такой шустрый. Сами знаете, таких шустриков наказывать надо. А то скоро тут караван пойдет.

Успокоив коней, он вытащил из переметной сумы свой маскхалат и, накинув его на плечи, скрылся в подлеске. Дорогу парень перебежал сразу за поворотом и, обойдя место засады по дуге, вышел в тыл тем, кто пытался на него напасть. Последние полсотни метров ему пришлось ползти попластунски. На крошечной поляне у громадного валуна, который отгораживал засаду от дороги, тихо ругались трое. Шагах в пяти от них были привязаны и их кони. Точнее, мерин и две кобылы.

– Ага. Вон оно как. Из лука снять пытались, да не повезло. Черт, под лопаткой жжет. Похоже, черкеску испортили, сволочи, – ворчал про себя Елисей, наблюдая за горцами. – Интересно. А с чего это они решили тишину соблюдать? До крепости тут далеко. Да и дорога эта не сильно оживленная. И от кого они прячутся?

Между тем горцы закончили спорить и, осторожно ступая, снова двинулись к дороге.

– О как! А им, похоже, все равно кого грабить. Странно, что за мной не погнались. Хотя, пока до коней бы добежали, пока на дорогу выбрались, а у меня фора. А там, глядишь,

и разъезд казачий появится. Рисковать не стали? Возможно. Ладно, хватит философствовать. Работать пора, – подтолкнул себя парень и пополз в сторону первого разбойника.

Судя по всему, этим путем они пользовались уже не один раз. Даже тропку успели натоптать. Двигаясь вдоль нее, Елисей вышел в тыл первому бандиту и, осторожно поднявшись, вытащил из перевязи нож. Стрелять он решил только в крайнем случае. Не стоило забывать, что их трое. Вообще следовало бы начать с лучника, но тот оказался в середине, и поднимись шум, Елисей оказался бы в клещах. Так что он решил начать с краю.

Тщательно примерившись, парень резким движением метнул нож, целясь противнику в основание черепа. Увесистый, отлично заточенный клинок вошел туда, куда он и целился, перерезав позвоночник. Бросок тяжелый, но в случае попадания гарантированно бесшумный. Человек даже захрипеть не успевает. Убедившись, что противник мертв, Елисей пополз к лучнику. Тот стоял за кустами в полный рост, прислонившись плечом к дереву. Похоже, ждать эти ребята умели. Сместившись так, чтобы оказаться между двумя горцами, Елисей бесшумно приподнялся и, примерившись, бросил второй нож.

Клинок вошел горцу под ухо. Тихо захрипев, тот выронил лук и начал медленно оседать. Елисей, не дожидаясь конца агонии, пополз к третьему бандиту. Тот, что-то почуяв, приподнялся со своей лежки и принялся озираться, высматри-

вая напарников и возможного противника. Но густой подлесок мешал. Не удержавшись, горец поднялся на ноги и, вытянув шею, тихо окликнул лучника. Вот тут Елисей и метнул третий нож. На этот раз, не мудрствуя лукаво, прямо в грудь.

Убедившись, что противник мертв, он схватил его за руки и поволок к лошадям. Тела нужно было доставить в крепость. Эта дорога не то место, где устраивают засады. Похоже, эта троица планировала напасть именно на разъезд. Стрела, пущенная в него, скорее дань привычки. Бандит увидел одинокого всадника и не сумел сдержать инстинкты. Уже больно навар в случае удачи был бы жирным.

Стачив все тела за валун, где горцы устроили бивак, Елисей уже привычно обыскал тела, проверил лежанки и, убедившись, что собрал все, принялся грузить бандитов на их же коней. Спустя сорок минут мата и тяжелого труда парень, утирая мокрый лоб, мрачно проворчал:

– Мать твою, да когда же я в себя наконец приду? Я даже инвалидом таким слабаком не был.

Отхватив от найденного аркана три куса, он привязал тела к седлам и, увязав лошадей цугом, взял мерина под уздцы. Выведя вязку на дорогу, он быстро довел ее до своей стоянки и, привязав повод мерина к седлу своего заводного коня, вскочил в седло. Часа через три, въехав в крепость, парень свернул на давно знакомую улицу и, остановившись у ворот, принялся отвязывать своего заводного коня. Увидевшая его Наталья обрадованно охнула.

– Отведи коня под навес, я потом обихожу. К коменданту срочно надо, – улыбнулся он ей, отдавая повод.

– Сделаю, не изволь беспокоиться, – заверила Наталья, удивленно глядя на тела бандитов.

Снова вскочив в седло, Елисей повел вязку к казармам. Комендант, увидев тела и услышав, где именно все произошло, после короткого размышления мрачно кивнул:

– Верно мыслишь, парень. Разъезд они ждали. А на тебя напали потому, как один ехал.

– Одного не пойму. Зачем им разъезд? – задумчиво протянул Елисей.

– Один разъезд пропал. Второй, третий. А в итоге в крепости гарнизон ополовинили, – вздохнул штабс-капитан. – Ладно. Вези их в покойницкую. Доктора я уже предупредил. Коней себе оставишь или продавать станешь? – поинтересовался он.

– Продам, конечно. Куда они мне, – пожал Елисей плечами. – Тут две кобылы и мерин. Думаю, в хозяйство возьмут.

– Возьмут, конечно. Мерин вон молодой, здоровый. В оглобли. В самый раз будет, – уверенно кивнул комендант. – Я с доктором поговорю. Он жаловался, что ему в амбулаторию лошадь нужна, для хозяйских нужд. Думаю, он и купит. Рублей сорок за такую животину найти можно.

– Ну, тогда за ним и придержу, – тут же поймал его на слове Елисей.

– Добро. Завтра и ответ будет, – улыбнулся штабс-капи-

тан, которому хитрость парня была вполне понятна.

Сам Елисей, не будучи барышником и разбираясь в лошадях постольку-поскольку, рад был побыстрее избавиться от живой добычи. Да и угодить начальству тоже не мешает. А тут как раз все складывается. Сдав тела двум пожилым солдатам из инвалидной команды, парень извлек из них свои ножи и, тщательно отерев их об одежду убитых, уложил на место. Извлекать оружие раньше он не стал, чтобы не оставлять за собой кровавых следов. Глядя на его спокойные, уверенные действия, один из местных санитаров качнул головой, негромко проворчав:

– Тебе бы, парень, у нас служить с таким спокойствием.

– А чего их теперь бояться? – усмехнулся Елисей в ответ. – Бояться живых надо. А эти ребята спокойные. Покладистые. Где положил, там и лежат.

Санитары рассмеялись его немудреной шутке, а парень, выдав им по полтине за беспокойство, отправился домой. Расседлав и обиходив коней, он перенес все добытое к себе в комнату и, умывшись, принялся извлекать из мешка подарки. Наталья уже хлопотала на кухне, готовя праздничный ужин. Его возвращение для нее означало, что ее семья будет все так же получать пусть не большой, но регулярный доход от коменданта крепости, а сам он продолжит помогать ей по хозяйству.

Выйдя в общую комнату, Елисей с улыбкой подмигнул изнывавшим от любопытства девчушкам и, выложив свертки

на стол, позвал:

– Наталья, подь сюда.

– Чего, Елисей? – робко спросила женщина, подходя к столу и на ходу вытирая руки передником.

– Вот, держи, – развернул парень первый сверток, протягивая ей отрез ткани.

– Господи! Неужто мне?! – ахнула женщина, не смея взять сверток в руки.

– Тебе, тебе, – усмехнулся Елисей. – И вот еще. Тоже тебе, – добавил он, разворачивая шаль. – Ну, а это вам, стрекозы. Выбирайте, кому какая глянется. Только не ссориться, – улыбнулся он, отдавая девочкам ленты. – А вот это после ужина, – закончил он, выкладывая на стол связку леденцов. Петушки на палочке.

– Леденцы! – дружно заверещали девчушки, глядя на лакомство восторженными глазенками.

– Вон, мамка потом даст. Только не все сразу ешьте. А то зубы испортите, – рассмеялся Елисей, глядя на их восторг.

– Балуешь ты их, Елисей, – смущенно высказалась Наталья, глядя на него с нескрываемой благодарностью.

– На то и дети, – вздохнул парень. – У меня ведь тоже сестренки малые были.

Тихо охнув, Наталья прикрыла рот ладонью. Потом, сообразив, что это было просто короткое воспоминание, быстро прихватила подарки и унеслась в свою комнату. Спустя полчаса она накрыла на стол, и Елисей принялся отдавать долж-

ное ее стряпне. Что ни говори, а готовить женщина действительно умела. Вкуснее нее готовила только бабка Степанида. Но у той и опыт был, иному профессионалу позавидовать впору.

К огромному удовольствию парня, и бабка, и Наталья готовили пищу с пряностями, именно так, как он всегда любил. А тут еще и общее влияние местных народов, где кухня без пряностей просто не бывает. В общем, от стола Елисей отвалился, едва переводя дыхание.

– Вот теперь и поспать можно, – проворчал он, глядя на хозяйку осоловелым взглядом.

* * *

Отодвинув ветку, Елисей осторожно выглянул в образовавшийся просвет и обрадованно усмехнулся. Крупный молодой олень, напившись, вскинул увенчанную еще не большими рогами голову и чутко повел ушами. Одновременно его влажный нос зашевелился, принюхиваясь. Елисей плавно поднял карабин и, наведя прицел зверю под лопатку, плавно спустил курок. Эхо выстрела загуляло по склону горы, а парень, сорвавшись с места, метнулся к ручью, где вытропил оленя.

Сильное животное сумело сделать два прыжка и, повалившись в кусты, забилося в агонии. Подбежавший парень одним резким движением кинжала перерезал ему горло, сли-

вая кровь. Перетащив тушу через ручей на свою сторону, парень быстро срубил пару жердей и принялся привязывать к ним колесо на короткой оси, которое достал из заплечного мешка. Ловко увязав добычу на эту импровизированную тачку, он подхватил свободные концы жердей и быстро зашагал в сторону крепости.

Охота удалась. Теперь главное быстро доставить ее домой. Жарко, и добыча быстро начнет портиться. Пронзительное конское ржание заставило парня резко остановиться и настороженно завертеть головой. Звук явно донесся откуда-то издалека. И ржала лошадь, от боли. Теперь, плотно пообщавшись с этими животными, Елисей уже научился различать подобные нюансы. Он простоял на месте минут пять, но ржание больше не повторилось.

Мрачно хмыкнув, Елисей снова навалился на ручки и отправился дальше. Прежде чем бросаться выяснять, отчего так ржала лошадь, нужно было узнать, кто из гарнизона крепости находится за ее пределами. К тому же в этой стороне дорог нет. А значит, путешествовать тут некому. Вот и выходит, что для начала нужно поставить об этом факте в известность коменданта. А уж решения принимать ему.

Спустя два часа, отдав добычу хозяйке, Елисей вошел в комендатуру и, поздоровавшись с дежурным, спросил, на месте ли комендант. Вздыхнув, тот покачал головой, негромко ответив:

– К нему сестра приехала, вот он домой и ушел. А тебе

чего?

– Я за долгий ручей на охоту ходил, а на обратном пути слышал, как еще дальше лошадь сильно ржала. Глянуть бы надо. Дорог там точно нет, – коротко сообщил Елисей.

– Это верно, дорог там нет, – подобравшись, кивнул дежурный. – Добро, комендант вернется, передам.

– А что, никого за него нету? – удивился парень, вспомнив, что в гарнизоне имеется еще с полдюжины офицеров и прапорщиков.

– За него сегодня поручик. Граф который, – скривился дежурный.

– Понятно, – кивнул Елисей, скривившись в ответ. – Ладно. Пойду я. А ты не забудь передать.

– Не забуду, – заверил дежурный.

Елисей вышел на улицу и, осмотревшись, вздохнул. Ждать решения можно долго, а возможные лазутчики ждать не станут. Значит, придется идти самому. Вернувшись домой, Елисей быстро распотрошил свой сидор и принялся готовиться к выходу на несколько дней. Только до места ему было идти часов восемь. В лесу особо не разгонишься. Проверив патроны, ножи, аптечку, которую собрал сам, парень прошел на кухню и, прихватив полкаравая хлеба, отсыпал в тряпицу соли. Пара головок лука, круг колбасы и кусок сала сойдут за сухой паек.

– Нужно бы озаботиться сухарями и вяленным мясом, – бурчал он про себя, укладывая сидор. – По лесу ходить мне

много придется, так что нужно готовиться. Плохо, что про консервы тут еще и понятия не имеют. И самому производство не наладить. Жести тут днем с огнем не найдешь.

Закинув сидор за спину, парень вышел во двор и, услышав голоса девчонок, зашел за угол дома, в сад. Увидев дочерей Натальи, парень окликнул их и, дождавшись, когда они подбегут, присел на корточки.

– Так, красавишны. Мамке скажите, что я на пару дней в лес ушел. Пусть не беспокоится.

– А зачем, дядька Елисей? – тут же последовал вопрос.

– Дело у меня там. Все, девчонки, ступайте играть.

Поднявшись, парень развернулся и вышел на улицу. Быстрым шагом выйдя из ворот, он сошел с дороги и, взяв карабин в руки, помчался к ручью рысью. До места своей охоты он добрался быстро. А вот дальше пришлось замедлиться и удвоить внимание. Накинутый на плечи маскхалат работал отлично, но только пока стоишь на месте. А стоит только пошевелиться, как вся маскировка летела к черту. К тому же травяная краска уже выцвела и стала заметной на фоне сочной лесной зелени.

Добравшись до подножия горы, Елисей взобрался на валун и, выпрямившись во весь рост, осмотрелся. В том, что звук шел откуда-то отсюда, он был уверен. Опыт в прошлой жизни был солидный. К тому же и воевать ему приходилось именно в горах. Так что осталось только найти место, где та лошадь погибла. Заметив слева на склоне небольшую про-

галину, Елисей спрыгнул с валуна и двинулся в ту сторону. Еще часа два блужданий по лесу, и на небольшой поляне, на которую выходила звериная тропа, он нашел лошадиную тушу.

Быстро осмотрев животное, парень задумчиво хмыкнул. Мерин сломал ногу, и его быстро добили. Ударом кинжала в сердце. А потом еще и глотку перерезали, чтобы не храпел. Похоже, кто-то очень старался соблюсти тишину. К тому же с мерина была снята вся сбруя. Вспомнив рассказы покойной бабки, Елисей осмотрел копыта животного и, мрачно усмехнувшись, еле слышно проворчал:

– Вот теперь все сомнения точно отпали. Не кованый. Бабка говорила, что горцы коней куют, только когда в долину едут. Похоже, так и есть. Ну, и куда эти ухари дальше отправились? – спросил он, поднимаясь и начиная обходить полянку по расширяющейся спирали.

– Ага, вон куда направились, – прошипел он, заметив примятую траву и поломанную ветку. – Похоже, они делают все, чтобы про них в крепости ничего не узнали.

Встав на след, Елисей удвоил осторожность и старался держаться параллельно тропке. Еще через два часа начало темнеть, и Елисей принялся устраиваться на ночлег. Выбрав карагач побольше, он взобрался на дерево и, достав из сидора гамак, устроил себе постель. Гамак у него был из веревки, которую горцы использовали для арканов. Обычное ячееистое плетение вроде рыболовной сети, на двух веревках по-

толще. Никаких распорок из дерева или еще каких удобств. Только пара металлических крючков для крепления.

Устроившись в гамаке, Елисей не спеша поужинал и, проверив, как закреплено оружие, спокойно уснул. В своей безопасности он был уверен. В темноте, да еще и в древесной кроне, его невозможно было заметить с земли. Главное, не начать храпеть. А так хоть всю ночь под деревом топчись. Не увидишь. Проснулся Елисей с первыми лучами солнца. Быстро намотав влажные от росы портянки, он свернул свой бивак и, убедившись, что под деревом никого и ничего нет, спустился на землю.

Найдя свою метку, которой отметил след, он двинулся дальше, надеясь, что подходящий ручей попадется раньше, чем его мочевой пузырь лопнет. Так к его удаче и получилось. След пересекал небольшой ручеек, и парень, пользуясь случаем, принялся приводить себя в порядок. Умывшись и оправившись, он быстро перекусил и зашагал дальше. След уводил его все дальше от крепости. Обойдя гору, парень оказался у входа в ущелье и, присмотревшись, бесшумно метнулся в соседние кусты.

У самого прохода, за которым ущелье и начиналось, Елисей приметил трех абреков. Они явно пытались прятаться, но, похоже, опыта в подобных делах у них было маловато. Солнечный луч играл на украшенных серебром ножнах кинжала. Мрачно осмотревшись, парень сменил направление и, обойдя секрет по дуге, принялся подниматься на склон ска-

лы, огораживавшей ущелье. Спустя четыре часа он выбрался на крошечный карниз и, улегшись на живот, принялся считать.

В ущелье стояло лагерем порядка двух сотен горцев. И стояли они здесь, похоже, давно. Шатры, коновязи, даже отхожее место оборудовано.

– Блин, почти воинское подразделение, – иронично хмыкнул Елисей. – Хотя, нужно отдать им должное, гадить где попало горцы не любят. Чистоплотность им прививать не нужно. Хотя чему удивляться. Они же перед каждым намазом моются. Вот только какого хрена они тут собрались? Ну не для совместной молитвы же. А самое главное, кто всем этим табором командует?

Словно в ответ на его вопрос, из самого большого шатра вышел крепкий мужчина в красной феске и принялся раздавать какие-то указания.

– Ну, кто бы сомневался. Турок, – мрачно прошипел парень.

Замеченный им осман, раздав команды, обошел шатер и скрылся в части ущелья, которую Елисей не просматривал. После полученных распоряжений горцы зашевелились, и Елисей, покосившись на сидевших в секрете абреков, принял решение:

– Так, валим нафиг в крепость и срочно сообщаем об увиденном.

Соскочив со своего наблюдательного пункта, парень

углубился в лес и, отойдя от стежки, по которой сюда попал, рысью понесся обратно. В крепость он вошел перед самым закрытием ворот. Не отвечая на вопросы солдат, удивленно рассматривавших его маскхалат, парень быстрым шагом добрался до комендатуры и, узнав, что комендант на месте, попросил принять его. Дежурный, удивленно посмотрев на парня, вызвал вестового и, передав ему просьбу, отправил к кабинету начальства.

Штабс-капитан Милютин принял парня в своем кабинете. Пригласив его войти, офицер достал из портсигара папиросу и, постукивая ею по костяшке пальца, вопросительно выгнул бровь.

– У вас карта толковая есть, ваше благородие? – быстро спросил Елисей, отставляя карабин.

Вместо ответа офицер поднялся и, достав из шкафа карту, привычным движением раскатал ее на столе. Придавив края карты, он жестом указал на нее парню. Подойдя к столу, Елисей быстро сориентировался и, уверенно ткнув пальцем в нужное место, сообщил:

– Вот тут распадок есть, а за ним ущелье. Небольшое, но есть ручей. В том ущелье сейчас стоит две сотни горцев, которыми турок командует.

– Откуда знаешь, что их две сотни? – тут же подобрался комендант.

– Пересчитал. У входа они секрет поставили, но я по склону горы поднялся, там карниз небольшой есть. Вот с него и

рассмотрел. Правда, оттуда не все видно было, а секрет унитождать я не стал. Чтобы не вспугнуть раньше времени.

– Правильно, – одобрил офицер. – Уверен, что турок командовал?

– Он в турецкой феске ходит, – пожал парень плечами. – И, похоже, они туда что-то тяжелое привезли. Лошадей больше, чем бойцов. Намного.

– Странно, что пластуны их не заметили, – помолчав, проворчал комендант.

– Они, похоже, по звериным тропам прошли, – коротко пояснил Елисей. – А пластуны перевал проверяли.

– Тоже верно, – кивнул штабс-капитан. – Ладно. Спасибо тебе, Елисей. Не скажу, что обрадовал, но нашел ты их очень вовремя.

– Случай помог, – пожал парень плечами.

– Случай, – все так же задумчиво хмыкнул офицер. – Похоже, любит тебя господь, раз уж так помогает.

– Вот уж за что не ведаю, – тут же открестился Елисей.

– Ты мне вот что скажи, – вдруг сменил тему офицер. – Женщине с двумя детьми в Пятигорске ты помогал?

– Добралась, значит, – моментально сообразил парень.

– Добралась, – кивнул офицер. – Сестра это моя единокровная. Муж у нее болел долго. И раньше-то на его жалование жили, а как заболел, так едва до голодухи не дошло. А как помер, так выяснилось, что жить им более не на что. Дом, и тот за долги забирают. Вот она и решила с детьми ко

мне податься. У меня, кроме нее, и нет никого более.

– Бывает, – понимающе кивнул Елисей, не очень понимая, зачем он это все рассказывает.

– В общем, рассказала она мне, как ты ее и на базаре выручил, и после. И купец подтвердил. Ты уж не обессуди, но деньги я тебе только в следующем месяце вернуть смогу. Сам понимаешь, жалованье у меня небольшое, а тут еще пришлось их устраивать, вот и поиздержался.

В голосе штабс-капитана звучало неподдельное смущение. Сообразив, что он говорит о тех десяти рублях, что Елисей дал женщине в чайной, парень чуть усмехнулся и, махнув рукой, заявил:

– Да господь с вами, ваше благородие. Какие долги? Я ж с той истории еще и с наваром остался, когда бандитов тех полиции сдал. Так что и думать забудьте. Да и не ждал я, что она сумеет мне те деньги вернуть. Так отдал.

– Просто так? – растерялся комендант.

– Ну, а как иначе-то? – развел парень плечами. – У нее двое деток малых на руках. Нешто я зверь какой, чтобы в беде бросить? С собой взять не мог, потому как верхом был. А вот помочь с обозом добраться, так это труда не составило. В общем, забудьте.

– Спаси Христос, Елисей, – взволнованно кивнул штабс-капитан, протягивая ему руку.

Три дня его никто не трогал, а на четвертый на двор явилось отделение солдат под руководством молодого прапорщика. Удивленно рассматривая этот конвой, Елисей невольно положил ладонь на рукоять пистолета. С оружием он не расставался даже в постели. Габариты и вес местных образцов сильно отличались от тех, к которым он привык, вот и приходилось таскать на себе килограммы железа, чтобы привыкнуть. К тому же ему приходилось все время что-то менять и переделывать в своей амуниции.

Одежда казаков сильно отличалась от той, что носили солдаты. Да и форму местной армии назвать удобной тоже было нельзя. А рядиться во что-то свое означало с ходу привлечь к себе ненужное внимание. И так вопросов к нему было больше, чем парень давал ответов. В общем, Елисею приходилось постоянно контролировать себя, чтобы хоть как-то слиться с местными.

Прапорщик, оставив солдат у ворот, прошел во двор и, улыбнувшись парню одними губами, негромко сообщил:

– Казак. Приказано тебя под стражу взять. Так что сдай оружие и за мной ступай.

– Это кто ж такое приказал, дозвольте узнать? – мрачно усмехнулся Елисей, глядя на него так, что прапорщик невольно сделал шаг назад.

– Приказ поручика Самсонова, – нехотя ответил он, отводя взгляд.

– Это с каких же пор поручик имеет власть такие приказы отдавать? – поинтересовался Елисей, чувствуя, что начинает свирепеть.

Приказ на арест граф мог отдать только в нескольких, строго оговоренных случаях. Если казак грубо нарушил правила проживания в крепости, совершил преступление, или граф, будучи дежурным, отдал боевой приказ, который тот не выполнил.

– Он сегодня дежурный. Пластуны из поиска вернулись, и слов твоих подтвердить не могут. Вот он и приказал, – помолчав, вздохнул прапорщик.

– Понятно, – мрачно кивнул Елисей. – Ладно, ваше благородие. Пойду я с вами. Вот только оружие свое не отдам. Не обессудьте. Не армия его мне давала, не ей его и забирать.

В ответ прапорщик только неопределенно пожал плечами. Будучи человеком опытным и в местных правилах понимающим, он отлично сознавал, что появление его солдат в качестве конвоя казака, даже такого юного, может обернуться серьезными неприятностями для всего гарнизона. Так что, согласие парня следовать в комендатуру, пусть под конвоем и с оружием, это уступка лично ему, как офицеру, исполняющему глупый приказ.

Сообщив выскочившей на шум из сарая Наталье, что идет к коменданту, Елисей аккуратно прибрал инструменты и вы-

шел на улицу. Шагая рядом с прапорщиком, парень вежливо здоровался с соседями, делая вид, что все так и должно быть. Но его спокойствие никого не обмануло. К тому моменту, когда конвой добрался до плаца, там уже собралось человек сорок казаков. Все при оружии и в весьма мрачном настроении.

Увидев эту толпу, прапорщик растерянно хмыкнул и, покосившись на парня, тихо проворчал:

– Вот уж не ждал, что они за тебя поднимутся.

– А они не за меня, они за себя поднялись. Знают, один раз уступишь, потом все время отступать станешь.

– Значит, ежели что, отбивать тебя всерьез станут? – спросил прапорщик, мрачней все больше с каждой фразой.

– Да. А пластуны сейчас где? – сменил Елисей тему.

– Так тут же. Нас ждут.

Кивнув, Елисей молча прошел в комендатуру и, поднявшись на второй этаж, уверенно вошел в уже знакомый кабинет для совещаний. Так его сам Елисей про себя обозвал. Как он называется на самом деле, он и понятия не имел, а спрашивать не рискнул. Граф Самсонов, вальяжно развалившись в кресле, где обычно сидел комендант крепости, увидев парня, мрачно усмехнулся и, выпустив кольцо папиросного дыма, презрительно фыркнул:

– Притащили, значит. Ну, рассказывай, тварь, зачем решил крепость горцам сдать.

– Вы белены объелись, сударь? – удивленно поинтересо-

вался Елисей, изо всех сил стараясь не сорваться, не наде-
лать бед.

– Тут это, Елисей. Не нашли мы ущелья того, – выступив
вперед, негромко сказал Евсей, командир тройки пластунов.

– Поляну с тушей лошадиной нашли? – чуть подумав,
быстро спросил парень.

– Это да. Это было, – кивнул пластун.

– Так надо было в обход горы по левую руку идти. Там
поляна с большим валуном будет, а за ней уже надо и вход
в ущелье искать.

– Ты мне голову не морочь! – рявкнул поручик, грохнув
кулаком по столу. – Ты предатель! Империю предал и род
свой казачий предал. Арестовать! – орал он, словно взбесив-
шись.

– Заткнись! – рыкнул в ответ Елисей, выхватывая писто-
лет. – Заткнись, тварь, пока я тебе язык голыми руками не
вырвал.

– Что? Прапорщик, почему он с оружием? – поперхнув-
шись собственным криком, спросил граф осевшим голосом.

– А не отдал, ваше благородие, – бодро отрапортовал пра-
порщик, делая над собой усилие, чтобы не рассмеяться. –
Мы ему оружия не выдавали и отбирать права не имеем.
Сразу буча поднимется. Извольте в окно глянуть, господин
поручик.

– А что там? – мрачней на глазах, быстро спросил граф.

– Казаки собрались. И ежели узнают они, что парня без

вины арестовали, то шуму будет много. Казаки своих не выдают.

– Значит, бунт против власти будет? – уточнил поручик, явно обрадовавшись.

– А при чем тут власть? – пожал плечами Елисей. – Вы, сударь, не власть. Вы военный. А власть у нас от бога. Кто ж против бога бунтовать станет?

– Что тут происходит? – раздался требовательный вопрос, и в кабинет стремительно вошел комендант.

– Да вот, ваше благородие, арестовать меня пытаются, – с усмешкой доложил Елисей, не опуская оружия.

– Это за что же? – угрюмо поинтересовался штабс-капитан, рассматривая поручика, словно какое-то вредоносное насекомое.

– Ущелья мы не нашли, ваше благородие, – коротко пояснил пластун.

– А до туши лошадиной добрались? – задал офицер правильный вопрос.

– Да. А вот до ущелья не сумели.

– Как же так, Ермил? – удивился штабс-капитан. – Вы ж следопыты опытные.

– Трава поднялась после их прохода, – подумав, вздохнул Елисей. – Надо было мне с ними сразу идти. Времени много прошло, вот след и простыл. Видать, горцы из того ущелья носа не кажут, потому и не заметили до сих пор.

– И чего же они ждут? – повернулся к нему комендант.

– Может, не все еще пришли, а может, срок не подошел, – пожал Елисей плечами.

– Ерунда это все, – решительно заявил поручик, пристукнув кулаком по столу. – Врет он. Не было там никаких горцев.

– Но лошадь погибшая была, – резонно возразил комендант.

– Да кто знает, откуда она там взялась! Может, это просто контрабандисты шли. А может, охотники, – продолжал упираться поручик.

– Ваше благородие, господин штабс-капитан, – убирая пистолет в кобуру, обратился Елисей. – Дозвольте завтра мне с пластунами сходить. Сам все на месте покажу.

– Нет! – тут же взвизгнул поручик. – Этого нужно арестовать немедленно. Предатель он. В железо его. В карцер.

– Уймись, поручик, – рыкнул штабс-капитан так, что подтянулись даже привычные ко всему пластуны. – Вы можете быть свободны, господа. И да, я согласен. Отправляйся с пластунами, Елисей, – добавил он и, повернувшись к поручику, припечатал: – А вы, граф, оставайтесь. Мы еще не договорили.

Интонация, с которой это было сказано, заставила всех находившихся в кабинете злорадно усмехнуться. Этот новенький поручик уже успел достать в крепости всех своим гонором и глупостью. Елисей, которому очень хотелось его просто пристрелить, вспомнил, что подобные экземпляры

встречались во все времена во всех службах. В его время их называли мажоры или папенькины сынки. От таких или старались побыстрее избавиться, отправляя их куда угодно, даже на повышение, или совали в такие дыры, где они моментально находили свою смерть.

Казачи вышли на плац, и Елисей, сняв папаху, коротко склонил голову, громко сказав:

– Благодарствую, казаки, что не бросили.

– Чего этому графу надо-то было? – слышался вопрос из толпы.

– Да он, похоже, и сам не знает, к чему придраться. Я холопа его за напраслину выдрал, вот он и бесится. Гонор покая не дает. Завтра со светом у ворот встретимся, – повернувшись к пластунам, добавил он.

В ответ пластуны молча кивнули. Убедившись, что все обошлось, казаки начали расходиться, а Елисей неспешным шагом направился к дому, на ходу обдумывая сложившуюся ситуацию. В том, что этот упрямый баран не уймется, Елисей больше не сомневался. Так что выхода тут было только два. Или шлепнуть его втихаря, выдав все за случайность или прицельный выстрел абрека, или уехать из крепости самому. Но в его планы уезжать не входило.

Здесь, в крепости, Елисей уже стал своим, и на все его чудачества с разными придумками перестали обращать внимание. В любом же другом месте все придется начинать сначала. К тому же в том же Пятигорске цены на жилье были

гораздо выше, чем тут, особенно если вспомнить, что за его проживание платит казна. В местных списках Елисей числился как стрелок. Ему даже было отведено специальное место на случай нападения.

В общем, пока его место было тут. А вот господину графу тут было совсем не место. И эту тему требовалось как следует обдумать. Вернувшись домой, парень первым делом занялся подготовкой оружия. Вычистив все стволы и смазав клинки, он начал собирать свой походный сидор. После своего выхода к ущелью Елисей попросил Наталью засушить ему сухарей и прикупил вяленой конины. Не тушенка, конечно, но есть можно. А главное, в этих припасах весу не много.

Тряпицы с солью и сахаром, жестянка с чаем, вот и весь пищевой запас. Далее последовали боеприпасы и аптечка. С ней у парня вообще были серьезные сложности. В этом времени толковых лекарственных препаратов еще толком не было, вот и пришлось ходить по травникам и аптекарям, выбирая лучшее из того, что есть. В общем, пришлось обходиться сушеными травами и резать на бинты тонкое полотно. От подготовки его отвлекла Наталья. Тихо постучав, она заглянула в комнату и, увидев, чем он занят, осторожно спросила:

– Опять в лес уйдешь?

– Угу. С пластунами. Кое-что проверить надо.

– Так, может, они сами управятся?

– Пытались уже, – вздохнул парень. – Без меня не полу-

чилось.

– Надолго ты?

– Дня на три-четыре. А ты чего всполошилась? – сообразил, что вопросы она задает не просто так.

– Да привыкла уже, что в доме мужик есть. Все легче. Пусть даже такой, – со странной улыбкой закончила она.

– Какой такой? – не понял Елисей.

– Молодой, – пожала женщина плечами.

– Так ты не шибко меня старше, – рассмеялся Елисей. – Только и разницы, что замужем была.

– Ой, не скажи, Елисей. Я мужней женой была и деток от него рожала. Потому и люди ко мне с уважением. Судьба такая, что вдовой стала. А вот ежели б я в грехе дитя понесла, то и отношение ко мне другим было бы.

– А как бывает, ежели, к примеру, сговорили парня с девкой, свадьбу назначили, и все у них нормально, вроде и любят друг друга, а потом вдруг убили его. А она на сносях оказалась. Ну, бывает же так?

– Иной раз случается, – кивнула женщина.

– И какое тогда к ней отношение?

– А тут у кого как, – вздохнула Наталья. – Это ж вроде и род погибшего продлился, а с другого боку, дитя в грехе прижили. В общем, тут все от семьи жениха зависит. Признают дитя, значит, все добром будет. А нет, то и до беды недалеко. А ты чего это интересуешься? Неужто из наших девок уже приголубил какую? – озорно усмехнулась она.

– Да нет, – отмахнулся Елисей. – Куда мне. Говорил же, с памятью у меня беда. Вот и спрашиваю, что на ум взбредет.

– Ладно, любопытный. Вечерять пошли, – улыбнулась Наталья. – В лес, небось, в первом свете побежишь.

– Угу, – усмехнулся Елисей, завязывая горловину мешка.

* * *

Сдвинув ветку, Елисей приложил палец к губам и тем же пальцем указал в нужную сторону. Лежавший рядом с ним Ер-мил понятливо кивнул и, выглянув в образовавшийся просвет, еле слышно зашипел сквозь стиснутые зубы. Убедившись, что он увидел все, Елисей жестом указал ему за спину и отполз. Последовавший за ним пластун устроился рядом и, расправив усы, еле слышно выдохнул:

– Я про это ущелье и не знал. А ведь раз двадцать мимо бегать приходилось.

– Сам видишь, как там все устроено. Пока носом в проход не упрешься, и не заметишь. Я б и сам не нашел, кабы не по следу искал.

Из подлеска выскользнули две бесшумные фигуры и, опустившись на землю рядом, откинули с голов капюшоны маскхалатов. К удивлению Елисея, его придумка с маскировкой нашла у пластунов горячую поддержку. Уже через пару дней после знакомства они щеголяли в халатах, похожих на его. Даже с некоторыми улучшениями. Отдышав-

шись, пластуны так же тихо поведали, что обнаружили еще один секрет. Немного в стороне от входа. На звериной тропе.

– А вот это плохо, – подобрался Елисей. – Меня они не заметили, но с чего-то осторожничать стали.

– Там еще и переполох какой-то в долине, – добавил второй пластун. Их имен Елисей так и не узнал.

Казаки эти были непростые. Молчаливые, суровые, смотрящие на мир так, словно подозревают всех вокруг сразу во всех грехах. Но при этом любое новшество, способное помочь им в их деле, принимающие на ура.

– Неужто уходить собрались, – всполошился Ермил.

– Не похоже, – качнул пластун головой. – С дерева особо не видать, но горланили чегой-то, а лошадей не трогали.

– Возвращаться надо, – помолчав, высказался Елисей. – Доложить.

– Присмотреть бы за ними надо, – задумчиво проворчал Ермил.

– Если присматривать, то двоим, – пожал плечами парень. – А приказа на разделение не было. Решать тебе, конечно, но я бы вернулся. Пусть комендант решает. У них отсюда дорог только три. Или к крепости, или к городу, или обратно в горы. В горы им идти смысла нет. Не для того здесь собирались, вот и выходит, или к нам, или в город. Я так думаю, сначала к нам пойдут.

– С чего так решил? – тут же заинтересовался Ермил.

– А с того, что на город идти, когда мы сзади, им смысла

нет. С двух сторон заждем и раздавим. Да и гарнизон там больше. Намного. А вот крепость наша им мешает крепко. Тракт-то она перекрывает так, что мимо никак не проскочишь. Только козьими тропами. А там много не увезешь.

– Но сюда-то они пришли. Теми самыми тропами, – резонно возразил пластун.

– Верно. Но только мы не знаем, как долго они шли, и как долго собирались, – пожал Елисей плечами. – Впрочем, тебе решать. Я тут только так. Провод ником.

– Не прибедняйся, – отмахнулся Ермил. – Кабы не ты, мы б про эту долинку и не узнали. Было бы тебе годков поболее, к себе в ватагу взял.

Это было неожиданно и приятно. Услышать от профессионального разведчика признание своих умений и заслуг дорогого стоит. В ответ Елисей благодарно склонил голову. Казаки только понимающе усмехнулись и продолжили совет. С тем, что за ущельем нужно приглядывать, все были согласны, но их было слишком мало, чтобы перекрыть все задачи, которые им нарезал комендант.

– Ладно, – подумав, принял решение Ермил. – Тут ходу всего день. Успеем до крепости сбегать. Скажет комендант вернуться, значит, вернемся. Прав парень. Может, он кого другого сюда приглядывать пришлет. Дело-то нехитрое.

– Тогда снимаемся, – предложил Елисей. – До темна время еще есть. Почитай полпути отмахать успеем. В лесу заночуем и в крепость днем вернемся.

– Добро. Так и сделаем, – кивнул Ермил и первым поднялся.

Спустя минуту на месте, где только что сидели четверо, осталась только примятая трава. Четыре фигуры растворились в лесу словно призраки. Шагая по лесу, Елисей продолжал обдумывать ситуацию и все больше склонялся к выводу, что эта толпа собирается напасть именно на крепость. Они горцам и вправду давно уже были словно кость в горле. Про турок и остальных европейских господ и говорить не приходилось. Им владычество России на Кавказе было словно серпом по известному месту.

Часа через четыре, удалившись от входа в ущелье километров на тридцать, они встали на ночевку. Костер разводить не стали. Нарубив веток, казаки организовали себе лежки и сели ужинать, при этом с удивлением поглядывая на Елисея. Тот и не собирался ночевать на земле. Поев и оправившись, отойдя к ручью, парень достал из мешка свой гамак и принялся выбирать подходящее дерево.

– Ты кого ловить собрался, казак? – не удержавшись, поинтересовался Евсей, увидев у него в руках сеть.

– Сны, – усмехнулся Елисей и полез на дерево.

Быстро растянув гамак, он спустился за своими вещами.

– Это что ж такое? – удивленно протянул один из пластунов, рассматривая его постель.

– Гамак это. Я такой в саду господском видел. Только господа в таких отдыхают, а я решил для леса приспособить,

чтоб на земле не ночевать. Ночи у нас темные, ежели не хранишь, то не заметишь, даже если под ним стоять.

— А ведь и верно. В листве ночью и не заметишь, — удивленно хмыкнул Евсей. — Дорого встал?

— Сам сплел, — отмахнулся парень. — Вернемся, веревки мне аршин тридцать найдите, и вам сплету.

— Добро. Найдем веревку, — тут же пообещал пластун.

Забрав оружие и вещи, Елисей снова взобрался на дерево и, закрепив свою поклажу, устроился на ночлег. Спустя пару минут он уже спокойно спал. Разбудил его пронзительный птичий щебет. Какая-то птаха, размером меньше его кулака, сидела в метре от спящего парня и самозабвенно щебетала. Пошевелившись, Елисей посмотрел на птицу и, вздохнув, еле слышно проворчал, выбираясь из гамака и тут же проверяя оружие и своих попутчиков:

— Чтоб ты охрип, горлопан. Нашел место, где орать.

Убедившись, что казаки тоже начали просыпаться, парень соскользнул на землю и первым делом отправился к ручью. Приводить себя в порядок. Завтракали разведчики на ходу. К середине дня они вышли к крепости и облегченно перевели дух. Дело сделано. Теперь решение принимать начальству. Уже в крепости они разделились. Пластуны отправились на доклад к коменданту, а Елисей двинул домой. Баню топить.

После всех этих пробежек по лесу очень хотелось как следует помыться и надеть чистое. Что ни говори, а лето в пред-

горьках жаркое. Одежда пропахла потом, что называется, на выстрел. Поздоровавшись с хозяйкой, парень убрал оружие и принялся топить баню. Наталья, прекрасно знавшая, что с дороги помыться первое дело, даже не собиралась возражать. Натаскав воды, Елисей запарил дубовый веник и, усевшись на лавку у стены бани, вытянул уставшие от ходьбы ноги.

Еще пара часов, и можно начинать блаженство. Баню он всегда любил. Единственное, что его не устраивало, так это то, что баня здесь еще топилась по-черному.

«Надо попробовать трубу выложить», – лениво подумал парень, блаженствуя на солнышке. А то баня сложена крепко, а угореть в ней можно на раз-два.

Разленившись, он не сразу узнал голос, окликнувший его. Открыв глаза, Елисей удивленно оглянулся в сторону ворот и увидел над плетнем голову коменданта.

«Вот это здрасьте», – удивленно подумал он, вскакивая на ноги.

– Выйди, – коротко велел штабс-капитан, кивая ему на ворота.

– Случилось чего, ваше благородие? – спросил Елисей, выскакивая на улицу.

– Случилось, – мрачно кивнул офицер. – Поручик, граф который, на охоту уехал. Второй день нет. Боюсь, как бы к горцам не угодил.

– А сколько их уехало? – поинтересовался Елисей.

– Он да все слуги его. Даже проводника не взял, – ответил офицер, мрачно поджимая губы.

– Ну и кто ему виноват? – развел парень руками. – Гонор не дозволил? Небось заплутали в лесах. Тут полк потерять можно, не то что охотников.

– Так-то оно так. Да только, ежели он к горцам в лапы угодит, виноватым меня сделают, – вздохнул штабс-капитан.

– С чего бы? – удивился Елисей. – Вы ему велели проводника брать?

– Велел.

– Не взял?

– Посмеялся только, – снова скривился офицер.

– Ну и кто ему доктор? – на автомате фыркнул Елисей.

– Чего? Какой доктор? – не понял комендант.

– Ну, вы ж не доктор, чтобы дурака уму-разуму учить, – выкрутился парень. – Да и не вправе вы указывать, кому как личное время проводить. Вздумалось ему на охоту ехать, имеет полное право. Не мальчик. Офицер. А что слушать вас не стал, так тут уж вы ничего поделать не можете. Хочет человек голову черту в пасть сунуть, все одно сунет, что ты ему ни рассказывай.

– Это верно, – вздохнул штаб-капитан. – В общем, я чего тебя искал. Ты завтра сбегал бы к перевалу. Следы посмотрел. Пластуны к ущелью твоему солдат поведут.

– Солдат? – удивленно переспросил Елисей. – Может, лучше с казаками сговориться. Пусть посидят там, присмотр-

рят. Они к нашим лесам привычны. А солдаты курить начнут, костры жечь. Приметят.

К его удивлению, среди казаков грех курения был распространен слабо. По мнению самого парня, это из-за того, что в основной своей части они придерживались в религии староверского течения. Того, что было до раскола церкви. Впрочем, этот вопрос Елисея волновал меньше всего. Так, промелькнула информация, и ладно.

– Тоже верно, – подумав, согласился комендант. – Так что, сбегашь?

– Завтра уж, – вздохнул Елисей, которому этот поручик нужен был, как зайцу триппер.

– Понимаю тебя, – грустно усмехнулся штабс-капитан, заметив его мину. – Да только мне и попросить более некого. А пластуны тебя хвалят. Ермил говорил, что в лесу ты не хуже них держишься. И ходишь правильно, и придумки у тебя к лесу толковые есть.

– Схожу, ваше благородие, – усмехнулся Елисей. – Да только думаю, смысла в том уж нет. Ежели его горцы взяли, то там и след простыл, а ежели он там вино пьянствует, то мне выходить только собак дразнить. Бедой обернется.

– Давай так. Найдешь их, близко не подходи. Со стороны глянь, чем заняты, и обратно. Мне главное знать, что жив. Остальное – как бог даст.

– Да не переживайте вы так, ваше благородие, – отмахнулся Елисей. – Граф из семьи богатой. Ежели что, выкупится.

Заодно, глядишь, и гонор ему горцы пообломают. Да и для карьеры такой случай полезен будет.

– Типун тебе на язык, – фыркнул штабс-капитан, с усмешкой покачав головой. – Он же злопамятный. Вернется, начнет мне козни строить, за то, что сразу выручать не бросился.

– Это как же? – не понял Елисей. – Он на охоту подался, а вы, значит, должны следом бежать и за ним приглядывать? А крепость на кого?

– Ты это папаше его объясни, – отмахнулся офицер. – Мне из генерал-губернаторства такую депешу из-за него прислали, что самому застрелиться впору, чем все их просьбы исполнить. А оттуда просьба – читай приказ.

– Да уж, ситуация, – протянул Елисей, почесывая в затылке. – То-то я смотрю, он сам с собой сговориться не может. Знал, небось, про депешу.

– Похоже, – вздохнул комендант и, попрощавшись, сел в свою пролетку.

Ходить по крепости пешком при его должности было неуместно. Верхом или в пролетке. Хотя Елисей прекрасно видел, что этому офицеру, сумевшему выслужить свою должность благодаря воле и характеру, такое правило только мешало. Штабс-капитан был человеком прямым и не заносчивым. И даже дворянское происхождение не мешало ему говорить с обывателями в крепости на равных. Хотя дистанцию он держать умел. Не отнимешь.

Вернувшись во двор, Елисей убедился, что дрова прого-

рели, а сама баня прогрелась, и, прихватив жбан с квасом, отправился париться. Часа через два, отмывшись до скрипа, он вернулся в дом и, поужинав, рухнул спать. Делать что-то после такого блаженства было просто грешно. Проснувшись с первыми лучами солнца, парень быстро перебрал свой вещмешок и, прихватив оружие, снова ушел.

Наталью он предупредил еще вечером, так что потратить день на поиск этой ходячей проблемы парень мог. Выяснив примерное направление, куда собирался отправиться поручик, Елисей нырнул в лес и тут же перешел на легкий бег.

* * *

Через четыре часа выйдя к каменной осыпи, Елисей определился на местности и, убедившись, что пришел куда надо, принялся искать место стоянки горе-охотников. Поручику вздумалось съездить, горных баранов пострелять. Это рассказал ему штабс-капитан, когда парень пришел к нему посмотреть карту. Так что теперь, нарезая спираль, Елисей всматривался в следы на земле, еле слышно ворча себе под нос:

– Баранов ему пострелять. Тебя самого бы пристрелить, как того барана. Лето в разгаре, а ему охотиться вздумалось.

Обнаружив проход в кустах, он вышел на большую поляну с родником и, замерев на самом краю, мрачно покачал головой.

– Твою ж мать! Вот это попадалово. Похоже, уволокли аб-реки нашего графа.

Спустя десять минут он убедился в правильности своих выводов. По всей поляне были раскиданы личные вещи, какие-то тряпки и битая посуда. Под деревом, в тени, стояла брошенная коляска, в которой граф и приехал. Медленно обходя поляну по кругу, Елисей убедился, что всех приехавших взяли живыми, и, вздохнув, проворчал:

– Морды били, но, похоже, живы все. Так, нужно найти что-то, что можно было бы показать коменданту как доказательство, – снова вздохнул он, рассматривая разбросанные вещи.

Под кустом обнаружился шелковый тапок, из тех, в которых ходят дома, и, тихо рассмеявшись, он подобрал и сунул его в мешок. Убедившись, что ловить тут больше нечего, парень отметил сломанной веткой проход в кустах и понесся обратно. В крепости, пройдя сразу в комендатуру, Елисей поднялся на второй этаж и, войдя в кабинет, молча положил на стол найденный тапок.

– Что это? – потемнев лицом, тихо спросил комендант.

– Тапок графский, – пожал Елисей плечами. – Скрали поручика. Вместе с холопами. Крови нет нигде, выходит, всех живьем взяли.

– О господи! – охнул комендант, закрывая лицо руками. – Что ж теперь будет-то?

– А ничего не будет, – жестко отозвался парень. – От-

пишите генерал-губернатору сами. Так, мол, и так, господин поручик, воспользовавшись своим свободным от службы временем, отъехал из крепости на охоту, не пожелав воспользоваться советом и утверждая, что желает развлечься. А спустя двое суток вы приняли решение отправить к нему пластуна, потому как обратно граф не вернулся, хотя должен был выйти на службу. Думаю, такое письмо сможет многое там прояснить.

– А дальше? – спросил комендант, удивленно глядя на него.

– А дальше еще одно письмо. Что, мол, вернулся пластун и сообщил, что место стоянки нашел и по следам определил, что захватили графа горцы. И более о его судьбе вам ничего не известно. Пусть, мол, известия и письма с просьбой о выкупе ждут.

– Не поможет, – подумав, вздохнул комендант.

– А ежели вообще ничего не делать, еще хуже будет, – пожал парень плечами.

– Тоже верно, – вздохнул штабс-капитан. – Ладно, ступай, казак. Спаси Христос, Елисей, за помощь.

– Обойдется, ваше благородие, не переживайте, – улыбнулся в ответ парень и вышел из кабинета.

Вернувшись домой, он едва успел переступить порог, как в комнату ворвалась Наталья и с порога огорошила его известием, что из Пятигорска ему привезли посылку. Купец, пришедший в крепость с караваном, оставил ее в сарае. Об-

радовавшись этому известию, Елисей с довольным видом даже руки потер. Вот теперь можно и серьезным делом заняться.

– А что там? – спросила Наталья, не сдержав любопытства.

– Инструмент всякий и материалы для работы, – отмахнулся парень.

– Опять делать чего собрался, – понимающе кивнула женщина.

– Угу. Только сначала нужно место подходящее найти, чтоб не вышло чего, – буркнул парень, почесав в затылке.

– А чего нужно-то?

– Да сарай какой старый. Лучше каменный. Чтоб печка была и крыша целая. С остальным сам разберусь.

– А чего там искать, – пожала Наталья плечами. – За плацем ажно три таких сарая под стеной стоят. Только с комендантом уговориться надо, чтоб дозволил пользоваться.

– А вот это уже интересно, – обрадовался Елисей. – Завтра и посмотрю.

– Ага. Вечерять станешь, или сначала займешься чем?

– Повечеряю, пожалуй. Особо дел нет, – улыбнулся парень и отправился к колодцу, мыться.

После ужина, пройдя в сарай, Елисей распотрошил ящики с приехавшим оборудованием и, осмотрев все, весело усмехнулся. Ювелиры прислали все, что он заказывал. Кислота, в большой бутылки толстого стекла с притертой пробкой. Пере-

гонный аппарат, сделанный Изей по его чертежам, и по полсотни гильз двух калибров. Это уже шло вроде как бонусом, от самих мастеров. Закрыв сарай, Елисей вернулся в дом, а утром первым делом отправился к стене, где, по словам его домашней хозяйки, пустовало три сарая.

Наталья сказала верно. Сарай там были. Два Елисею не подходили. Один слишком большой, у второго провалилась крыша, а вот третий был в самый раз. Внимательно обследовав его, парень проверил печь и дымоход и, подперев дверь поленом, отправился к коменданту. Работать он собирался с горючими и взрывчатыми веществами, поэтому место ему подходило идеально. У сараев кроме стены и плаца никаких построек и тем более жилых домов не было.

Быстро договорившись со штабс-капитаном, Елисей помчался на базар. Прежде всего нужно было решить вопрос со спиртом. Найдя местного торговца зерном, он выкупил у купца три мешка плесневелого зерна и, перевезя их в уже свой сарай, занялся делом. Шесть больших глиняных чанов, которые он взял временно у виноделов, были заполнены распаренным зерном и залиты подслащенной медом водой с добавлением дрожжей.

Крышки чанов пришлось уплотнять кожей и обвязывать веревками. Обложив чаны овчинными шкурами, Елисей выставил их так, чтобы солнце подогревало их через окна, и занялся изготовлением вытяжки. Кузнецы за пару часов выгнули ему из толстой жести воронку и несколько труб с от-

водами. Перетащив все это добро в сарай, Елисей поспешил к плотникам. Два длинных крепких стола, пара этажерок и грубый стеллаж были сделаны за пару дней.

Оборудовав сарай, парень приступил к перегонке получившейся браги. Гнал он самогон через угольный фильтр, стараясь сразу удалить сивушные масла. Закончив с брагой, он перегнал полученный продукт еще раз и, отлив немного в плошку, вышел на улицу. Рассматривая прозрачный спирт на просвет, Елисей усмехнулся:

– Опыт, его не пропьешь.

С этими словами парень поднес к плошке горящую лучину и едва успел отдернуть руку. Жидкость полыхнула не хуже керосина.

– Градусов восемьдесят точно есть, – довольно кивнул парень, разглядывая голубые язычки пламени, плясавшие в плошке.

– Чем это вы тут заняты, молодой человек? – слышался вопрос, и к сараю, поправляя пенсне, подошел доктор.

– Доктор, а что такое спиритус вини? – с ходу огорошил его Елисей вопросом. – Это по-каковски будет?

– Это, молодой человек, латынь. Винный спирт означает. А откуда вы это узнали?

– Шоб я помнил, – развел Елисей руками. – Вот, мелькнуло что-то в памяти, я и сделал. Горит хорошо, но уж больно вонюче.

– Погодите, так это у вас спирт? – растерялся доктор, не

веря собственным ушам.

– Да хрен его знает, что там получилось. Сейчас принесу, – смеясь про себя, ответил парень и, нырнув в сарай, вынес ему рюмку спирта.

Доктор осторожно взял рюмку в руку, старательно принялся к ней, после чего осторожно коснулся жидкости языком. Сплюнув, он растерянно посмотрел на парня и, возвращая ему рюмку, осторожно спросил:

– И много у вас такой жидкости получилось?

– Ну, есть малость, а что?

– Вам она для чего-то нужна? – последовал новый вопрос.

– А вам что, надо? – в эту игру Елисей мог играть долго.

– Эта жидкость весьма полезна при проведении операций.

Из чего вы ее сделали?

– Так из зерна плесневелого. Купил по дешевке да запарил.

– Прекрасно. Я готов купить у вас его, – тут же заявил доктор.

– Кого, зерно? – включил дурака Елисей.

– Да нет же. Спирт, – всплеснул доктор руками.

– Да господь с вами, сударь, – рассмеялся Елисей, уже сообразив, что взятку продуктом ему дать придется. – Прикажете бутыль подходящую принести, я вам и так отолью.

– Одну минутку, молодой человек, – засуетился доктор. – Я сейчас вернусь.

Развернувшись, он быстрым шагом прошел в свою амбу-

латорию и спустя несколько минут вернулся обратно, неся в руках примерно литровую бутылку с притертой пробкой. Забрав у него тару, Елисей налил ему бутылку почти под горлышко и, вынеся, сказал, возвращая:

– Вам ежели сильно надо, прикажите лежалое зерно и старый мед мне принести. Я вам еще сделаю.

– Благодарствую, голубчик, я постараюсь найти, – закивал доктор, с подозрением поглядывая на сарай.

«Так, похоже, нужно срочно замок делать. Этот может и влезть от любопытства», – подумал Елисей, прощаясь.

Выпроводив врача, Елисей прибрался в сарае и, закрыв дверь на петлю из толстой проволоки, отправился на базар. В мясные ряды. Купив примерно килограмм говяжьего жира, он вернулся в сарай и, бросив его на сковородку, принялся вытапливать. Перелив топленый жир в глиняную миску, парень дал ему остыть и, отлив немного кислоты из бутылки, начал осторожно поливать ею жир. Получив вязкую, маслянистую массу, он убрал емкость с кислотой и, вернувшись к столу, стал добавлять в массу спирт, постоянно ее помешивая деревянной лопаткой.

Когда получившаяся масса стала прозрачной, парень убрал спирт и, выйдя на улицу, принялся осматривать получившийся результат при солнечном свете. На первый взгляд все было так, как и должно быть. Маслянистая жидкость, с неприятным запахом. Вздохнув, Елисей отставил миску под стену сарая, за угол и, зачерпнув немного лопаткой, резким

движением стряхнул несколько капель на землю. Вспышка и звонкий хлопок заставили его растерянно замереть на месте.

– Блин, что, вот так просто? Взял и сделал? – проворчал Елисей, рассматривая опаленные участки на земле. – Вот это уже настораживает. Так просто не бывает. Ладно, теперь нужно это дерьмо стабилизировать. Если я правильно помню, сделать это можно или глиной, или опилками. Глину с нитроглицерином мешать, это форма извращенного самоубийства. Так что берем опилки.

Старая корзина с опилками у него в запасе стояла уже давно, так что привести задуманное в жизнь труда не составило. Главное, как помнил парень, делать все нужно плавно и без сильных нажатий. Смешав опилки с нитроглицерином, Елисей мрачно посмотрел на получившуюся массу и, хлопнув себя ладонью по лбу, выругался, понимая, что сделал серьезную ошибку:

– Идиот, блин. А начинать ты этим что будешь? Графу в задницу, что ли, затолкаешь?

Оглядевшись, он заметил подходящий глиняный горшок и, подхватив его, принялся перекладывать полученную смесь. Закончив, он нашел подходящую крышку и, осторожно обвязав горшок веревкой, выкопал в углу сарая ямку в земле. Держать такую мину нужно было в прохладном месте. Это Елисей помнил точно. Закончив, он присел на трехногий табурет и, почесав в затылке, принялся вспоминать, чем лучше всего инициировать взрыв такой смеси. По всему вы-

ходило, нужен бикфордов шнур и ружейный капсюль.

– Так. Придется искать селитру, – вдохнул парень, удрученно качая головой. – Взрыватели будем изобретать после того, как гранаты сделаем. Блин, нужно несколько корпусов кузнецам заказать. Чугунных. Твою мать. Опять все в пружины упирается. Как же этот каменный век достал! Ладно. Заказываю корпуса и пробую бездымный порох сделать. Опять тратиться придется, – вздохнул он и, поднявшись, принялся наводить в сарае порядок.

Спустя час он подробно объяснял кузнецам, что именно ему нужно и где резьбу накручивать. Слушая его, мастера только хмыкали и головами качали, не понимая, что он снова задумал, но помня, что парень ничего просто так не делает, заказ приняли.

* * *

– Да блин, как же тебя нарезать?! – тихо рычал Елисей, вертя перед собой железный противень, на котором лежал кусок хлопчатника, вымоченный в кислоте. – Видно, надо было сначала спиртом смочить. Ладно. В следующий раз буду умнее.

Взяв грубо вырезанную деревянную колотушку, он отжал хлопчатник и, обработав его спиртом, отправил сушиться на полку. Идея создать бездымный порох увлекла его давно. После получения нитроглицерина он очень надеялся, что су-

меет сделать патроны гораздо мощнее нынешних, что заметно повысит боевые возможности местного населения. Что ни говори, а в каждой станице по всем предгорьям живут сотни вдов, потерявших мужей в набегах и стычках. К тому же вот-вот должна была разразиться очередная кровопролитная война, в которой снова будет гибнуть цвет нации.

Елисей, сознанием бывшего военного, вообще не понимал, как население России все еще существует. Ведь в каждой войне вот уже много веков подряд вырезается, угоняется в рабство и просто уничтожается генофонд страны. И тем не менее Россия все еще существует. Вырвавшись из своих размышлений, парень аккуратно проверил сохнувший на противне хлопчатник и, усмехнувшись, вынес его на улицу.

Положив железку так, чтобы ничего горючего рядом не было, Елисей взял заранее приготовленный факел на длинной палке и, запалив его, поднес огонь к противню. Последовала яркая вспышка, и на противне осталось только пятно. Разглядывая небольшой клуб дыма, который быстро рассеивался в воздухе, Елисей только довольно улыбался. Получилось. Осталось решить несколько рабочих моментов, и можно начинать.

– А не пора ли мне испытать взрывчатку? – иронично проворчал парень, с удовольствием потягиваясь. – Тем более что бикфордов шнур я уже сделал.

Как выяснилось, найти в крепости ямчугу, как тут называли селитру, оказалось не сложно. Многие казаки умели де-

лать порох сами и держали ее в запасе. Этот факт парня серьезно удивил. Но из разговоров скоро стало понятно, что иного выхода у казаков просто не было. Оружие огненного боя давно уже получило признание у казаков, а вот вопрос пополнения запасов пороха им пришлось решать самостоятельно. Корона помогать не пожелала.

Точнее, помощь такая оказывалась только во время ведения активных боевых действий. Во все остальное время казаки должны были обеспечивать себя сами. Вот и выделявали порох кто как сумеет. В общем, все как всегда в нашем богоспасаемом государстве. Найдя селитру, Елисей развел ее в воде и, вымочив в ней тонкую льняную веревку, как следует высушил. Отрезанный от метрового шнура кусочек при испытании горел ровно, устойчиво и всем попыткам погасить его сопротивлялся весьма упорно.

Вернувшись в сарай, Елисей достал горшок с динамитом и, осторожно переложив немного в небольшую глиняную кружку, снова убрал горшок в ямку. Отрезав кусок шнура, он втокнул кончик в ружейный капсюль и, палочкой продавив в динамите отверстие, сунул туда подрывной заряд. Обвязав горловину кружки тряпицей, он запер сарай и отправился за стену. На стрельбище. Самое удобное место для проведения подобных испытаний.

Там тренировался в стрельбе десяток солдат, которыми командовал тот самый прапорщик, что приходил арестовывать Елисея. Пряча усмешку, парень вежливо поздоровался

с ним и, дождавшись перерыва в стрельбе, попросил дать ему возможность быстро испытать свою задумку. С интересом посмотрев на него, прапорщик объявил перекур и, не сдержав любопытства, отправился следом за парнем, когда тот двинулся к мишеням. Установив кружку на земле, Елисей принялся чиркать кресалом, ругая про себя местные технологии.

– И что это будет? – нейтральным тоном поинтересовался прапорщик, доставая пачку папирос.

– Сейчас увидите, – усмехнулся Елисей, раздувая трут. – Вы только отойдите подальше, чтоб не случилось чего.

Удивленно хмыкнув, прапорщик чуть пожал плечами и с независимым видом отступил на три шага, прикуривая. Запалив шнур, Елисей вскочил на ноги и припустил обратно к огневому рубежу, волоча за собой прапорщика, который от такого обращения едва папироску не проглотил. Придя в себя, он резким движением вырвал локоть из пальцев парня и уже открыл рот, чтобы начать возмущаться, когда в овраге грохнул взрыв. Осколки кружки свистнули в воздухе, заставив его от неожиданности присесть и втянуть голову в плечи.

– Я ведь говорил, отойдите от греха, ваше благородие, – усмехнулся Елисей и отправился проверять результат подрыва.

– М-да, для гранат самое то будет, – еле слышно проворчал он, присаживаясь над небольшой воронкой, оставшейся от взрыва.

Кружку, конечно, искать было бесполезно. Разнесло в крупу. Внимательно оглядевшись, Елисей нашел на стенах оврага несколько свежих отметин и, достав кинжал, выковырял из земли кусочки обожженной глины.

– Это что было? – снова подступил к нему прапорщик, придя в себя после неожиданного грохота.

– Гостинец для непримиримых придумал, – буркнул Елисей, катая на ладони осколки. – Про бомбы ручные слышали?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.